ЕВРАЗИЙСКАЯ № 1 (8) 2014
АДВОКАТУРА

Издается при содействии Ассоциации некоммерческих организаций – адвокатских образований «Гильдия российских адвокатов» и НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата»

Журнал основан в 2012 году.
Издается один раз в два месяца.

Редакционный совет

Председатель

МИРЗОЕВ Гасан Борисович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, Заслуженный юрист Российской Федерации, Президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва).

Заместитель председателя

ВОЛОДИНА Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва).

Члены редакционного совета

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, Генеральный секретарь Конфедерации юристов Азербайджана (Азербайджанская Республика, г. Баку);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН ЕРП Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, Президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Воронежского филиала Российского нового университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

ГАЛОГАНОВ Алексей Павлович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, Президент Адвокатской палаты Московской области (Российская Федерация, г. Москва);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по научной работе и практике Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, Почетный работник образования Казахстана, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, Президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия», заведующий Секретариатом Государственного Секретаря Республики Казахстан (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КОЛЕСНИКОВ Евгений Викторович – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии (Российская Федерация, г. Саратов);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра Московской академии экономики и права (Российская Федерация, г. Москва);

ОГАВА Акитсю – магистр права, адвокат, патентный поверенный, доцент университета Торговли и Бизнеса, председатель Международного комитета Ассоциации адвокатов префектуры Айчи, член Комитета по международному обмену Ассоциации адвокатов Японии (Япония, г. Токио и г. Нагоя);

ПОПЕЛЮШКО Василий Александрович – доктор юридических наук, профессор, адвокат, директор Института права им. И. Малиновского Национального университета «Острожская академия» (Украина, г. Острог);

РАГУЛИН Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса факультета государственного управления и права Восточно-Казахстанского государственного университета (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

ХВАН Леонид Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического института (Республика Узбекистан, г. Ташкент);

ЦОЛЛЬ Фредерик Анджей – доктор права, профессор кафедры гражданского права Ягеллонского университета, член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Республика Польша, г. Краков);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и уголовного права и процесса филиала Российского государственного социального университета в г. Люберцы (Российская Федерация, г. Люберцы);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг).

Редакционная коллегия

Главный редактор

РАГУЛИН Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

ГИМАЕВ Ильдар Закиевич – кандидат социологических наук, руководитель отдела специальных проектов;

КАНТЮКОВА Индира Тагировна – помощник главного редактора;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель редакционно-издательского центра ЕврАзНИИПП;

ПЕТРОВ Дмитрий Вячеславович – руководитель отдела новостей;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – литературный редактор;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель IT-отдела ЕврАзНИИПП;

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович – кандидат юридических наук, доцент, руководитель отдела научных публикаций.

Учредитель

АНО «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».
Свидетельство о регистрации Средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012 г.

Адреса редакции: 105120, г. Москва, пер. Малый Полуярославский, д. 3/5, стр. 1;
450059, г. Уфа, ул. Рихарда Зорге, д. 20. оф. 7.
Отпечатано в типографии Евразийского научно-исследовательского института проблем права.
Сдано в печать: 25.01.14. Формат 62х84 1/8. Усл. печ л. 10. Тираж 500 экз. Цена свободная.
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, e-mail: eurasian-advocacy@mail.ru

EURASIAN № 1 (8) 2014
ADVOCACY

Journal is published by support of Association of non-profit organizations – advocacy offices «Guild of Russian Advocates» and NOU VPO «Russian Academy of Advocacy and Notaries»

Journal is published since 2012. Published once in two months.

Editorial Council

Chairman

MIRZOEV Gasan Borisovich – LLD, professor, Deserved Lawyer of the Russian Federation, advocate, President of the Guild of Russian Advocates, rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow).

Vice-chairman

VOLODINA Svetlana Igorevna – PhD, associate professor, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates (Russian Federation, Moscow).

Members of the Editorial Council

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, secretary general of the Confederation of Lawyers of Azerbaijan (Azerbaijan Republic, Baku);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, professor, head of the chair of International and European law of law faculty of the Voronezh state university (Russian Federation, Voronezh);

DEKHANOV Sergey Aleksandrovich – LLD, associate professor, advocate, professor of chair of Copyright, Adjacent rights and Private law disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property (Russian Federation, Moscow);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, professor, vice-rector of Eastern Law and Economy Humanitarian Academy (Russian Federation, Ufa);

GALOGANOV Alexei Pavlovich – LLD, advocate, vice-president of the Federal Chamber of Advocates, president of Advocacy chamber of Moscow area (Russian Federation, Moscow);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, associate professor, advocate, professor of the chair of Civil law of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

HVAN Leonid Borisovich – PhD, associate professor, associate professor of the chair of Administrative and Financial Law of the Tashkent State Legal Institute (Republic of Uzbekistan, Tashkent);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of advocacy and law-enforcement activity of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KOLESNIKOV Evgeny Viktorovich – LLD, professor, honourable worker of higher education of Russian Federation, professor of chair of Constitutional and international law of the Saratov State Legal Academy (Russian Federation, Saratov);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, leading research associate of the Scientific Research Center of the Moscow Academy of Economy and Law (Russian Federation, Moscow);

OGAWA Akitsuyu – LLM, advocate, patent attorney, chairman of International Committee of Aichi Bar Association, member of International Exchange Committee of Japan Federation of Bar Association, associate professor of Nagoya University of Commerce and Business (Japan, Tokyo and Nagoya);

POPELYUSHKO Vasily Aleksandrovich – LLD, professor, advocate, director of the Institute of Law of the National University «Ostrozhskaya Academy» (Ukraine, Ostrog);

RAGULIN Andrey Viktorovich – PhD, associate professor, advocate, head of the Center of Research of Problems of Organization and Activity of Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, associate professor, head of the chair of criminal law and criminal procedure of the faculty of Public administration and Law of the East Kazakhstan State University (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES José Noronha – PhD, advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, professor of Law at Azores University (Portugal Republic, Açores, Ponta Delgada);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, professor, professor of chair of Constitutional and Penal law and process of branch of Russian state social university in Lyubertsy city (Russian Federation, Lyubertsy);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, legal adviser of the program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva);

SINN Arndt – PhD, professor, head of Institute of Economic criminal law and the head of chair of German and European criminal law and criminal trial, international criminal law and comparative jurisprudence of University of Osnabruck, director of Center of the European and international researches of criminal law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

VAN ERP Sjef – LLM, professor of chair of Civil law and European private law and Head of the Private Law Department of Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of Executive Committee of European Law Institute (Nedherlands, Maastricht);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, professor, professor of chair of International private and civil law of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, professor, advocate, professor of chair of State Legal disciplines of Voronezh branch of Russian New University (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, professor at the Faculty of Law of University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, advocate, professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, professor, honourable worker of education of Kazakhstan, First Vice-president of International Union (Commonwealth) of advocates, President of International association of advocates «Asia Injurkollegiya», Manager of Secretariat of State Secretary of Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Astana);

ZOLL Fryderyk Andrzej – PhD, professor, professor of chair of Civil law of Faculty of Law and Administration of Jagiellonian University (Republic of Poland, Krakow).

Editorial Board

Editor-in-Chief

RAGULIN Andrey Viktorovich – PhD, associate professor.

Members of the Editorial Board

GIMAYEV Ildar Zakiyevich – candidate of sociological sciences, the head of department of special projects

KANTYUKOVA Indira Tagirovna – assistant to the Editor-in-Chief;

KULAGIN Alexander Vladimirovich – head of the Publishing Center of EvrAzNIIPP;

PETROV Dmitry Vyacheslavovich –head of the News Department;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – copy editor;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – head of the IT Department of EvrAzNIIPP;

SHAYKHULLIN Marat Selirovich – PhD, associate professor, head of the Department of Scientific Publications.

Founder

ANO «Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law».
Certificate on registration of mass media: ПИ № ФС77-50845 of 14.08.2012.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения редакции журнала.
© Евразийская адвокатура, 2014.

Содержание

ПЕРСОНА
Суть адвокатской профессии нельзя прочувствовать заочно. Интервью с Вице-президентом Федеральной палаты адвокатов РФ, Президентом Адвокатской палаты Московской области, доктором юридических наук А.П. Галогановым 7

СОБЫТИЯ
Адвокатов России освободили от участия в конкурсах по государственным закупкам 12
Итоги Всероссийского студенческого конкурса «Законотворец» 12
Адвокаты Украины не должны носить кроссовки и джинсы в суде 12
Глава Союза адвокатов Казахстана подверг критике новый проект УПК 13
Реформа процедуры осуществления правосудия во Франции 13
Адвокаты Германии намерены бороться за тайну электронной переписки 13
Забастовка адвокатов Англии и Уэльса 14
Запрет на объединение для НКО адвокаты Малайзии считают незаконным 14

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
Емец С.И.
Мученик Иоанн – присяжный поверенный Иван Михайлович Ковшаров 15
(N.B. отозвана/retracted 25.09.2017)
Рагулин А.В.
Этапы становления института профессиональных прав адвоката-защитника в России и их общая характеристика 19

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ
Сибирцев Г.И.
Теоретические основы независимости защитительной юридической деятельности в рамках уголовного процесса 29

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ
Бирюков П.Н.
К вопросу о возможности уменьшения судом размера компенсации за нарушение прав на товарный знак 35
Дубровин О.В., Поминов А.В.
Комплексная экспертиза как доказательство обстоятельств, имеющих значение при рассмотрении дел о защите деловой репутации 39
Азизян В.Г., Журавленко Н.И.
Защита прав авторов компьютерных программ и изготовителей баз данных в судебном порядке 46

ЗАЩИТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТА
Закомолдин А.В.
О совершенствовании законодательной регламентации возможностей адвоката-защитника в процессе избрания в отношении его подзащитного отдельных мер пресечения 50

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТА
Шайхуллин М.С.
К вопросу о формировании традиций профессиональной этики адвоката 53

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Самедов Р.Т.
Совет по правам человека ООН и его предшественник – Комиссия по правам человека: деятельность по установлению стандартов и мониторингам 63

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Маликов М.Ф.
Ретроспективный анализ судебного приговора 71
Анцупова Т.А.
Общие и специальные принципы судебного процесса в Совете Европы 75

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ
Воробьев М.В.
О применении в России книжек МДП для международных перевозок 80

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ
Величко Д.С.
Конституционно-правовые основы деятельности дипломатической службы 85

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ
Отзыв на автореферат диссертации Астратовой Станиславы Владимировны по теме «Конституционное право на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации», представленной на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.02 – «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» (Екатеринбург, 2013) 90

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 94
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 95

Contents

PERSONA
The essence of advocacy profession cannot be experienced in absentia. Interview with Vice-president of Federal chamber of advocates of the Russian Federation, President of advocates chamber of the Moscow region, doctor of jurisprudence A.P. Galoganov 7

EVENTS
Advocates of Russia exempted from participation in competitions on government procurements 12
Results of the All-Russian student's competition «Legislator» 12
Advocates of Ukraine should not wear sneakers and jeans in court 12
The head of the Union of advocates of Kazakhstan criticized the Criminal Procedure Code new project 13
Reform of procedure of implementation of justice in France 13
Advocates of Germany intend to fight for secret of electronic correspondence 13
Strike of advocates of England and Wales 14
Advocates of Malaysia consider illegal a ban of NGO`s association 14

HISTORICAL EXPERIENCE
Emets S.I.
The martyr Ioann – the advocate Ivan Mikhaylovich Kovsharov 15
(N.B. отозвана/retracted 25.09.2017)
Ragulin A.V.
Stages of formation of institute of professional rights of the advocate-defenderin Russia and their general characteristic 19

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING
Sibirtsev G.I.
Theoretical bases of independence of protective legal activity within criminal procedure 29

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE
Birjukov P.N.
To a question of possibility of reduction by court of the amount of compensation for violation of the rights for the trademark 35
Dubrovin O.V., Pominov A.V.
Complex examination as proof of the circumstances important by hearing of cases about protection of business reputation 39
Azizyan V.G., Zhuravlenko N.I.
Protection of the rights of authors of computer programs and manufacturers of databases in a judicial order 46

PROTECTION OF THE PROFESSIONAL RIGHTS OF ADVOCATE
Zakomoldin A.V.
About improvement of a legislative regulation of opportunities of the advocate- defender in the course of election concerning his client of separate measures of restraint 50

PROFESSIONAL ETHICS AND DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF ADVOCATE
Shaykhullin M.S.
To a question of formation of traditions of professional ethics of advocate 53

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE
Samadov R.T.
The UN Human Rights Council and Its Predecessor – the Commission on Human Rights: standard-setting and monitoring activities 63

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE
Malikov M.F.
Retrospective analysis of the adjudication 71
Antsupova T.A.
The general and special principles of lawsuit in the Council of Europe 75

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE
Vorobjev M.V.
About application of TIR carnets in Russia for international transport 80

POLITICS AND ECONOMICS OF EURASIA
Velichko D.S.
Constitutional and legal bases of activity of diplomatic service 85

JURISPRUDENCE AND EDUCATION
Response on the abstract of the thesis of Astratova Stanislava Vladimirovna on the subject «Constitutional law on judicial protection of the rights and freedoms of the person and the citizen in the Russian federation» presented on competition of the scientific degree of the candidate of jurisprudence in the specialty 12.00.02 – «the Constitutional law; Constitutional trial; Municipal right» (Ekaterinburg, 2013) 90

INFORMATION FOR AUTHORS 94
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 96

СУТЬ АДВОКАТСКОЙ ПРОФЕССИИ НЕЛЬЗЯ ПРОЧУВСТВОВАТЬ ЗАОЧНО

Интервью с Вице-президентом Федеральной палаты адвокатов РФ, Президентом Адвокатской палаты Московской области, доктором юридических наук А.П. Галогановым.

THE ESSENCE OF ADVOCACY PROFESSION CANNOT BE EXPERIENCED IN ABSENTIA

Interview with Vice-president of Federal chamber of advocates of the Russian Federation, President of advocates chamber of the Moscow region, doctor of jurisprudence A.P. Galoganov.

Визитная карточка

Алексей Павлович Галоганов в 1979 г. после окончания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова был направлен в Московскую областную коллегию адвокатов, членом которой является до настоящего времени. Проявил себя специалистом высокой квалификации, эффективно осуществляющим защиту и представительство по сложнейшим делам, что обеспечило ему заслуженный авторитет в адвокатском сообществе.

За время работы адвокатом руководил с 1986 по 1989 год Воскресенской юридической консультацией, с 1988 по 2004 год бессменно избирался председателем Президиума Московской областной коллегии адвокатов. С октября 2002 года адвокатское сообщество избрало А.П. Галоганова Президентом адвокатской палаты Московской области, а с февраля 2003 г. – вице-президентом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

А.П. Галоганов участвует в законопроектной деятельности, проводит большую общественную работу, как принципиальный и настойчивый сторонник независимой адвокатуры, лидером которой он, несомненно, является, постоянно выступает в средствах массовой информации на актуальные правовые темы. С 1989 г. активно включился во всероссийское движение за создание федерального адвокатского объединения – Союза адвокатов РСФСР, цель деятельности которого – защита профессиональных и социальных прав адвокатов России. По завершении юридического оформления Союза А.П. Галоганов на Съезде российских адвокатов в 1992 г. был избран сопредседателем Союза адвокатов Российской Федерации и председателем Президиума Союза. В 1994 г. на учредительном съезде адвокатов Российской Федерации избран Президентом Федерального союза адвокатов России, обязанности которого он исполняет по настоящее время.

А.П. Галоганов сыграл значительную роль в реформировании устаревшего законодательства об адвокатской деятельности, приняв самое активное участие в разработке нескольких законопроектов об адвокатуре, в том числе закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Ряд внесенных им поправок к законопроектам был принят Государственной Думой.

По инициативе А.П. Галоганова обеспечено участие адвокатов Московской областной коллегии адвокатов в работе общественных приемных губернатора Московской области и депутатов Государственной Думы в городах и районах Подмосковья.

На протяжении всей своей деятельности А.П. Галоганов осуществляет защиту интересов малоимущей части населения, нередко бесплатно. Именно он на общем собрании членов коллегии в апреле 1996 г. внес предложение о защите неимущих «в очередь», т. е. выступил своего рода гарантом защиты их законных прав и интересов в судах Московской области.

Успешно совмещая свою профессиональную деятельность с научной, в 2000 г. А.П. Галоганов защитил диссертацию кандидата юридических наук, а в 2012 г. получил степень доктора юридических наук. Подготовил монографии «Российская адвокатура – история и современность», «Правовой статус адвокатуры: Российская законодательная модель и конституционные принципы обеспечения прав человека».

Активная профессиональная и общественная деятельность А.П. Галоганова снискали ему заслуженное уважение и огромный авторитет среди юридической общественности и адвокатов России.

А.П. Галоганов большое внимание уделяет работе в общественном Президентском совете по судебной реформе. Является членом Общественной палаты ЦФО, членом Московской областной Общественной палаты, членом Комиссии по вопросам помилования на территории Московской области, членом и сопредседателем редакционных советов журналов «Российский адвокат», «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата», «Адвокатская практика», «Адвокатская палата», Вестника Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, газеты «Бизнес Адвокат», Бюллетеня Адвокатуры, журнала «Евразийская адвокатура», членом-корреспондентом Российской академии адвокатуры, членом-корреспондентом Российской академии естественных наук, членом правления ассоциации юристов России, членом Президиума Московского областного регионального отделения

Партии «Единая Россия», членом общественного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации, членом Союза писателей.

В 2009 году избран председателем правления Московского областного отделения ассоциации юристов России. Под его руководством созданы центры по оказанию бесплатной юридической помощи в Московской области, проводится аккредитация юридических вузов, создан Совет молодых юристов Московской области.

За заслуги в укреплении законности и многолетнюю добросовестную работу А.П. Галоганов имеет многочисленные награды: звание «Почетный адвокат Болгарии» 1988 г., знак отличия «За заслуги перед Московской областью» 1999 г., «Почетный адвокат России» 2002 г., медаль «В память 200-летия Минюста России» 2003 г., высшую юридическую премию «Фемида» Московского клуба юристов 2003 г., золотую медаль «Почетный адвокат» адвокатской палаты Московской области 2004 г., знак отличия «За заслуги в сфере законодательства Московской области» 2004 г., золотую медаль им. Ф.Н. Плевако, медаль Кони Министерства юстиции РФ 2004 г., знак «За милосердие» III степени Губернатора Брянской области 2004 г., орден «За верность адвокатскому долгу» Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 2004 г., медаль «За заслуги в защите прав и свобод граждан» 2 степени 2010 г., серебряную медаль «140 лет Московскому Совету присяжных поверенных» 2006 г. и многие другие поощрения Московской областной коллегии адвокатов и адвокатской палаты Московской области. Награжден Почетной грамотой Генерального прокурора РФ, Почетной грамотой Министра юстиции РФ, Почетной грамотой Генерального секретаря партии «Единая Россия» РФ.

– Здравствуйте, уважаемый Алексей Павлович! Благодарим Вас за согласие войти в Редакционный Совет нашего журнала и за то, что нашли время на интервью. Начнем, можно сказать, с традиционного нашего вопроса. Прошу Вас рассказать, когда и по какой причине Вы пришли в адвокатуру?

– В адвокатуру я пришел не случайно. С раннего детства, а воспитывался я в школах-интернатах Брянской области, видел вокруг себя много несправедливости и равнодушия. Можно сказать, ощущал все это на себе. Поэтому примерно с восьмого класса я твердо верил в то, что стану юристом, и стремился к этому.

Любимыми моими предметами в школе были история, литература, русский язык, география. Учась в 10-м классе, я разослал практически во все университеты СССР, где были юридические факультеты, и в юридические институты письма с просьбой выслать условия приема в их вузы. И почти все мне ответили. Я тщательно изучил условия приема и выбрал для себя юридический факультет Воронежского университета.

Наверное, основной причиной выбора явилось то, что г. Воронеж территориально ближе к Брянской области.

К сожалению, несмотря на то, что сдал экзамены на «хорошо» и «отлично», на юрфак Воронежского университета я не поступил – не прошел по конкурсу.

Вернулся на родную Брянщину, где год проработал в сельской школе пионервожатым и учителем истории. Всем колхозом меня проводили в армию. Служил на Кавказе. После службы по совету армейского друга поехал поступать на юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Поступил. Специализацией избрал уголовный процесс, защиту прав человека. В 70-е годы прошлого столетия было очень трудно получить статус адвоката. Из нашего выпускного курса (примерно 150 человек) по распределению брали всего пятерых в Московскую областную коллегию адвокатов.

Я попал в «счастливую пятерку» подмосковных адвокатов, за что очень благодарен мэтру российской адвокатуры и моему учителю М.А. Гофштейну. Около года стажировался в Московской областной коллегии адвокатов, а после стажировки добровольно поехал работать в довольно отдаленный район Московской области – г. Коломну.

Символично, что пришел я туда работать тринадцатым адвокатом, а если учесть то, что Коломенская юрконсультация располагалась в доме номер 13, а жил я в г. Люберцы Московской области тоже в доме номер 13, то это число сыграло в моей жизни весьма положительную роль.

Потом работал адвокатом в Воскресенской, Раменской консультациях. Был назначен заведующим Воскресенской консультацией, стал членом Президиума МОКА. А с 1988 года исполнял обязанности Председателя Московской областной коллегии адвокатов, потом меня избрали Председателем МОКА, Президентом Адвокатской палаты Московской области.

Так что адвокатом я стал, можно сказать, по призванию. Адвокатура – это моя жизнь и судьба, кроме нее я нигде ни в каких правоохранительных органах не работал, о чем ничуть не жалею.

Я благодарен судьбе за своих учителей в адвокатуре, какими были М.П. Быков, В.И. Агапов,

М.А. Гофштейн, Л.П. Вдовина, П.А. Миронов, М.С. Мельниковский и многие другие.

– Мы знаем, что, несмотря на большую загруженность работой в Адвокатской палате Московской области и ФСАР, Вы успеваете заниматься и практической деятельностью. Расскажите, пожалуйста, о делах из Вашей адвокатской практики последнего времени.

– За свою 35-летнюю адвокатскую деятельность я провел сотни дел. Несмотря на то, что довольно рано стал «чиновником от адвокатуры», я постоянно вел как уголовные, так и гражданские дела. Считаю, что избранные на руководящие должности адвокаты не должны отрываться от практики и просто обязаны вести дела. Сущность адвокатской профессии нельзя прочувствовать и понять заочно. Только в судах и на следствии, являясь непосредственным участником процесса, пропустив «через свое сердце» боль и страдания своих подзащитных, ты станешь настоящим профессионалом. И только тогда ты поймешь самого адвоката, в отношении которого иногда приходят необоснованные жалобы от клиентов либо представления из правоохранительных органов. Среди «громких» проведенных мною дел – дело «обманутых вкладчиков 90-х годов» в Конституционном суде РФ, защита бывшего Премьер-министра СССР В.С. Павлова в «деле ГКЧП», дело хоккеиста воскресенского «Химика» И. Селянина и др. Я представлял интересы в различных судах и органах бывшего губернатора Московской области А.С. Тяжлова, бывшего вице-премьера России В.Ф. Шумейко, бывшего председателя Госдумы РФ Г.А. Селезнева, композиторов Г.Г. Гладкова, В.Н. Назарова и др. Конечно, много времени отнимает общественная, научная и педагогическая деятельность, но каждый месяц я появляюсь в судах либо на следствии.

Не хотел бы комментировать дела, находящиеся сегодня в моем производстве, – это связано как с адвокатской тайной, так и с интересами клиентов. Могу только констатировать, что сегодня, к сожалению, очень много «заказных» дел, чего практически не было в советское время.

Я защищаю главу администрации одного из районов Московской области, которого обвиняют в мошенничестве.

Суть обвинения заключается в том, что он якобы получил один миллион рублей от одного предпринимателя для передачи этих денег в некий «фонд» по выборам другого человека. Все обвинение построено практически на показаниях этого предпринимателя, у которого крайне неприязненные отношения с главой администрации из-за того, что последний ранее дал правдивые показания против предпринимателя, находившегося под стражей по другому уголовному делу.

После дачи показаний против главы администрации предпринимателю была изменена мера пресечения, и он освобожден из-под стражи.

Глава администрации – честнейший, ничем не опороченный человек – в условиях жесточайшего пресса со стороны следственных органов (допросы, обыски и т. д.) продолжает руководить районом, хотя здоровье его уже подорвано.

Я убежден, что справедливость будет восстановлена, и уголовное дело в отношении моего клиента будет прекращено. Но какой ценой? И кто за этот беспредел, я не могу подобрать другого, более мягкого слова, ответит?

– Какие основные проблемы, на Ваш взгляд, стоят сегодня перед отечественной адвокатурой, и каковы способы их разрешения?

– У российской адвокатуры много проблем. В 2014–2015 гг. предстоит реформа адвокатуры, и, судя по всему, Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» подвергнется серьезным изменениям. Это предусмотрено программой Министерства юстиции РФ «Юстиция», опубликованной на сайте Минюста.

Вне всякого сомнения, жизнь не стоит на месте, и наш адвокатский закон нуждается в каких-либо изменениях, дополнениях. Но их нужно делать осторожно, обдуманно, по принципу «семь раз отмерь – один раз отрежь». Нас очень волнует вопрос повышения качества юридической помощи. Конечно, пора навести порядок в оказании квалифицированной юридической помощи в России, определив, прежде всего, субъектов оказания такой помощи в судах.

Сегодня в судах, особенно в гражданском судопроизводстве, такую помощь оказывают практически все, кому не лень. Это неправильно. Во всех цивилизованных странах ведение дел в судах доверено адвокатам, которые имеют необходимую для этого профессиональную подготовку и в случае оказания клиенту некачественной юридической помощи несут за это персональную дисциплинарную ответственность. Поэтому сегодня крайне необходимо либо принятие Закона «О квалифицированной юридической помощи», либо внесение соответствующих поправок в Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Причем нам не нужно ничего изобретать – этот вопрос довольно успешно решен во французском законодательстве. Все, кто намерен оказывать

либо оказывает юридическую помощь в судах, должны получить статус адвоката. От этого выиграет, прежде всего, население, которому и должна оказываться квалифицированная юридическая помощь.

Считаю, что необходимо ввести административную ответственность за неисполнение адвокатского запроса, поскольку государственные и общественные органы и организации в 90 % случаев наши запросы игнорируют.

Необходимо также законодательно усилить гарантии осуществления адвокатской деятельности. Мы очень слабо защищены.

Нас волнует проблема внутрикорпоративной адвокатской демократии. Наступило время, когда нам нужно отказаться от поправок в Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» 2004 года, – вопросы ротации, сроков, порядка выбора в руководящие адвокатские органы должны решаться самими адвокатскими сообществами.

В России и в регионах практически не действуют законы о бесплатной помощи населению. В этом нужно разобраться всем вместе, представителям государственной власти и адвокатского сообщества, и разработать такой механизм, чтобы законы работали.

В общем, проблем хватает. Спокойной жизни у адвокатов и адвокатского сообщества никогда не было и не будет.

– 30 ноября 2013 года Федеральная палата адвокатов РФ получила официальный статус члена-наблюдателя Совета адвокатур и юридических ассоциаций Европы. Как, на Ваш взгляд, это будет способствовать развитию отечественной адвокатуры?

– Вне всякого сомнения, получение Федеральной палатой адвокатов РФ официального статуса члена-наблюдателя Совета адвокатур и юридических ассоциаций Европы 30 ноября 2013 г. будет способствовать развитию отечественной адвокатуры, повышению ее авторитета.

У адвокатов всех стран примерно одни и те же проблемы. Поэтому нам нужно чаще встречаться, обмениваться опытом, совершенствовать законодательство об адвокатуре. Нам есть чему поучиться у наших зарубежных коллег.

– В последнее время в сети Интернет появились многочисленные сайты, которые собирают информацию об адвокатах, отзывы об их деятельности, пытаются построить различного рода рейтинги и т. п. Как Вы относитесь к такого рода источникам информации об адвокатской деятельности? Может быть, имеет смысл открыть единый централизованный Интернет-портал на базе ФПА РФ и общественных объединений адвокатов?

– Действительно, в последнее время в сети Интернет появилось много различных сайтов, отражающих жизнь и деятельность адвокатов и адвокатуры. Причем точки зрения авторов и их мнения весьма различны, а порой противоречивы. Нет пока должного единства и в адвокатском сообществе. Я уже не говорю о недоброжелателях, которые с удовольствием пытаются принизить роль и значение адвокатуры в государстве и обществе.

Наверное, пора подумать об открытии единого централизованного Интернет-портала на базе ФПА РФ и общественных адвокатских объединений. Лично я это поддерживаю, как поддерживаю идею объединения всех адвокатских организаций и адвокатов в единое мощное адвокатское сообщество.

– Нередко приходится слышать мнение о том, что в настоящее время в России наблюдается «перепроизводство» юристов. Вы согласны с этим?

– Юридических вузов и юридических факультетов в России, действительно, много. К сожалению, пропорционально росту их количества падает качество подготовки будущих юристов. Соответственно растет количество и слабо подготовленных юристов. С этим мы постоянно сталкиваемся на экзаменах, как в вузах, так и в квалификационных комиссиях адвокатских палат. Поэтому правильнее речь вести не о «перепроизводстве» юристов, а о низком уровне их подго-товки.

Думаю, что все юридические вузы и юридические факультеты обязаны пройти переаттестацию, а государство должно строже контролировать деятельность аттестованных вузов.

Но если вспомнить советские времена, в СССР было всего 4 юридических института и юридические факультеты немногих университетов, осуществлялось государственное распределение молодых специалистов, и юристов хватало на всю страну.

– Расскажите, пожалуйста, о Вашей научной деятельности.

– Я с удовольствием занимаюсь научной деятельностью, хотя времени на это остается очень мало. Являюсь вице-президентом и членом Ученого Совета Академии адвокатуры и нотариата, членом ученого Совета юридического факультета

Российской государственной финансовой академии при Правительстве РФ, преподаю на кафедре адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина.

Курирую нескольких аспирантов, работающих над кандидатскими диссертациями, часто выступаю оппонентом при защите кандидатских и докторских диссертаций.

Сейчас работаю над тремя научными статьями, заказанными несколькими журналами. Пишу главу о юридической этике по заказу Редакционного совета одного из учебников для юридических вузов. В общем, моя научная деятельность также весьма насыщена и интересна.

– Какие проблемы адвокатской деятельности и адвокатуры, на Ваш взгляд, необходимо подвергнуть научному исследованию молодым ученым, которые интересуются соответствующей проблематикой?

– В адвокатуре очень большое поле деятельности для молодых ученых. Недостаточно научно разработаны само понятие адвокатуры, проблема места адвокатуры в государстве, в обществе. Отсюда недопонимание роли и значения адвокатуры, а часто игнорирование ее, негативное отношение к ней.

Нуждаются в научной разработке вопросы статуса адвокатуры, ее образований, стандарты адвокатской профессии, адвокатская этика, взаимоотношения адвокатуры с государством и др.

– Есть ли необходимость в создании на базе ведущих адвокатских палат научно-исследовательских центров, которые занимались бы разработкой актуальных проблем, связанных с организацией и деятельности адвокатуры?

– Я поддерживаю идею создания на базе ведущих адвокатских палат научно-исследовательских центров, поскольку в регионах возникает очень много вопросов, связанных с организацией и деятельностью адвокатуры.

В советские времена довольно успешно работал совместный научно-исследовательский Институт адвокатских коллегий г. Москвы и Московской области.

– И, наконец, последнее. Что Вы пожелаете нашему журналу?

– Журнал молодой, интересный. Думаю, у него большое будущее. Поэтому я желаю журналу больше подписчиков и читателей. А редколлегии и сотрудникам – творческих успехов, профессионального роста и, конечно же, здоровья.

– Большое спасибо Вам за беседу, и от имени Редакционного Совета и редколлегии журнала поздравляю Вас с Юбилеем!

Беседовал кандидат юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» А.В. Рагулин

Уважаемый Алексей Павлович!

От имени Гильдии российских адвокатов, коллегии адвокатов «Московский юридический центр», Российской академии адвокатуры и нотариата и от себя лично сердечно поздравляю Вас с юбилеем!

Мы знаем Вас как прекрасного человека, разностороннего и высококлассного специалиста, верного своему долгу. Все эти годы Вы не только трудились на благо простых людей, обращавшихся за юридической помощью, но и были единомышленником, верным соратником и активным участником нашей общей работы по укреплению единства и сплочённости адвокатских рядов. Вы пользуетесь огромным авторитетом в профессиональной среде, заслуженным уважением у доверителей и сотрудников правоохранительных органов. На Вашем счету немало блестяще защищенных судебных разбирательств, в том числе три процесса в Конституционном Суде Российской Федерации.

Вас всегда отличало и отличает чуткое отношение к людям, их проблемам, профессионализм, порядочность. Я рад, что мы вместе направляем наши усилия на укрепление адвокатских рядов и престижа адвокатуры в целом.

Примите в день Вашего рождения самые искренние и сердечные пожелания доброго здоровья, долгих лет жизни, успехов в Вашей профессиональной деятельности!

Благополучия и счастья Вам и Вашим близким!

С уважением,
Президент Гильдии российских адвокатов,
Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор *Г.Б. Мирзоев*

РОССИЯ

Адвокатов России освободили от участия в конкурсах по государственным закупкам

Президент РФ Владимир Путин подписал поправки в закон о контрактной системе государственных закупок, которые, в частности, выводят из-под его действия адвокатов, участвующих в делах по назначению и в системе бесплатной юридической помощи, сообщила пресс-служба Кремля.

В часть 2 статьи 1 Закона о контрактной системе внесены положения, согласно которым он не применяется к отношениям, связанным с назначением адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве и представителя в гражданском судопроизводстве и с привлечением адвоката к оказанию гражданам юридической помощи бесплатно в соответствии с ФЗ «О бесплатной юридической помощи».

Еще в середине декабря 2013 г. президент Федеральной палаты адвокатов РФ Евгений Семеняко обратился к премьеру Дмитрию Медведеву с экстренной просьбой о внесении корректив в Закон о контрактной системе, которым с 1 января 2014 года устанавливался контрактный принцип допуска адвокатов к делам по назначению и системе бесплатной юридической помощи.

Как отмечал Е. Семеняко, отсутствие механизма реализации нового закона и заключенных контрактов сделало бы невозможным с нового года финансирование труда адвокатов. Правовая неопределенность возникала и в вопросе участия адвокатов в государственной системе бесплатной юридической помощи, поскольку по смыслу закона бесплатную помощь в рамках государственной системы адвокаты также должны оказывать на основе заключенных контрактов, однако никаких указаний на этот счет закон не содержал.

В письме премьеру глава ФПА РФ подчеркивал, что установление контрактной системы без отмены действующих законодательных и нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в этой сфере, «создает предпосылки для правовой неопределенности и хаоса в отправлении правосудия».

Государственная Дума Федерального Собрания РФ на последнем заседании сессии успела принять необходимые поправки.

Итоги Всероссийского студенческого конкурса «Законотворец»

23 декабря 2013 г. в Государственной Думе Федерального Собрания РФ состоялось торжественное подведение итогов студенческого конкурса «Законотворец».

Конкурс на лучшее предложение по внесению поправок в проект Федерального закона «О государственной системе электронного обмена корреспонденцией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (http://gseok.ru/) проходил среди студентов юридических вузов и юридических факультетов вузов России.

География конкурса оказалось необычайно широкой. Студенты Москвы, Новосибирска, Томска и других городов России боролись за право стать законотворцем.

Победителей поздравили депутат Государственной Думы РФ А.Ю. Русских, первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата Р.В. Шагиева, руководитель Московской городской коллегии адвокатов «Бюро адвокатов «Де-Юре» Н.В. Филиппов.

Помимо грамот и денежных призов лучшие из лучших получили право опубликовать свою статью в журнале «Евразийская адвокатура».

Победителями конкурса стали: 1-е место – Е.О. Яночкина, Е.А. Евстифеева, К.В. Сомова, В.Г. Цыганова (РЭУ им. Г.В. Плеханова); 2-е место – Л.К. Багандова (Финансовый университет при Правительстве РФ); 3-е место – А.П. Марков (МГЮА им. О. Кутафина) и А.С. Кудинов (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет).

УКРАИНА

Адвокаты Украины не должны носить кроссовки и джинсы в суде

Комитет Верховной Рады по вопросам верховенства права и правосудия рекомендует парламенту предоставить адвокатам право носить мантии.

На заседании 20 ноября Комитет рассматривал, в частности, проект закона «О внесении изменений в Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» относительно адвокатской мантии».

Документом предлагается дополнить перечень профессиональных прав адвоката правом быть одетым в специальный наряд – адвокатскую мантию во время участия в судебном заседании. Образец и описание этой мантии должен утверждать Совет адвокатов Украины.

Сначала народные депутаты хотели рекомендовать Верховной Раде отклонить законопроект. Однако некоторые дипутаты обратили внимание, что ношение мантии будет не обязанностью, а правом адвоката. К тому же это будет дисциплинировать адвокатов, и, возможно, некоторые из них не будут ходить хотя бы в высшие специализированные суды в кроссовках и джинсах.

Комитет поддержал законопроект и рекомендовал парламенту принять его за основу.

КАЗАХСТАН

Глава Союза адвокатов Казахстана подверг критике новый проект УПК

Глава Союза адвокатов Казахстана Ануар Тугел в своем интервью ИА Tengrinews.kz раскритиковал новый проект Уголовно-процессуального кодекса и привел в пример опыт Украины: «Они ушли от термина «уголовное дело». Уголовное дело – это огромные тома. Там этого нет, есть уголовное производство. И в суд поступает только один обвинительный акт. Не поступают многотомные материалы с аудиофайлами, фотографиями и так далее», – сообщил Тугел, выступая на заседании Совета по защите прав предпринимателей при Национальной палате предпринимателей Казахстана. Тугел пояснил, что при разработке Уголовно-процессуального кодекса РК за основу бралась украинская модель. «Но при этом я хочу четко объяснить, когда разработчики данного законопроекта, Генеральная прокуратура, начинали его разрабатывать, они взяли за основу украинский опыт, но совместили его со своими ведомственными интересами», – сказал Тугел. По его словам, по украинскому Уголовно-процессуальному кодексу ключевой фигурой в уголовном процессе является следственный судья и две стороны. «Как сторона защиты, так и сторона обвинения идут к этому судье, чтобы взять у него разрешение на проведение каких-либо процессуальных действий, которые в какой-то мере ущемляют права и свободы граждан. Адвокат и органы уголовного преследования равны по сбору и представлению доказательств. У нас, к сожалению, в представленном в Парламенте УПК этой основной фигурой является прокурор. А фигура следственного судьи у нас номинальна», – добавил глава Союза адвокатов.

ФРАНЦИЯ

Реформа процедуры осуществления правосудия во Франции

10–11 января 2014 года в Париже проведены двухдневные дебаты по вопросам совершенствования правосудия, в которых приняли участие представители Министерства юстиции, прокуратуры и адвокатского сообщества.

В ходе дебатов выступил премьер-министр Франции Жан-Марк Эро, который объявил о необходимости реформы судебной системы. В своем выступлении он остановился на таких вопросах, как необходимость реформирования системы финансирования юридической помощи, необходимость реформирования статуса прокуратуры, значимость достойного финансирования за счет бюджета юридической помощи, оказываемой адвокатами как подозреваемым, так и потерпевшим от преступлений. Премьер-министр упомянул о том, что проведению реформы будут предшествовать результаты деятельности четырех рабочих групп, которые к настоящему моменту уже подготовили отчеты, содержащие 258 рекомендаций. В ходе дискуссии было объявлено, что аналогичные консультации будут проводиться до середины 2014 года, а всем заинтересованным лицам необходимо представить свои предложения по вопросам реформирования системы осуществления правосудия.

ГЕРМАНИЯ

Адвокаты Германии намерены бороться за тайну электронной переписки

Президент Федеральной палаты адвокатов Германии Аксель Фильгес в начале января 2014 года обратился с открытым письмом к коллегам и представителям органов государственной власти. В своем заявлении он отметил, что согласно параграфу 43 устава ФПА Германии соблюдение конфиденциальности является одной из основных обязанностей адвоката, выполнение которой обеспечивает доверие между ним и клиентом, а также обеспечивает независимость адвокатской профессии.

Господин Фильгес отметил, что адвокаты Германии вновь находятся под угрозой нарушения режима конфиденциальности, поскольку с 2016 года вступает в силу закон об электронном документообороте между адвокатами и судами, подготовка к реализации которого идет в настоящее время. В обращении отмечается, что электронная почта, очевидно, не является самым безопасным средством связи, при этом возможности спецслужб, в том числе и иностранных, очевидно позволяют получать информацию из электронных писем без ведома их отправителей и получателей и помимо судебного контроля за этой процедурой. В связи с этим господин Фильгес призывает коллег сделать все от них зависящее, чтобы на национальном, европейском и международном уровне создать условия, при которых возможность нарушения адвокатской тайны, в том числе при электронной переписке, будет исключена.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Забастовка адвокатов Англии и Уэльса

5 января 2014 года барристеры и солиситоры Англии и Уэльса провели однодневную протестную акцию в форме забастовки, вследствие чего были сорваны все судебные процессы по уголовным делам. Причиной протестной акции послужили планы правительства по повышению налогов на денежные средства, получаемые адвокатами за оказание юридической помощи, до 30 % и планируемое снижение выплат из бюджета, которые поступают адвокатам за оказание бесплатной юридической помощи. Это первая общенациональная забастовка, в которой приняли участие и барристеры, и солиситоры одновременно. Протестную акцию также поддержали профсоюзы, благотворительные учреждения и организации. Протестующие адвокаты заявляют, что министерство юстиции пытается изобразить из них «богачей», однако статистика показывает, что 1200 британских барристеров заработало менее 100 000 фунтов за прошлый год, при том, что налоги, затраты на пенсионное обеспечение, транспортные и иные расходы составили примерно 50 % из этой суммы. Адвокаты утверждают, что многие из них зарабатывают лишь от 13 000 до 25 000 фунтов в год, что по меркам Великобритании недостаточно для нормальной жизнедеятельности. При этом протестующие адвокаты также отмечают, что никакие государственные службы, связанные с осуществлением правосудия, не были ограничены в бюджетных средствах. В случае неудовлетворения требований адвокатов они обещают продолжить протестные акции.

МАЛАЙЗИЯ

Запрет на объединение для НКО адвокаты Малайзии считают незаконным

10 января 2014 года Коллегия адвокатов Малайзии обнародовала адресованное правительству страны требование об отзыве решения о запрете неправительственным организациям создавать объединения и входить в их состав. Президент Коллегии Кристофер Леонг отметил, что, запрещая коалиции неправительственных организаций, правительство, в конечном итоге, говорит общественности, что у него нет намерения защищать права и свободы человека и гражданина. В своем обращении Леонг указал, что только обычные предусмотренные законом процедуры могут являться основанием для запрета или признания незаконной любой организации или коалиции, поэтому решение правительства, по сути, представляет собой попытку ограничения и даже ликвидации некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на критику действующей власти. В обращении отмечается, что вместо запретов правительству следует приветствовать и конструктивно взаимодействовать с некоммерческими организациями и их объединениями.

Емец С.И.

МУЧЕНИК ИОАНН – ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ КОВШАРОВ

***Цель**: Рассмотрение основных аспектов жизни и деятельности присяжного поверенного И.М. Ковшарова.*

***Методология**: Автором использовался историко-правовой метод.*

***Результаты**: В работе проанализированы основные этапы жизни и деятельности присяжного поверенного И.М. Ковшарова, признанного в 1992 году Святым Мучеником, рассмотрены причины, в связи с которыми он был подвергнут необоснованному привлечению к уголовной ответственности и мере наказания в виде расстрела.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья имеет определенную научную ценность, поскольку в ней впервые в российской юридической литературе исследованы основные аспекты жизни и деятельности присяжного поверенного И.М. Ковшарова.*

***Ключевые слова**: адвокатура, репрессии, история адвокатуры.*

Emets S.I.

THE MARTYR IOANN – THE ADVOCATE IVAN MIKHAYLOVICH KOVSHAROV

***Purpose**: Consideration of the main aspects of life and activity of the advocate I.M. Kovsharov.*

***Methodology**: Author used a historical-legal method.*

***Results**: In work the main milestones of life and activity of the advocate I.M. Kovsharov recognized in 1992 the Saint Martyr are analyzed, the reasons in connection with which he was subjected to unreasonable criminal prosecution and a punishment measure in the form of execution are considered.*

***Novelty/originality/value**: Article has a certain scientific value as in it for the first time in the Russian legal literature the main aspects of life and activity of the advocate I.M. Kovsharov are investigated.*

***Keywords**: legal profession, repressions, legal profession history, lawyer, attorney, counsel, barrister, advocate, advocacy, bar.*

ОТОЗВАНА/RETRACTED 25.09.2017

Анализ научных статей, публикуемых в современной юридической периодике, показывает, что в последнее время актуализировались исследования различных аспектов организации и деятельности адвокатуры в период времени от Октябрьской революции 1917 года до принятия Положения «Об адвокатуре СССР», юридически возродившего в советском государстве институт адвокатуры в более-менее полноценном виде [1, 2]. Одной из острейших проблем, характерных для данного периода, является исследование уничтожения присяжной адвокатуры и создания адвокатуры советского типа, причем следует подчеркнуть, что термин «уничтожение» в данном случае означает не только ликвидацию российской присяжной адвокатуры как института, но и физическое устранение целого ряда талантливейших представителей адвокатского сословия [3, 5, 6].

В 1992 году на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви мученик Иоанн (Ковшаров) причислен к лику святых. А в земной жизни Иван Михайлович Ковшаров – это одессит, наш коллега адвокат, присяжный поверенный. Пожалуй, это единственный случай в истории адвокатуры, когда адвокат причислен к лику святых.

В 1922 году Ковшаров был арестован Петроградским ЧК по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей и по приговору трибунала расстрелян. Вместе с ним мученическую смерть приняли митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин, архимандрит Сергий (Шеин) и профессор Ю.П. Новицкий.

Для православной церкви России 1922 год – это год репрессий и изъятия церковного имущества. В том году только по судебным приговорам были расстреляны 2601 человек из белого духовенства, 1962 монаха и 1447 монахинь.

19 марта 1922 года Ленин продиктовал письмо Молотову с оговоркой «ни в коем случае копий не снимать»: «Нам во чтобы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать» [4]. Как попал в этот опасный период под репрессии присяжный поверенный Ковшаров? Обратимся к его биографии.

К сожалению, на сегодняшний день мы имеем мало информации о профессиональной и личной

жизни Ковшарова, работа в архивах по изучению его биографии еще только начинается. Поэтому в подготовке данной статьи оказали неоценимую помощь представители Православной Церкви. От имени членов Одесской областной коллегии адвокатов хотелось бы выразить благодарность за предоставленные материалы и помощь настоятельнице Свято-Архангело-Михайловского женского монастыря Игумении Серафиме, клирику Храма Апостола святого Андрея Первозванного отцу Сергию, а также московскому церковному историку Виктору Константиновичу Котту.

В.К. Котт по приглашению руководителя одесской коллегии адвокатов И.Л. Бронза посетил президиум Одесской областной коллегии адвокатов, ознакомился с материалами нашего музея. Историк рассказал о своих планах по написанию биографии И. Ковшарова и по завершении работы обещал ознакомить адвокатов Одессы с полным описанием его жизни.

Родился Иван Михайлович Ковшаров в Одессе в 1878 году в мещанской семье. Закончил юридический факультет Новороссийского (Одесского) университета в 1903 году. Личное дело студента Ковшарова сохранилось до наших дней, с ним можно ознакомиться в государственном архиве Одесской области.

Во время учебы на факультете он познакомился с Осипом Яковлевичем Пергаментом – первым одесским председателем Совета присяжных поверенных, которого за ораторское искусство называли одесским златоустом. Пергамент преподавал в Новороссийском Университете римское право. Возможно, его личность повлияла на выбор Ковшаровым по окончании университета профессии адвоката.

С 1903 по 1906 год Ковшаров работал в Одессе, но достоверных данных об этом периоде его жизни пока нет. В 1906 году он переехал в г. Санкт-Петербург. В столице Ковшаров вступил в сословие присяжной адвокатуры помощником известного Петербургского адвоката К.И. Валицкого. С 1908 года состоял присяжным поверенным Санкт-Петербургского округа Судебной Палаты. Также он был зарегистрирован в качестве присяжного стряпчего при столичном коммерческом суде. Связи с Одесским Советом присяжных поверенных Ковшаров никогда не терял. Пригласил к себе в качестве помощников присяжного поверенного одесситов Григория Александровича Гольдштейна и Ипполита Ефимовича Лермана (расстрелян в 1937 году).

Во время своей адвокатской деятельности Ковшаров неоднократно выступал в качестве защитника в политических процессах над революционерами.

С 1912 года Иван Михайлович Ковшаров – юрисконсульт Александро-Невской лавры. Затем на Петроградском епархиальном съезде духовенства избран уполномоченным (комиссаром) по общеепархиальным делам. А в 1916 году вошел уже в Правление Общества объединенных петроградских православных приходов.

По иронии судьбы Ковшаров, ранее защищавший революционеров от царского правительства, теперь вынужден был защищать церковь, ее служителей и имущество от большевистского правительства. Он делал это умело, активно препятствовал закрытию церквей петроградского православного прихода. Такое противодействие Ковшарова антирелигиозной политике властей не оставалось незамеченным большевиками и в 1922 году привело к трагедии.

В этом году в Петрограде приступили к реализации декрета «Об изъятии церковных ценностей» под видом помощи голодающим. Задача, поставленная центром, – насильственное изъятие без каких-либо компромиссов.

6 марта 1922 года И.М. Ковшаров, митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин, архимандрит Сергий (Шеин) и профессор Ю.П. Новицкий прибыли в Петроградский Совет для переговоров об изъятии церковных ценностей. Митрополит Вениамин представил в комиссию Совета помощи голодающим (так называемая комиссия Помогола) заявление, в котором указывалось на то, что: а) церковь готова пожертвовать для спасения голодающих все свое достояние; б) для успокоения верующих необходимо, чтобы они осознавали жертвенный, добровольный характер этого акта; в) для этой же цели необходимо, чтобы в контроле над расходованием церковных ценностей участвовали представители верующих. Также в заявлении говорилось: если эти условия не будут приняты Петроградским Советом, митрополит не даст своего благословления и осудит насильственное изъятие ценностей.

На сегодняшний взгляд требования о передаче огромных ценностей церкви в распоряжение светских властей вполне справедливы.

Ответ последовал через несколько дней. Митрополит Вениамин, И.М. Ковшаров, архимандрит Сергий (Шеин), профессор Ю.П. Новицкий и еще около 80 священнослужителей и верующих были арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Обвинялись они по ст. 62, 119 УК РСФСР «Организация в преступную контрреволюционную группу, поставившую себе целью

ОТОЗВАНА/RETRACTED 25.09.2017

борьбу с советской властью». Судил их Петроградский губернский ревтрибунал. История сохранила для нас описание этого процесса, выступления подсудимых, есть и фотографии, которые будут выставлены в нашем музее адвокатуры.

В жизнеописании митрополита Вениамина интересно сказано о составе подсудимых: «Кроме Митрополита, были привлечены к делу: епископ Венедикт, настоятели почти всех главных петроградских соборов, профессора Духовной Академии, Богословского института и университета, студенты и т. д. Остальная (большая) часть подсудимых состояла из людей «разного чина и звания», более или менее случайно захваченных «неводом» милиции при уличных беспорядках во время изъятия. Тут были женщины, старики и подростки и был какой-то карлик с пронзительным голосом, вносивший комическую ноту в тяжелые переживания процесса; была фельдшерица, обвинявшаяся в «контрреволюционной» истерике, в которую она впала, находясь в церкви во время нашествия советской комиссии, был даже какой-то перс, чистильщик сапог, магометанин, не понимавший, как оказалось, по-русски, – все же привлеченный за «сопротивление изъятию церковных ценностей», и т. д. ...Словом, эта часть подсудимых представляла собой обыкновенный, весьма случайный по составу, осколок пестрой уличной толпы. Очевидно было, что никто и не думал делать сколько-нибудь тщательный отбор подсудимых. Некогда было...».

Дело покатилось по заранее уготовленным рельсам советского «правосудия».

Ковшаров держался на процессе мужественно, спокойно и четко отвечал на вопросы обвинителей. На вопрос судьи, чем он занимался до революции 1917 года, ответил: «Да вас защищал». В последнем слове вину не признал, доказал несостоятельность предъявленного ему обвинения: «Грозящее наказание никак не может находится в соответствии с теми данными, которыми располагает обвинение… Для братской могилы в 16 человек материала для обвинения мало».

5 июля 1922 года Петроградский губернский ревтрибунал приговорил десять обвиняемых, в том числе и Ковшарова, к смертной казни, остальных – к различным срокам лишения свободы.

Приговор трибунала был обжалован в Верховный трибунал ВЦИК. Но до трибунала дело было рассмотрено и партийными властями: 13 июля 1922 г. свой вердикт вынесло Политбюро ЦК РКП(б) – расстрелять четверых: Ковшарова, митрополита Вениамина, архимандрита Сергия и профессора Новикова, остальных – в лагеря. Определение Кассационной коллегии Верховного трибунал ВЦИК, вынесенное 26 июля 1922 года, ничем не отличалось от партийного вердикта.

В ночь с 12 на 13 августа 1922 года были казнены: митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин, архимандрит Сергий (Шеин), Иван Михайлович Ковшаров и профессор Юрий Петрович Новицкий. Расстреляны были подальше от людских глаз – на станции Пороховые Ириновской узкоколейной железной дороги на окраине Петрограда. Перед расстрелом всех четверых обрили и одели в лохмотья, чтобы нельзя было узнать, что среди расстрелянных есть священники.

Место захоронения неизвестно. Зато люди сохранили в памяти и довели до нас сведения о последних минутах расстрелянных. Митрополит Вениамин шел на смерть спокойно, тихо шепча молитву. Отец Сергий громко молился: «Прости им Боже, ибо не ведают, что творят». Новицкий плакал. Его угнетала мысль, что он оставляет круглой сиротой свою единственную 15-летнюю дочь. Он просил передать ей на память прядь своих волос и серебряные часы. Ковшаров в свой смертный час издевался над палачами.

Так умерли эти люди. Все четверо причислены к лику святых за мученическую смерть во имя веры и Православной Церкви. На братском кладбище Александро-Невской Лавры воздвигнут крест над их символической могилой. Все они посмертно реабилитированы Президиумом Верховного суда РСФСР 31 октября 1990 года.

Защищая духовенство, Иван Михайлович Ковшаров не просто исполнил свой профессиональный долг. Это был его сознательный выбор. Для его души вера в Бога была важнее жизни. Поэтому, прожив земную, светскую жизнь, этот человек был после смерти причислен к лику святых.

По мнению игумении Свято Михайло-Архангельского женского монастыря Серафимы, мученик Иоанн, он же присяжный поверенный Иван Михайлович Ковшаров, достоин того, чтобы открыть ему часовню в нашем городе.

В нашем музее адвокатуры открыт стенд, посвященный 90-летию со дня трагической гибели И.М. Ковшарова. По просьбе одесской коллегии адвокатов впервые написана икона мученика Иоанна. С благословления митрополита Одесского и Измаильского Агафангела эту работу выполнила одесский иконописец Наталья Синица.

Икона мученика Иоанна хранится в Свято-Архангело-Михайловском женском монастыре города Одессы, а также в музее одесской адвокатуры.

ОТОЗВАНА/RETRACTED 25.09.2017

Пристатейный библиографический список

1. Грудцына Л.Ю. Российской адвокатуре 140 лет: историческая ретроспектива // Адвокат. – 2004. – № 10, 11.
2. Ерофеев К.Б. Образ адвоката в советском кинематографе // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 20–22.
3. Клевцов А.В. Становление и развитие российской адвокатуры в советский период (1917–1991). Историко-правовой аспект: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 9.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 45. – М., 1964. – С. 666–667.
5. Петров Д.В. Законодательство, регламентирующее правовую охрану личности и профессиональной деятельности адвоката в период становления и утверждения Советской власти // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1 (1). – С. 16–19.
6. Хаски Ю. Российские адвокаты и Советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры 1917–1939. – М., 1993. – С. 62.

References

1. Grudtsyna L.Yu. Rossiyskoy advokature 140 let: istoricheskaya retrospektiva // Advokat. 2004. № 10,11.
2. Erofeev K.B. Obraz advokata v sovetskom kinematografe // Evraziyskaya advokatura. – 2013. – № 2 (3). – S. 20–22.
3. Klevtsov A.V. Stanovlenie i razvitie rossiyskoy advokatury v sovetskiy period (1917–1991). Istoriko-pravovoy aspekt: Avtoref. dis. kand. yurid. nauk. – M., 2006. – S. 9.
4. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. t. 45, M., 1964, S. 666–667.
5. Petrov D.V. Zakonodatel#stvo, reglamentiruyuschee pravovuyu okhranu lichnosti i professional#noy deyatel#nosti advokata v period stanovleniya i utverzhdeniya Sovetskoy vlasti // Evraziyskaya advokatura. 2012. № 1 (1). – S. 16–19.
6. Khaski Yu. Rossiyskie advokaty i Sovetskoe gosudarstvo. Proiskhozhdenie i razvitie sovetskoy advokatury 1917–1939. – M., 1993. – S. 62.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация
Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-903-31-257-90

ОТОЗВАНА/RETRACTED 25.09.2017

Рагулин А.В.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В РОССИИ И ИХ ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Цель: *Исследование истории становления института профессиональных прав адвоката-защитника в России в целях выделения этапов, их характеристики и основных тенденций их развития.*

Методология: *Использовались историко-правовой и формально юридический методы.*

Результаты: *В статье выделены основные этапы развития института профессиональных прав адвоката-защитника в России, дана их характеристика: этап зарождения института прав защитника в России (XV в. – 1864 г.); этап институционализации прав защитника в законодательстве царской России (1864–1917 гг.); этап ликвидации присяжной адвокатуры и создания института защитников (1917–1922 гг.); этап институционализации прав адвоката-защитника в советском законодательстве (1922–1956 гг.); этап расширения прав адвоката-защитника в советском законодательстве (1956–1991 гг.); постсоветский этап развития прав адвоката-защитника (1993–2001 гг.); современный этап (с 2001 г. по настоящее время). Установлено что между этапами имеется определенная преемственность, при этом объем прав постепенно расширялся, а соответствующие правовые нормы совершенствовались в зависимости от возрастания уровня демократизации российского государства и общества и повышения статуса адвокатуры. При этом имело место наличие так называемых контрреформ, как правило, следовавших за вводимым расширением профессиональных прав адвокатов, вследствие которых объем профессиональных прав адвоката-защитника сужался, либо ограничивалась возможность их практической реализации. Установлено, что развитие института профессиональных прав защитника обусловливается развитием института процессуальных прав защищаемых им лиц, также выявлена тенденция расширения профессиональных прав адвоката-защитника за счет совершенствования статусных профессиональных прав, включенных в положения законодательного акта, регламентирующего основы организации и деятельности адвокатуры.*

Новизна/оригинальность/ценность: *Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть историю развития отечественной адвокатуры через призму эволюции института профессиональных прав адвоката-защитника.*

Ключевые слова: *история адвокатуры, адвокат-защитник, профессиональные права адвоката.*

Ragulin A.V.

STAGES OF FORMATION OF INSTITUTE OF PROFESSIONAL RIGHTS OF THE ADVOCATE-DEFENDER IN RUSSIA AND THEIR GENERAL CHARACTERISTIC

Purpose: *Research of history of formation of institute of professional rights of advocate-defender in Russia for allocation of stages, their characteristic and the main tendencies of their development.*

Methodology: *Historical-legal and formally-legal method was used.*

Results: *In article the main stages of development of institute of professional rights of advocate-defender in Russia are allocated and their characteristic is given: stage of origin of institute of the rights of defender in Russia (XVV–1864); stage of an institutionalization of the rights of the defender in the legislation of imperial Russia (1864–1917); stage of elimination of jury legal profession and creation of institute of defenders (1917–1922); stage of an institutionalization of the rights of advocate-defender in the Soviet legislation (1922–1956); stage of expansion of the rights of the advocate-defender in the Soviet legislation (1956–1991); Post-Soviet stage of development of the rights of the advocate-defender (1993–2001) ; the present stage (2001 – to the present). It is established that between stages there is a certain continuity, thus the volume of the rights gradually extended, and the corresponding precepts of law, were improved depending on increase of level of democratization of the Russian state and society and increase of the status of advocacy profession. Thus, existence of so-called counter reforms of professional rights of advocates, as a rule, following entered expansion owing to which volume of professional rights of advocates defender possibility of their practical realization was narrowed or limited took place. It is established that development of institute of professional rights of the advocate-defender is caused by development of institute of procedural rights of persons protected by it, and also the tendency of expansion of professional rights of the advocate-defender at the expense of improvement of the status professional rights included in provisions of the act, regulating bases of the organization and advocacy profession activity is revealed.*

Novelty/originality/value: *Article possesses the high scientific value as is one of the first attempts to consider history of development of Russia advocacy profession through a prism of evolution of institute of professional rights of the advocate-defender.*

Keywords: *advocacy profession history, advocate-defender, professional rights of advocate.*

В настоящее время в силу возрастания научного интереса к исследованию вопросов содержания и развития института профессиональных прав адвоката и способов и средств их правовой охраны [38] представляется необходимым проведение краткого ретроспективного анализа этапов становления и развития российского законодательства, в той или иной степени регламентирующего профессиональные права адвоката-защитника [51, 58, С. 4].

В литературе отмечается, что фундаментальной причиной неустойчивости или недолговечности того или иного правового явления является его несовместимость с общими закономерностями развития внутри социальной структуры [41]. Ретроспективный анализ развития института профессиональных прав адвоката-защитника в России показывает, что этот институт является устойчивым и имеет важное правовое и общественное значение, поскольку он постепенно эволюционировал и в ходе своего развития прошел путь от обычно-правового регулирования до формально-юридического структурированного закрепления в комплексе нормативно-правовых актов.

Представляется необходимым обозначить следующую периодизацию этапов развития и привести их краткую характеристику.

I. Этап зарождения института прав защитника в России (XVв. – 1864 г.). Первоначально институт прав защитника носил обычно-правовой характер (Псковская судная грамота), но достаточно быстро приобрел свое нормативное закрепление (Новгородская судная грамота). Однако права защитников были определены лишь в наиболее общем виде и не отличались от прав представляемых ими лиц: они имели право ходатайствовать в суде по делам, требующим законного решения, излагали доводы и оправдания по делам их клиентов, скрепляли протоколы, присягали (целовали крест) в некоторых случаях за клиентов [6]. Кроме того, следует учесть, что Новгородская судная грамота действовала лишь в пределах г. Новгорода и близлежащих территорий, а более поздние источники права, распространяющие свое действие на большую территорию (Судебник 1497 г., Литовский статут 1529 г. (и последующие его редакции 1566 г. и 1588 г.), Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г.), несмотря на нормативное закрепление судебного представительства, вновь вернулись к обычно-правовому регулированию прав защитника.

В последующем институт защиты приобрел государственно-зависимый характер и был закреплен в виде института стряпчих и депутатов при следствиях (Учреждения о губерниях (1775 г.), Свод законов Российской Империи (изд. 1857 г.)), при этом вводилось нормативное закрепление профессиональных прав соответствующих лиц, выполняющих функции защитника: депутатам предоставлялось право защищать подсудимых и наблюдать за правильностью производства следствия [14], а губернские стряпчие имели право давать заключение по делу и право составлять и подавать жалобы [48]. Права этих лиц послужили основой для последующей нормативно-правовой регламентации прав адвоката-защитника, поскольку они положили начало юридическому разделению прав защитника и прав защищаемого им лица.

II. Этап институционализации прав защитника в законодательстве царской России (1864–1917 гг.). В результате проведенной судебной реформы 1864 г. присяжным поверенным был предоставлен значительный объем нормативно-закрепленных прав, сопоставимых с правами государственных обвинителей, вследствие чего необходимо сделать вывод о произошедшей в царской России институционализации профессиональных прав защитника [15, 53, 61].

Закон позволял допущенному в уголовное судопроизводство защитнику реализовывать следующие права: присутствовать при получении судом до судебного следствия объяснения от подсудимых (ст. 562 УУС); объясняться наедине с подсудимым, содержащимся под стражей (ст. 569 УУС); знакомиться с материалами дела и выписывать из него все нужные сведения (ст. 570 УУС); пригласить свидетелей, давших показания на предварительном следствии (ст. 574 УУС); заявлять ходатайство о вызове сведущих людей – экспертов (ст. 578 УУС); получить копию приговора (ст. 794, 795 УУС). Кроме того, защитник обладал правом отводить присяжных заседателей без объяснения причин и повторно допрашивать свидетелей обвинения (ст. 654–657 УУС) [9].

Права присяжного поверенного, выполняющего функции защитника на стадии судебного следствия, содержались в ст. 630 УУС и включали в себя: право представлять доказательства; право отводить по законным причинам свидетелей и сведущих людей, предлагать им с разрешения председателя суда вопросы, возражать против свидетельских показаний и просить, чтобы свидетели были передопрошены в присутствии или в отсутствие друг друга; право делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде; право опровергать доводы и соображения противной стороны. Против всех

приговоров, постановленных Окружным Судом без участия присяжных заседателей, защитники могли приносить жалобы (ст. 853, 865 УУС) в двухнедельный срок со дня объявления приговора. В ст. 869–872 УУС обозначались профессиональные права на ознакомление с текстом жалобы, поданной стороной обвинения, платное снятие копий с отзывов, на извещение о времени рассмотрения жалобы, право присутствовать при рассмотрении жалобы и при этом давать объяснения, обращать внимание на другие, сверх предложенных докладчиком-сенатором вопросы.

Однако в результате Судебной реформы 1864 г. защитники не получили важного профессионального права, которое ранее имелось у депутатов при следствиях, – права вступать в уголовное судопроизводство на стадии предварительного расследования. Лишь в 1897 г. адвокаты были впервые допущены к участию в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного следствия в отношении несовершеннолетних обвиняемых [35]. Кроме того, завершающий период этого этапа сопровождался контрреформами – государственным воздействием на адвокатуру как в части попыток ухудшения правового положения адвокатуры в целом, так и в том, что участились факты нарушения прав поверенных [60, 62, С. 25–26], осуществлялось привлечение к уголовной ответственности за их участие в политических процессах [30, 65].

Изложенное выше свидетельствует и о том, что на данном этапе развития институт профессиональных прав адвоката-защитника имел сугубо уголовно-процессуальную регламентацию.

III. Этап ликвидации присяжной адвокатуры и создания института защитников (1917–1922 гг.). Поскольку в результате Октябрьской революции 1917 г. были упразднены все ранее существовавшие судебные учреждения, а также присяжная и частная адвокатура, были аннулированы и все ранее предоставленные защитникам права. В качестве защитников в уголовном судопроизводстве начали допускаться не лица, обладающие особым статусом, а все непорочные лица обоего пола, пользующиеся гражданскими правами [7, 20, 13]. Неподчинение присяжных поверенных порядкам, установленным советской властью, повлекло санкционированные государством репрессии, в результате которых значительная часть дореволюционных адвокатов была подвергнута тюремному заключению или физическому устранению [19, 25, 63].

Законодательство данного этапа характеризуется крайней непоследовательностью: в начале права защитников приобрели ненормативный характер (Инструкция «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» 1917 г.). Затем было введено разрешение на допуск защитника, обладающего всей полнотой профессиональных прав, в том числе и правом на ознакомление со всеми материалами уголовного дела, на стадию предварительного расследования и судебное разбирательство, хотя при этом устанавливалось право следственных органов, судов и революционных трибуналов отказать в допуске защитника (Декрет «О суде» № 2 1918 г., Декрет «О революционных трибуналах» 1918 г., «Положение о народном суде РСФСР» 1918 г.) [21]. В последующем участие защитника на стадии расследования было полностью исключено («Положение о революционных трибуналах» 1919 г. и «Положение о народном суде РСФСР» 1920 г.). В завершение этого периода защита в уголовном судопроизводстве организовывалась в порядке выполнения общественной повинности при отсутствии нормативного закрепления прав защитников. Регламентация профессиональных прав адвоката-защитника продолжала осуществляться лишь посредством норм уголовно-процессуального законодательства.

IV. Этап институционализации прав адвоката-защитника в советском законодательстве (1922–1956 гг.). В результате судебно-правовой реформы 1922–1923 гг. было принято решение о невозможности функционирования судебной системы без института адвокатуры [8, 24, 44, 52], в связи с чем были введены в действие основные нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок и принципы ее деятельности («Положение об адвокатуре» 1922 г. и «Положение о коллегиях защитников» 1922 г.).

Анализ положений и норм УПК РСФСР 1922 г. показывает, что в законодательстве того времени предусматривалось нормативное закрепление основных прав адвоката-защитника на стадии судебного рассмотрения уголовного дела и обжалования приговора суда, однако защитник допускался в уголовное судопроизводство лишь с момента придания обвиняемого суду. С этого момента он был вправе заявлять отвод судье (ст. 47–48), объясниться с подсудимым, находящимся под стражей (ст. 256), знакомиться с делом и выписывать из него нужные сведения (ст. 256), заявлять ходатайства о вызове свидетелей и экспертов и об истребовании других доказательств (ст. 257), участвовать в допросе подсудимого, потерпевшего, свидетелей и экспертов (ст. 287–292, 302),

участвовать в осмотре вещественных доказательств (ст. 303), заявлять ходатайство о назначении экспертизы (ст. 304), заявлять ходатайство об отложении дела, истребовании новых доказательств, направлении дела для дополнительного расследования (ст. 306), участвовать в судебных прениях (ст. 308), выступать с репликой (ст. 311), представить суду в письменном виде предлагаемую им формулировку обвинения в зависимости от данных судебного следствия (ст. 314), знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания (ст. 86, 282), обжаловать приговор (ст. 348–354), участвовать в рассмотрении жалобы на приговор и давать объяснения по жалобе (ст. 355, 356), ходатайствовать о пересмотре обвинительного приговора по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 381). В статье 65 УПК РСФСР 1922 г. содержалась гарантия, направленная на сохранение адвокатской тайны, запрещающая вызов и допрос защитника в качестве свидетеля. В принятом позднее УПК РСФСР 1923 г. сохранены те же права, но изменена нумерация соответствующих статей. При этом наличие в УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. возможности недопуска защитника при рассмотрении уголовного дела Революционным трибуналом (по УПК РСФСР 1923 г. – Губернским судом), учитывая, что любое дело могло быть отнесено к их подсудности, фактически могло быть использовано и использовалось для запрета участия защитника при рассмотрении конкретных уголовных дел, что в полной мере лишало подсудимых возможности воспользоваться правом на квалифицированную юридическую помощь [62, С. 98–99]. Принятие 12 апреля 1928 г. коллегией НКЮ РСФСР Постановления «О защите в суде» повлекло за собой еще большее увеличение правовых оснований для недопуска защитников на стадию судебного рассмотрения уголовного дела.

В УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. отсутствовала единая правовая норма, содержащая перечень профессиональных прав адвоката-защитника, а соответствующие положения оказались рассредоточенными по всему тексту этих актов, что в общем соответствовало юридической технике составления нормативно-правовых актов того времени. Объем предоставленных адвокату-защитнику профессиональных прав был минимальным, хотя при этом он существенным образом не отличался от того объема, который существовал в царской России. Вместе с этим система и порядок судоустройства в советском государстве фактически предоставляли адвокату-защитнику гораздо меньше возможностей для влияния на итоговый результат по уголовному делу [5,18].

В результате проведенной в 1922–1923 гг. судебно-правовой реформы появился нормативно-закрепленный перечень профессиональных прав адвоката-защитника, однако он являлся достаточно ограниченным, поэтому практикующие адвокаты испытывали значительные проблемы в своей деятельности, вызванные как несовершенством действующего законодательства об адвокатуре, так и негативным отношением к адвокатуре со стороны государства и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство [40, 45, 54, 58, С. 116].

Лишь принятая в 1936 г. Конституция СССР установила незыблемое право защитника на его допуск на стадию судебного разбирательства по уголовному делу. «Положение об адвокатуре СССР» 1939 г. некоторым образом расширило формы адвокатской деятельности, положило начало ряду изменений в организационной подчиненности адвокатуры [49, 63, С. 53], однако права адвоката-защитника по-прежнему регламентировались исключительно положениями уголовно-процессуального законодательства, причем эти права ограничивались вновь принимаемыми нормативно-правовыми актами, направленными на исключение фигуры адвоката-защитника из процедуры уголовного судопроизводства по некоторым делам [16, 27, 28]. К тому же декларируемая властями политика в отношении адвокатуры далеко не всегда совпадала с реально осуществляемой [10, 11, 12]. Более того, с 1934 г. по России прокатилась волна политических репрессий, которые в значительной степени затронули адвокатуру и крайне негативно повлияли на ее кадровый состав [8, С. 7, 26, 34, 62, С. 151].

V. Этап расширения прав адвоката-защитника в советском законодательстве (1956–1991 гг.). Данный этап развития института профессиональных прав адвоката-защитника был связан с изменением приоритетов во внутренней политике советского государства, произошедшим после 1953 г. в связи со сменой руководства СССР и возрастанием роли адвокатуры после XX съезда КПСС, и сопровождался постепенным расширением прав адвоката-защитника [1, 33, 56].

В положениях принятых в 1958 г. «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» и УПК РСФСР 1960 г. содержалась детальная регламентация прав адвоката-защитника, причем начальный момент участия адвоката-защитника был перенесен на стадию окончания предварительного расследования уголовного дела (а по некоторым делам – на момент предъявления обвинения).

В статье 23 «Основ» в рамках одной нормы, регламентирующей правовой статус адвоката, были изложены следующие права адвоката-защитника: иметь свидание с обвиняемым; знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения; представлять доказательства; заявлять ходатайства; участвовать в судебном разбирательстве; заявлять отводы; приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора и суда; присутствовать при допросах обвиняемого и при производстве иных следственных действий, выполняемых по ходатайствам обвиняемого или его защитника (но только с разрешения следователя). Эти права были впоследствии закреплены и в ст. 51 УПК РСФСР 1960 г.

Наряду с этим, в ст. 202 УПК РСФСР специально регламентировались права защитника при ознакомлении со всеми материалами дела: иметь свидание с обвиняемым наедине; знакомиться со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения; обсуждать с обвиняемым вопрос о заявлении ходатайств; заявлять ходатайства о производстве следственных действий, истребовании и приобщении к делу доказательств и по всем иным вопросам, имеющим значение для дела; заявлять отвод следователю, прокурору, эксперту, переводчику; приносить прокурору жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие права защитника или обвиняемого; присутствовать с разрешения следователя при производстве следственных действий, выполняемых по ходатайствам, заявленным обвиняемым и его защитником.

Кроме того, на основании ст. 203 УПК РСФСР адвокат-защитник был вправе заявить устное или письменное ходатайство о дополнении предварительного следствия, причем в случае заявления ходатайства о выяснении обстоятельств, имеющих значение для дела, законом предписывалось, что следователь обязан дополнить предварительное следствие. В случае если следователь отказывал полностью или частично в удовлетворении заявленных ходатайств, он был обязан вынести мотивированное постановление, которое объявлялось заявителю. На основании ст. 249 УПК РСФСР на стадии судебного рассмотрения уголовного дела защитник приобрел следующие права: на участие в исследовании доказательств; на высказывание своего мнения по возникающим во время судебного разбирательства вопросам; на изложение суду соображения защиты по существу обвинения, относительно обстоятельств, смягчающих ответственность, о мере наказания и гражданско-правовых последствиях преступления.

В статье 265 УПК РСФСР предусматривалось право защитника на внесение замечаний в протокол судебного заседания, а в ст. 279 УПК РСФСР – право заявлять ходатайства о вызове новых свидетелей и экспертов и об истребовании вещественных доказательств и документов. В статье 295 УПК РСФСР закреплялось право адвоката-защитника на участие в судебных прениях, в ст. 296 – право на выступление с репликой, в ст. 298 – право на представление суду в письменном виде предлагаемой защитником формулировки решения по вопросам, подлежащим выяснению при постановлении приговора. Право кассационного обжалования приговора суда I инстанции адвокатом-защитником было закреплено в ст. 325 УПК РСФСР, право обжалования иных решений суда I инстанции – в ст. 331 УПК РСФСР. Кроме того, в ст. 337 УПК РСФСР предусматривалось право предоставления новых материалов в суд кассационной инстанции, а в ст. 338 перечислялись права и порядок участия адвоката-защитника в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Таким образом, в результате судебно-правовой реформы 1956–1964 гг. адвокаты-защитники приобрели статус полностью самостоятельных участников процесса [23, 37, 39] и получили возможность осуществлять защиту на всех основных этапах советского уголовного судопроизводства [64]. Более того, в УПК РСФСР 1960 г. были введены нормы, направленные на установление некоторых гарантий независимости адвоката и неприкосновенность адвокатской тайны.

Нормы принятого позже «Положения об адвокатуре РСФСР» 1962 г. стали отправным моментом в формирования в России двухуровневой системы профессиональных прав адвоката-защитника, которая действует и в настоящее время: первый уровень профессиональных прав определялся Положением, второй – уголовно-процессуальным законодательством (Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и УПК РСФСР 1960 г.). Положение 1962 г. предоставило адвокатам право запрашивать справки, характеристики и другие документы из государственных и общественных организаций (ст. 26) и устанавливало гарантии сохранения адвокатской тайны (ч. 7 ст. 52, ч. 2 ст. 72).

В 70-х гг. XX в. законодатель делает попытку расширить участие адвоката на стадии предварительного расследования уголовного дела, вследствие чего вносятся поправки, согласно которым по постановлению прокурора защитник может быть допущен к участию в любом деле с момента предъявления обвинения.

Последующее принятие Конституции СССР 1977 г., Закона «Об адвокатуре в СССР» 1979 г. и Положения «Об адвокатуре РСФСР» 1980 г., как следует из анализа содержащихся в них правовых норм, повысило значение адвокатской тайны в реализации функции защиты, расширив условия ее охраны [4, 17, 47, 59]. Однако, несмотря на общие позитивные тенденции, в рассматриваемый период имели место нарушения профессиональных прав адвокатов и попытки отдельных представителей правоохранительных органов необоснованно привлечь адвокатов к уголовной ответственности за осуществление активной профессиональной деятельности [42, 43, 46, 57].

Впоследствии, согласно новой редакции «Основ», установленной Законом СССР от 10 апреля 1990 г., права адвоката-защитника дополнялись такими как: право присутствовать при предъявлении обвинения; участвовать в допросе подозреваемого или обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с их участием; знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, а по окончании дознания или предварительного следствия – со всеми материалами дела и выписывать из него необходимые сведения. Наряду с этим, с момента допущения к участию в деле защитник получал право после первого допроса задержанного или находящегося под стражей подозреваемого или обвиняемого иметь с ним свидания наедине без ограничения их количества и продолжительности. Кроме того, были уточнены права адвоката-защитника как участника следственного действия: защитник, присутствующий при его производстве, получил право задавать вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания в связи с неправильностью или неполнотой записей в протоколе следственных действий.

Несмотря на то, что объем профессиональных прав адвоката-защитника в рамках рассматриваемого периода постепенно неуклонно увеличивался, чему способствовали как теоретические изыскания исследователей адвокатской деятельности, так и постепенная демократизация политического режима в стране [3, 32, 49, 55], их реализация, и, как следствие, соблюдение прав и свобод человека и гражданина к моменту распада СССР находилась на недостаточно высоком уровне, а объем прав адвоката-защитника не в полной мере отвечал общественным интересам в сфере оказания и получения квалифицированной юридической помощи [2,29].

VI. Постсоветский этап развития прав адвоката-защитника (1993–2001 гг.). Начало данного этапа развития института прав адвоката-защитника связано с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., коренной перестройкой судебной системы и системы правоохранительных органов, а также со значительной модернизацией уголовно-процессуального законодательства. Большое влияние на формирование изменений законодательства, внесение которых было обусловлено противоречиями между нормами УПК РСФСР 1960 г. и Конституции РФ, оказало правотворчество Конституционного Суда РФ [22, 36].

Основные положения Конституции РФ 1993 г. повлекли внесение многочисленных изменений и дополнений в УПК РСФСР 1960 г. и ряд других законов, затрагивающих основы деятельности адвокатов, что положительным образом отразилось на объеме прав адвоката-защитника и способствовало их практической реализации [31]. Так, было расширено право адвоката на ознакомление с документами на стадии предварительного расследования уголовного дела: наряду с правом знакомиться с протоколом задержания и постановлением о применении меры пресечения у адвоката-защитника появилось право знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, а также с документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому и обвиняемому, с материалами, направляемыми в суд в подтверждение законности и обоснованности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения и продления срока содержания под стражей. Также было уточнено, что адвокат-защитник имеет право выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, хотя это право было возможно реализовать лишь по окончании предварительного расследования. В результате введения судебной процедуры проверки законности и обоснованности заключения под стражу у адвоката-защитника появилось право участвовать при судебном рассмотрении жалоб на постановление об избрании меры пресечения.

Впоследствии адвокат-защитник, как следует из содержания ст. 51 УПК РСФСР в редакции ФЗ от 23 мая 1992 г., получил право использовать любые средства и способы защиты, не противоречащие закону. Наряду с этим совершенствовались и нормы, направленные на обеспечение практической реализации профессиональных прав адвоката. Так, в ст. 51 УПК РСФСР вводилось правило о том, что следователь, хотя и мог отвести вопросы адвоката-защитника, которые последний задавал

в ходе участия в следственном действии, все же был обязан занести их в протокол.

Изложенные выше положения свидетельствуют о том, что между проанализированными этапами развития профессиональных прав адвоката-защитника имеется определенная преемственность, при этом объем прав постепенно расширялся, а правовые нормы, направленные на их практическую реализацию и охрану, совершенствовались в зависимости от возрастания уровня демократизации российского государства и общества и повышения статуса адвокатуры.

При этом имело место наличие так называемых контрреформ, постоянно сопровождавших развитие адвокатуры и, как правило, следовавших за вводимым расширением профессиональных прав адвокатов. В результате контрреформ объем профессиональных прав адвоката-защитника по воле законодателя тем или иным образом сужался либо ограничивалась возможность их практической реализации.

Поскольку правовое положение защитника всегда было неразрывно связано с процессуальным положением представляемого им лица, выявлена следующая закономерность: развитие института профессиональных прав защитника обусловливается развитием института процессуальных прав защищаемых им лиц.

Наряду с этим, выявлена тенденция расширения профессиональных прав адвоката-защитника за счет совершенствования статусных профессиональных прав, включенных в положения законодательного акта, регламентирующего основы организации и деятельности адвокатуры.

Учитывая современную государственную политику, направленную на обеспечение надлежащего уровня реализации прав человека и гражданина, а также обусловленное ею возрастание значимости адвокатуры и адвокатской деятельности для общественно-политических процессов, происходящих в современной России, существует необходимость дальнейшей научной разработки вопросов, связанных с формированием института профессиональных прав адвоката-защитника, а также потребность в дальнейшем совершенствовании составляющих этот институт правовых норм.

Пристатейный библиографический список

1. Gorgone G. Soviet Jurists in the Legislative Arena: The Reform of Criminal Procedure, 1956–1958 // Soviet Union, 3. Pittsburgh, 1976. – № 1.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – 2-е изд. – М.: РЮИД: Сашко, 2000.
3. Адвокатская деятельность: Учеб.-практич. пособ. / Под общ. ред. В.Н. Буробина. – М.: Статут, 2005.
4. Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. – Л., 1970.
5. Андреев М. Защита и суд // Рабочий суд. – 1926. – № 7.
6. Анохина С.В. Зарождение и развитие института представительства с древних времен до конца XVIII века // Право и политика. – 2005. – № 9.
7. Бондаренко А.В. Судебная система РСФСР в условиях НЭПа: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2010.
8. Быковская Е.А. Адвокатура Новосибирской области в 1920–1980-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2003.
9. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М.: Казенная железнодорожная Типография Московскаго узла, 1911.
10. Вышинский А. Роль коллегии защитников в борьбе за революционную законность // Советское строительство. – 1933. – № 5–6.
11. Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи современной защиты (стенограмма доклада на собрании Московской коллегии защитников 21 декабря 1933 года). – М., 1934.
12. Вышинский А.Я. На новые рельсы // Социалистическая законность. – М., 1936.
13. Гаврилов С.Н. К истории вопроса о допуске защиты на предварительное следствие // Адвокатура. Государство. Общество: Сб. материалов V ежегодной науч.-практич. конференции, 2008 г. – М.: Информ-Право, 2008.
14. Гаврилов С.Н. Адвокатура в Российской Федерации. – М.: Юриспруденция, 2000.
15. Гессен И.В. Адвокатура, общество, государство (1864–1914) // История русской адвокатуры. – Т. 1. – М., 1997.
16. Голунский С., Колкотт М.С. Русская юстиция. Нью-Йорк. 1935 // Проблемы уголовной политики. – Кн. 3. – М., 1937.
17. Горский Г. Ф. Выявление и изучение причин преступности. – Воронеж, 1964.
18. Грибова Н. Реформа УПК и речи защитника в суде // Рабочий суд. – 1928. – № 24.
19. Грудцына Л.Ю. Российской адвокатуре 140 лет: историческая ретроспектива // Адвокат. – 2004. – № 10, 11.
20. Декреты Советской власти. – М., 1964. – Т. 1.
21. Декреты Советской власти. – Т. I. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957.
22. Закомолдин А.В. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе России. – М.: Юрлитинформ, 2009.
23. Зинатуллин З.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. – Ижевск, 1989.
24. Иванова М.В. Актуальные вопросы организации адвокатуры в Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1996.
25. Клевцов А.В. Становление и развитие российской адвокатуры в советский период (1917–1991). Историко-правовой аспект: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006.
26. Кодинцев А.Я. Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933–1956 гг.: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010.

27. Кодинцев А.Я. Советская адвокатура в годы Великой Отечественной войны // Адвокат. – 2007. – № 6.

28. Кодинцев А.Я. Управление советской адвокатурой накануне Великой Отечественной войны // Адвокат. – 2005. – № 12.

29. Концепция судебной реформы в РСФСР / Сост. С.А. Пашин. – М.: Республика, 1992.

30. Краковский К.П. Процесс Гиллерсона // История государства и права. – 2009. – № 2.

31. Кудрявцев В.Л. Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвоката (защитника) в уголовном судопроизводстве / Под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.Н. Григорьева. – М.: Юрлитинформ, 2008.

32. Кучерена А.Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2009.

33. Кучерена А.Г. Роль адвокатуры в становлении гражданского общества в России. – М.: Пентаты, 2002.

34. Лубшев Ю.Ф. Адвокатура в России: Учебник. – 2-е изд. – М.: ООО «Профобразование», 2002.

35. Макалинский П.В. С-Петербургская присяжная адвокатура. Деятельность С-Петербургского совета и общих собраний присяжных поверенных за 22 года. 1866–1888 гг. – СПб., 1897.

36. Мартынчик Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. – М.: Юнити, 2009.

37. Перлов И.Д. Право на защиту. – М.: Знание, 1969.

38. Петров Д.В. Правовые и организационные аспекты обеспечения безопасности личной и профессиональной деятельности адвоката // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. – 2012. – № 3.

39. Петрухин И.Л. О расширении защиты на предварительном следствии // Советское государство и право. – 1982. – № 1.

40. Провести огосударствление института советской защиты // Советская юстиция. – 1931. – № 1.

41. Рахманина Т.Н., Юртаева Е.А. Тенденции развития структуры законодательства // Концепции развития российского законодательства. – М.: Эксмо, 2010.

42. Рогаткин А.А. Защитница диссидентов Софья Васильевна Каллистратова // Адвокат. – 2006. – № 9.

43. Рогаткин А.А. Преследование адвокатуры: каратаевщина // Адвокат. – 2006. – № 9.

44. Ростовский И. Первые шаги адвокатуры // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 36.

45. Рубинштейн Д.Б. Уголовный суд РСФСР (система и производство). – М., 1924.

46. Савицкий В. Престиж адвокатуры // Правда. – 1987. – 22 марта.

47. Саркисянц Г.П. Участие защитника на предварительном следствии. – Ташкент, 1966.

48. Свод законов Российской Империи. – Т. XV. – Ч. 2. – 1857. – С. 279, 287, 349, 353, 443–447, 465.

49. Святоцкий А.Д. Учреждение и развитие советской адвокатуры: историко-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. – Львов, 1986.

50. Святоцький О.Д. Адвокатура в юридичному механізмі захисту прав громадян (історико-правове дослідження): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1995.

51. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям. Часть общая. – СПб., 1911.

52. Серов Д.О. Забытая страница истории государства и права СССР: судебная реформа 1956–1964 годов // Вестник НГУ. Научный журнал. – 2006. – Т. 2. – Вып. 2.

53. Случевский В. Учебник русскаго уголовнаго процесса. Судоустройство. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891.

54. Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. – Екатеринбург, 1999.

55. Смоленский М.Б. Адвокатура в Российской Федерации. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

56. Совещание при редакции журнала «Социалистическая законность» по вопросам уголовно-процессуального законодательства // Соц. законность. – 1957. – № 7.

57. Стецовский Ю.И. Советская адвокатура. – М., 1989.

58. Стецовский Ю.И. Становление адвокатуры в России. – М.: Волтерс Клувер, 2010.

59. Стремовский В.А. Участники предварительного следствия. – Ростов н/Д, 1966.

60. Филлипова Ю.А. Из истории русской адвокатуры // Адвокатская практика. – 2005. – № 4.

61. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – Т. I. – СПб., 1996.

62. Хаски Ю. Российские адвокаты и Советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры 1917–1939. – М., 1993.

63. Шаламов М.П. История советской адвокатуры. – М., 1939.

64. Шафир Г.М. Участие защитника на предварительном следствии // Советская адвокатура. Задачи и деятельность. – М.: Юрид. лит., 1968.

65. Шелоумов М.А. Дело 25 адвокатов – одна из ярких страниц в развитии русской адвокатуры // История государства и права. – 2006. – № 6.

References

1. Gorgone G. Soviet Jurists in the Legislative Arena: The Reform of Criminal Procedure, 1956–1958 // Soviet Union, 3. Pittsburgh, 1976. № 1.

2. Avak#yan S.A. Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremen-nost#. – 2-e izd. – M.: RYuID: Sashko, 2000. – S. 18.

3. Advokatskaya deyatel#nost#: Ucheb.-praktich. posob. / Pod obsch. red. V.N. Burobina. – M.: Statut, 2005.

4. Alekseev N.S., Lukashevich V.Z. Leninskie idei v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve. – L., 1970. – S. 176–177.

5. Andreev M. Zaschita i sud // Rabochiy sud. – 1926. – № 7.

6. Anokhina S.V. Zarozhdenie i razvitie instituta predstavitel#stva s drevnikh vremen do kontsa KhVIII veka // Pravo i politika. – 2005. – № 9. – S. 122–129.

7. Bondarenko A.V. Sudebnaya sistema RSFSR v usloviyakh NEPa: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2010. – S. 17.

8. Bykovskaya E.A. Advokatura Novosibirskoy oblasti v 1920–1980-e gody: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Barnaul, 2003.

9. Viktorskiy S.I. Russkiy ugolovnyy protsess. – M.: Kazennaya zhelezno-dorozhnaya Tipografiya Moskovskago uzla, 1911. – S. 190.

10. Vyshinskiy A. Rol# kollegii zaschitnikov v bor#be za revolyutsionnuyu zakonnost# // Sovetskoe stroitel#stvo. – 1933. – № 5–6. – S. 12.

11. Vyshinskiy A.Ya. Na novye rel#sy // Sotsialisticheskaya zakonnost#. – M., 1936.

12. Vyshinskiy A.Ya. Revolyutsionnaya zakonnost# i zadachi sovremennoy za-schity (stenogramma doklada na sobranii Moskovskoy kollegii zaschitnikov 21 dekabrya 1933 goda). – M., 1934.

13. Gavrilov S.N. Advokatura v Rossiyskoy Federatsii. – M.: Yurispru-dentsiya, 2000. – S. 51.

14. Gavrilov S.N. K istorii voprosa o dopuske zaschity na predvaritel#-noe sledstvie // Advokatura. Gosudarstvo. Obschestvo: Sb. materialov V ezhegodnoy nauch.-praktich. konferentsii, 2008 g. – M.: Inform-Pravo, 2008. – C. 11.

15. Gessen I.V. Advokatura, obschestvo, gosudarstvo (1864–1914) // Istoriya russkoy advokatury. – T. 1. – M., 1997. – S. 37.

16. Golunskiy S., Kolkott M.S. Russkaya yustitsiya. N#yu-York. 1935 // Pro-blemy ugolovnoy politiki. – Kn. 3. – M., 1937. – S. 173.

17. Gorskiy G.F. Vyyavlenie i izuchenie prichin prestupnosti. – Voronezh, 1964. – S. 23.

18. Gribova N. Reforma UPK i rechi zaschitnika v sude // Rabochiy sud. – 1928. – № 24.

19. Grudtsyna L.Yu. Rossiyskoy advokature 140 let: istoricheskaya retro-spektiva // Advokat. – 2004. – № 10, 11.

20. Dekrety Sovetskoy vlasti. – M., 1964. – T. I. – S. 124–126.

21. Dekrety Sovetskoy vlasti. – T. I. – M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1957. – S. 468.

22. Zakomoldin A.V. Problemy okazaniya kvalifitsirovannoy yuridiche-skoy pomoschi v ugolovnom protsesse Rossii. – M.: Yurlitinform, 2009. – S. 65.

23. Zinatullin Z.Z. Obschie problemy obvineniya i zaschity po ugolovnym delam. – Izhevsk, 1989. – S. 50.

24. Ivanova M.B. Aktual#nye voprosy organizatsii advokatury v Rossiy-skoy Federatsii: Dis. … kand. yurid. nauk. – M., 1996. – S. 29–30.

25. Klevtsov A.V. Stanovlenie i razvitie rossiyskoy advokatury v sovet-skiy period (1917–1991). Istoriko-pravovoy aspekt: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2006. – S. 9–12.

26. Kodintsev A.Ya. Gosudarstvennaya politika v sisteme organov yustitsii SSSR v 1933–1956 gg.: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2010.

27. Kodintsev A.Ya. Sovetskaya advokatura v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // Advokat. – 2007. – № 6.

28. Kodintsev A.Ya. Upravlenie sovetskoy advokaturoy nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny // Advokat. – 2005. – № 12.

29. Kontseptsiya sudebnoy reformy v RSFSR / Sost. S.A. Pashin. – M.: Res-publika. 1992. – S. 67–69.

30. Krakovskiy K.P. Protsess Gillersona // Istoriya gosudarstva i prava. – 2009. – № 2.

31. Kudryavtsev V.L. Realizatsiya konstitutsionno-pravovogo instituta kva-lifitsirovannoy yuridicheskoy pomoschi v deyatel#nosti advokata (zaschitnika) v ugolovnom sudoproizvodstve / Pod nauch. red. d-ra yurid. nauk, prof. V.N. Grigor#eva. – M.: Yurlitinform, 2008. – S. 296.

32. Kucherena A.G. Rol# advokatury v stanovlenii grazhdanskogo obschestva v Rossii. – M.: Pentaty, 2002.

33. Kucherena A.G. Advokatura v usloviyakh sudebno-pravovoy reformy v Ros-sii. – M.: YuRKOMPANI, 2009. – S. 19.

34. Lubshev Yu.F. Advokatura v Rossii: Uchebnik. – 2-e izd. – M.: OOO «Profobrazovanie», 2002. – S. 130–131.

35. Makalinskiy P.V. S-Peterburgskaya prisyazhnaya advokatura. Deyatel#-nost# S-Peterburgskogo soveta i obschikh sobraniy prisyazhnykh poverennykh za 22 goda. 1866–1888 gg. – SPb., 1897. – S. 361.

36. Martynchik E.G. Advokatskoe rassledovanie v ugolovnom protsesse. Teoretiko-metodologicheskie osnovy doktriny advokatskogo rassledova-niya. – M.: Yuniti, 2009. – S. 9–10.

37. Perlov I.D. Pravo na zaschitu. – M.: Znanie, 1969. – S. 5–6.

38. Petrov D.V. Pravovye i organizatsionnye aspekty obespecheniya bezo-pasnosti lichnoy i professional#noy deyatel#nosti advokata // Uchenye tru-dy rossiyskoy akademii advokatury i notariata. – 2012. – № 3. – S. 16–20.

39. Petrukhin I.L. O rasshirenii zaschity na predvaritel#nom sledstvii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1982. – № 1. – S. 66.

40. Provesti ogosudarstvlenie instituta sovetskoy zaschity // Sovetskaya yustitsiya. – 1931. – № 1. – S. 25.

41. Rakhmanina T.N., Yurtaeva E.A. Tendentsii razvitiya struktury zakono-datel#stva // Kontseptsii razvitiya rossiyskogo zakonodatel#stva. – M.: Eks-mo, 2010. – S. 35.

42. Rogatkin A.A. Zaschitnitsa dissidentov Sof#ya Vasil#evna Kallistra-tova // Advokat. – 2006. – № 9. – S. 30–34.

43. Rogatkin A.A. Presledovanie advokatury: karataevschina // Advokat. – 2006. – № 9. – S. 35–40.

44. Rostovskiy I. Pervye shagi advokatury // Ezhenedel#nik sovetskoy yustitsii. – 1922. – № 36. – S. 2–3.

45. Rubinshteyn D.B. Ugolovnyy sud RSFSR (sistema i proizvodstvo). – M., 1924. – S. 113

46. Savitskiy V. Prestizh advokatury // Pravda. – 1987. – 22 marta.

47. Sarkisyants G.P. Uchastie zaschitnika na predvaritel#nom sledstvii. – Tashkent, 1966. – S. 18.

48. Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. – T. XV. – Ch. 2. – 1857. – St. 279, 287, 349, 353, 443–447, 465.

49. Svyatotskiy A.D. Uchrezhdenie i razvitie sovetskoy advokatury: istori-ko-pravovoy aspekt: Dis. ... kand. yurid. nauk. – L#vov, 1986. – S. 103–108.

50. Svyatots#kiy O.D. Advokatura v yuridichnomu mekhanizmi zakhistu prav gromadyan (istoriko-pravove doslidzhennya): Avtoref. dis. ... d-ra yurid. na-uk. – Khar#kov, 1995.

51. Sergeevskiy N.D. Russkoe ugolovnoe pravo: Posobie k lektsiyam. Chast# obschaya. – SPb., 1911. – S. 8.

52. Serov D.O. Zabytaya stranitsa istorii gosudarstva i prava SSSR: su-debnaya reforma 1956–1964 godov // Vestnik NGU. Nauchnyy zhurnal. – 2006. – T. 2. – Vyp. 2. – C. 45.

53. Sluchevskiy V. Uchebnik russkago ugolovnago protsessa. Sudoustroyst-vo. – SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1891. – S. 235;

54. Smirnov V.N., Usmanov P.P. Istoriya advokatury Srednego Urala. – Ekaterinburg, 1999. – S. 162–163

55. Smolenskiy M.B. Advokatura v Rossiyskoy Federatsii. – SPb.: Yurid. tsentr Press, 2003.

56. Soveschanie pri redaktsii zhurnala «Sotsialisticheskaya zakonnost#» po voprosam ugolovno-protsessual#nogo zakonodatel#stva // Sots. zakonnost#. – 1957. – № 7. – S. 55–57.

57. Stetsovskiy Yu.I. Sovetskaya advokatura. – M., 1989. – S. 196;

58. Stetsovskiy Yu.I. Stanovlenie advokatury v Rossii. – M.: Volters Kluver, 2010.

59. Stremovskiy V.A. Uchastniki predvaritel#nogo sledstviya. – Rostov n/D, 1966. – S. 160–166.

60. Fillipova Yu.A. Iz istorii russkoy advokatury // Advokatskaya prak-tika. – 2005. – № 4. – S. 5.

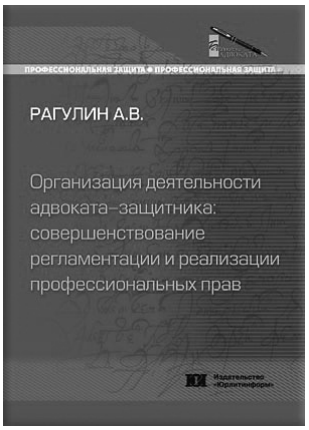
61. Foynitskiy I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. – T. I. – SPb., 1996. – S. 468.

62. Khaski Yu. Rossiyskie advokaty i Sovetskoe gosudarstvo. Proiskhozhde-nie i razvitie sovetskoy advokatury 1917–1939. – M., 1993.

63. Shalamov M.P. Istoriya sovetskoy advokatury. – M., 1939.

64. Shafir G.M. Uchastie zaschitnika na predvaritel#nom sledstvii // So-vetskaya advokatura. Zadachi i deyatel#nost# – M.: Yurid. lit., 1968. – S. 62.

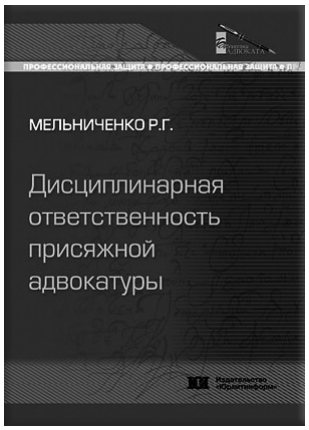
65. Sheloumov M.A. Delo 25 advokatov – odna iz yarkikh stranits v razvitii russkoy advokatury // Istoriya gosudarstva i prava. – 2006. – № 6.



Рагулин А.В. Организация деятельности адвоката-защитника: совершенствование регламентации и реализации профессиональных прав. – М.: Юрлитинформ, 2013. ISBN 978-5-4396-0467-8.

В монографии на основе проведения теоретического, ретроспективного и сравнительно-правового анализа обосновывается концепция существования в российском праве института профессиональных прав адвоката-защитника. Особое внимание в работе уделяется рассмотрению вопросов регламентации и реализации статусных профессиональных прав адвоката-защитника. На основе проведенного исследования автором формулируется ряд выводов и предложений, которые могут быть учтены и использованы как в научно-практической деятельности, так и при реформировании отечественного законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и иного законодательства.

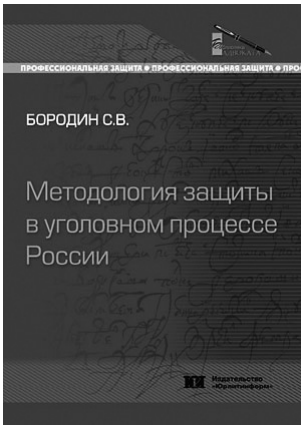
Подробная информация о работе на веб-сайте издательства «Юрлитинформ»: **www.urlit.ru**



Мельниченко Р.Г. Дисциплинарная ответственность присяжной адвокатуры. – М.: Юрлитинформ, 2013. ISBN 978-5-4396-0431-9.

Работа содержит исследование периода расцвета российской адвокатуры, адвокатуры присяжной. В этом периоде «препарируется» нерв присяжных поверенных – институт дисциплинарной ответственности. На основе отчетов советов присяжных поверенных и научных работ этого времени (1866–1916 гг.) читателю предлагается ответить на вопрос: за что и как наказывали риторическую и интеллектуальную элиту того времени? Работа предназначена для современных российских адвокатов, историков-правоведов, изучающих период судебных реформ 1864 г., и всем тем, кому интересны нравы погибшей цивилизации – Российской империи конца IX – начала XX века.

Подробная информация о работе на веб-сайте издательства «Юрлитинформ»: **www.urlit.ru**



Бородин С.В. Методология защиты в уголовном процессе России. – М.: Юркомпани, 2013. ISBN 978-5-4396-0434-0

В монографии впервые исследованы методологические основы профессиональной защиты по уголовным делам. В работе представлен авторский подход по определению методики профессиональной защиты по уголовным делам, разработаны стандарты профессиональной защиты, которые могут быть использованы как законодателем для разработки стандартов адвокатской деятельности, так и практикующими адвокатами, участвующими в судебных разбирательствах по уголовным делам. Монография предназначена для научных работников, преподавателей, судей и адвокатов, а также для специалистов в области уголовного процесса, криминалистики и теории адвокатской деятельности.

Подробная информация о работе на веб-сайте издательства «Юрлитинформ»: **www.urlit.ru**

Сибирцев Г.И.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

***Цель**: Теоретическое обоснование содержания принципа независимости адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве.*

***Методология**: Автором применялись формально-юридический метод и метод теоретического моделирования.*

***Результаты**: Автор приходит к выводу о том, что независимость представляет собой отсутствие стороннего влияния или воздействия на деятельность какого-либо субъекта, однако при этом отмечает, что, исходя из смысла ст. 5 ФЗ «О судебной системе Российской Федерации», законодатель разделяет определения независимости и самостоятельности, не рассматривая их в качестве тождественных. Автор указывает, что независимость воспринимается законодателем как отсутствие какого-либо влияния третьих лиц на действия адвоката, а самостоятельность адвоката следует понимать как способность выступать в правоотношениях непосредственно от своего имени, а также нести дисциплинарную, гражданскую, а равно административную и уголовную ответственность за действия, осуществляемые им в рамках оказания квалифицированной юридической помощи.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Независимость рассматривается в качестве системообразующего юридического принципа, а также в качестве важнейшего элемента современной социокультурной парадигмы. Статья имеет высокую научную ценность, так как содержит обладающие новизной авторские обобщения и выводы, которые могут быть использованы в научной и практической деятельности при обосновании и раскрытии содержания принципа независимости адвокатуры и адвокатской деятельности.*

***Ключевые слова**: независимость адвокатской деятельности, принцип состязательности уголовного процесса, теория адвокатуры, теория уголовного процесса.*

Sibirtsev G.I.

THEORETICAL BASES OF INDEPENDENCE OF PROTECTIVE LEGAL ACTIVITY WITHIN CRIMINAL PROCEDURE

***Purpose**: Theoretical justification of the content of the principle of independence of advocate activity in criminal trial.*

***Methodology**: The author applied a formal-legal method and a method of theoretical modeling.*

***Results**: The author comes to a conclusion that independence represents lack of third-party influence or impact on activity of any subject, however thus notes that, proceeding from sense of Art. 5 of Federal Law «About Judicial System of the Russian Federation», the legislator divides determination of independence and independence, without considering them as the identical. The author specifies that independence is perceived by the legislator as lack of any influence of the third parties on actions of the advocate, and independence of the advocate should be understood as ability to act in legal relationship directly on its own behalf, and also to bear disciplinary, civil, and equally administrative and criminal liability for the actions which are carried out by it within rendering the qualified legal aid.*

***Novelty**/**originality**/**value**: Independence is considered as the backbone legal principle, and also as the most important element of a modern sociocultural paradigm. Article has the high scientific value as contains author's generalizations possessing novelty and conclusions which can be used in scientific and practical activities at justification and disclosure of the content of the principle of independence of legal profession and advocate activity.*

***Keywords**: independence of advocate activity, principle of competitiveness of criminal procedure, legal profession theory, theory of criminal procedure, lawyer, attorney, counsel, barrister, advocate, advocacy, legal profession, bar.*

Независимость является системообразующим свойством любой защиты. Возможность определять собственную тактику поведения без непосредственного вмешательства иных субъектов – вот ключевое условие любой защитительной деятельности [3, 17, 18]. В первую очередь, это вызвано конфликтностью среды, в которой возникает любая защита. Конкурентность субъектов в борьбе за определенные ограниченные ресурсы детерминирует независимость этих субъектов, по меньшей мере, друг от друга, иначе исключается конфликт и, как следствие, необходимость обороняться [4]. Данное условие актуально для правоотношений, складывающихся и в рамках оказа-

ния квалифицированной юридической помощи, и в рамках уголовного процесса (конкурентность субъектов в рамках уголовного процесса обусловлена вариативной ограниченностью решений суда), однако этим его значение не ограничивается.

На наш взгляд, представляется верным рассмотрение независимости в качестве ключевого элемента социокультурной парадигмы современной цивилизации, который проявляется не только в юриспруденции, но и в искусстве, религии, политической сфере и т. д. и выражается в предоставлении все больших возможностей личности определять модели своего поведения, основываясь лишь на собственных убеждениях.

Выступив системообразующим принципом устроения общества, в связи с тем, что исторический опыт показал неэффективность централизации власти и всеобщей зависимости от воли одного субъекта (как правило, монарха), независимость, таким образом, обусловила необходимость создания, с одной стороны, структуры ее гарантий, а с другой – системы контролирующих субъектов (с целью исключения злоупотребления ею) во всех сферах общественной жизни.

Речь в данном случае идет о том, что та или иная сторона, в конечном счете, преследует в первую очередь свои интересы и не способна в силу различных причин выступать в качестве ограничителя собственных действий в случае возникновения конфликта интересов. Таким образом, общество сегодня в целом основывается на принципе сдержек и противовесов, который, в свою очередь, функционирует благодаря поддержанию относительной независимости и самостоятельности субъектов социальных отношений.

Несомненное распространение приобрел принцип независимости и в юридической сфере, где он, безусловно, обладает особой спецификой. Независимость это не только, как обоснованно указывает Раймон Муллерат, «сущность юридической профессии и квинтэссенция юридической деятельности» [6], но также один из наиболее распространенных правовых принципов, проявляющийся во всех ипостасях юридической материи и имеющий бесконечное множество атрибутов. Независимость ветвей власти является основой демократического государства, а независимость судей – это основное условие отправления правосудия. Независимость сторон представляет собой важнейший принцип договорного права и права обязательственного. Еще одной сферой деятельности, где независимость выступает в качестве основополагающего принципа, является квалифицированная юридическая помощь.

Помимо прочего, независимость является наиболее характерной стороной адвокатской деятельности. Адвокат обязан действовать максимально независимо, он должен быть свободен от любого давления извне, не только со стороны государства, но и других внешних факторов.

Обеспечению независимости юридической деятельности представителей с самых древних времен уделялось большое значение. В самом конце базилики города Помпеи находится подиум, обрамленный двумя рядами из шести колонн. Это место было отведено для судей и адвокатов, которые разбирали здесь дела, спорили и выносили решения. Для того чтобы попасть туда, участники процесса должны были подняться по одной из двух деревянных лестниц, которые убирались сразу после начала слушания дела, так что судьи и адвокаты во время судебного разбирательства были в контакте только со своим высоким предназначением, священной функцией, и не имели дела с публикой, толпящейся внизу [6].

Однако насколько достижимой является независимость субъектов, оказывающих квалифицированную юридическую помощь?

Нельзя не согласиться с приведенным Г.В. Стародубовой понятием уголовно-процессуальной функции как зависимости. По мнению исследователя, функция представляет собой содержание и форму деятельности субъекта (или группы субъектов), зависящие от степени доказанности обвинения (объема процессуально накопленной информации о событии преступления и субъекте уголовной ответственности) и изменяющиеся по мере ее изменения [12]. Таким образом, допустимо обозначить функцию обвинения как первичную уголовно-процессуальную функцию, определяющую реализацию всех остальных функций.

Иными словами, защита в рамках уголовного процесса ставится в некую зависимость перед обвинением уже тем, что непременно вступает в процесс позже и формирует тактику поведения на основании имеющихся у обвинителя доказательств. Будет уместным привести здесь утверждение М.О. Баева о том, что защита всегда осуществляется от чего-то и от кого-то [2], и уголовное преследование выступает структурообразующим началом защиты в уголовном судопроизводстве.

Хотелось бы отметить, что это не односторонняя зависимость. Судейские органы и субъекты, осуществляющие уголовное преследование, также взаимосвязаны между собой и испытывают на себе влияние со стороны адвокатской деятельности в процессе рассмотрения дела.

Здесь будет также уместным обратить внимание на то, что независимость (где бы она ни проявлялась), безусловно, представляет собой определенного рода фикцию, так как полностью исключить влияние окружающих субъектов на какой бы то ни было объект не представляется возможным.

Каким же образом в таком случае формируется независимость адвоката и что она из себя представляет?

В первую очередь полагаем необходимым закрепить этимологию слова «независимость». В словаре С.И. Ожегова (примечательно, что в толковом словаре В.И. Даля отсутствует описание понятий независимости и самостоятельности) «независимый» определяется как «самостоятельный, не находящийся в подчинении, свободный» [1, 7]. Как видно из представленного определения, независимость и самостоятельность здесь тождественны, однако в юриспруденции указанные понятия обладают различным значением.

ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не содержит разъяснения термина «независимость адвоката», хотя и неоднократно использует его. Так, в ст. 2 адвокат назван независимым советником по правовым вопросам. В ст. 3 устанавливается, что адвокатура действует на основании принципа независимости, а ст. 18 закрепляет перечень гарантий независимости адвоката. Термин «самостоятельность адвоката» и вовсе не используется в указанном законе. Специализированные юридические словари также не содержат в себе ни одного из названных понятий, ограничиваясь лишь разъяснением независимости судей (игнорируя при этом толкование самостоятельности судей). Согласно юридической энциклопедии, независимость судей понимается как конституционный принцип правосудия демократических государств, согласно которому судьи при разрешении судебных дел свободны от какого бы то ни было постороннего воздействия на них [14]. В энциклопедическом юридическом словаре также независимость упоминается исключительно в отношении судейской деятельности и трактуется как принцип правосудия в демократических государствах, означающий, что судьи, народные заседатели, присяжные разрешают судебные дела на основе закона в условиях, исключающих постороннее воздействие [19]. Данные определения во многом повторяют положения ст. 5 ФЗ «О судебной системе Российской Федерации», посвященной самостоятельности и независимости судей, согласно которой суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и закону.

Все представленные определения рассматривают независимость как отсутствие стороннего влияния или воздействия на деятельность какого-либо субъекта (таким же образом понимает ее и упомянутый выше Федеральный закон). При этом, исходя из смысла ст. 5 ФЗ «О судебной системе Российской Федерации», законодатель разделяет определения независимости и самостоятельности, не рассматривая их в качестве тождественных. Очевидно, мы можем экстраполировать данное положение и на ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

По мнению многих авторов, независимость и самостоятельность, с точки зрения закона, – понятия не идентичные. Исходя из положений статьи 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются, таким образом, независимость воспринимается законодателем, в первую очередь, как отсутствие какого-либо влияния третьих лиц на действия адвоката, так как все перечисленные в данной статье гарантии направлены именно на исключение вмешательства посторонних лиц в профессиональную деятельность защитника [10]. Однако независимость адвоката – категория крайне многогранная, она включает в себя экономическую, психологическую свободу адвоката, исключение недопустимого давления на него со стороны не только следственных органов, но и подзащитного, его родственников, профессионального сообщества адвокатов, средств массовой информации и т. д.

Самостоятельность адвоката следует понимать как способность выступать в правоотношениях непосредственно от своего имени, а также нести дисциплинарную, гражданскую, а равно административную и уголовную ответственность за действия, осуществляемые им в рамках оказания квалифицированной юридической помощи. Здесь можно усмотреть существенные схожие черты с понятием дееспособности, и, пожалуй, следует признать их идентичность (однако в отличие от дееспособности термин «самостоятельность» не используется законодателем, таким образом, дееспособность есть юридическая самостоятельность). При этом названные понятия тесно взаимосвязаны. Независимость должна быть

уравновешена ответственностью за свои действия, ведь лишь такое условие создает естественную гарантию того, что данная субъекту независимость не преобразится во вседозволенность. В противном случае возникает своего рода асимметрия, которая с неизбежностью влечет нарушение интересов третьих лиц.

Еще один вопрос, непременно возникающий при использовании термина «независимость», заключается в том, как он (данный термин) соотносится с определением свободы. Концепт свободы прошел в своем развитии долгий путь. В. Даль дает следующее определение данного понятия: «свобода – своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стесненья, неволи, рабства, подчинения чужой воле. Свобода – понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящегося, или к разным степеням этого простора, и, наконец, к полному, необузданному произволу или самовольству. Свобода печати, отсутствие цензуры, но может быть ответ перед судом. Свобода мысли, безответственность за мысли, убеждения свои. Свобода слова, позволенье выражать мысли свои. Свобода крестьян противополагается рабству и крепостному быту» [15]. Как видим из представленного определения, свобода рассматривалась В. Далем как многогранное явление, объединяющее в себе как свободу в современном ее понимании, так и вседозволенность.

Ожегов определяет свободу как «отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-нибудь класса, всего общества или его членов. Свобода совести (право исповедовать любую религию или не придерживаться никакого вероисповедания). Свобода слова. Свобода печати. Свобода личности (неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, телефонных и телеграфных сообщений, свобода совести)», а также как «вообще отсутствие каких-нибудь ограничений, стеснений в чём-нибудь» [16].

Следует признать, что понятие свободы претерпело серьезные изменения, как в общественном, так и в юридическом понимании. В первую очередь, в него с необходимостью включается элемент разумного ограничения, таким образом, описываемые в указанных словарях «произвол» и «самовольство» более не рассматриваются в качестве разновидностей свободы.

Очевидно, что свобода (в юридическом понимании) есть более многогранный концепт, нежели независимость, которая является важным, однако не единственным элементом любой свободы. В состав свободы также включается самостоятельность и возможная ответственность за свои поступки. На наш взгляд, ответственность следует признать, как бы это ни было парадоксально, элементом любой свободы, так как на основании этого элемента можно однозначно дифференцировать свободу и вседозволенность.

Нужно упомянуть, что смешение понятий самостоятельности и ответственности, по нашему мнению, недопустимо, так как самостоятельность подразумевает свойство, присущее индивиду, в то время как ответственность подразумевает собой не только субъективное отношение индивида к совершаемому деянию, но и объективно сложившийся комплекс мероприятий, присущий общественному устройству.

Независимость можно разделить на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя независимость представляет собой наличие убеждения в способности определять модель своего поведения, основываясь на личных взглядах, мнениях и предпочтениях, предполагает осознание сферы своих прав и свобод (применительно к правовой сфере). Внешняя независимость – система гарантий, предусмотренных позитивным законом, обеспечивающая отсутствие какого-либо влияния третьих лиц на деятельность субъекта [13]. Важно понимать, что без наличия убежденности граждан и специальных субъектов в их собственной независимости система даже самых совершенных ее гарантий будет лишена всякого смысла. Данное утверждение видится верным и в отношении адвокатской деятельности.

Очевидно, независимость адвоката-защитника является важным элементом принципа состязательности. Однако в то же самое время основной гарантией проявления независимости представителя в уголовном процессе является обеспечение принципа состязательности сторон. Дело в том, что наличие состязательности как принципа уголовного судопроизводства является основой тактической деятельности всех его профессиональных участников, в том числе и адвоката [5].

С упрочнением состязательности как основополагающего принципа судопроизводства стали формироваться новые подсистемы тактики: тактика профессиональной защиты от уголовного преследования и тактика государственного обвинения [5, 11]. В свою очередь, тактика реализуется в рамках защитительной функции. Следует признать, что и обвинение, и защита в равной степени выполняют защитительную деятельность, однако объекты данной деятельности сильно различаются. Обвинение призвано защитить публичные

интересы, нарушенные совершенным преступлением. Государственный аппарат выполняет функцию уголовного преследования исключительно в целях защиты сложившегося общественного устройства.

Соответственно, для выполнения подобной функции уполномоченные представители государственной власти наделены широким спектром прав, что вызывает необходимость повышенного общественного надзора за их деятельностью. Именно с целью недопущения злоупотребления властными полномочиями адвокат-защитник вступает в процесс (что, по сути, также представляет собой проекцию публичных интересов). Соответственно, для этого адвокату предоставляются гарантии отсутствия влияния на него со стороны следственных органов и иных субъектов. Иными словами, адвокат обеспечивает реализацию состязательности, однако в то же время он не способен реально оказывать квалифицированную юридическую помощь без фактического существования данного принципа [9].

Таким образом, конфликтность как условие защиты, а следовательно, как детерминанта независимости возникает применительно к уголовно-процессуальной деятельности в условиях состязательности, так как исключительно состязательность способна выступить в роли той среды, которая необходима для реализации какой бы то ни было юридической защитительной функции. Однако, с другой стороны, именно независимость состязающихся субъектов и вызывает в них способность состязаться.

В завершение хотелось бы еще раз обратить внимание читателя на то, что независимость (где бы она ни проявлялась), безусловно, представляет собой определенного рода фикцию, так как полностью исключить влияние окружающих субъектов на какой бы то ни было объект не представляется возможным. Человек как общественное существо, орган власти, коммерческая и иная организация действуют в государстве и обществе, и быть полностью независимыми от них практически не могут [8].

Пристатейный библиографический список

1. http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/215486.
2. Баев М.О. Теория профессиональной защиты: тактико-этические аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2006.
3. Галоганов А.П. Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»: необходимы ли изменения? // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2012. – № 3. – С. 5–11.
4. Галоганов А.П. Современная концепция институционального реформирования и единства адвокатуры России // Экономика и право. XXI век. – 2011. – № 4. – С. 82–91.
5. Горский В.В. К обсуждению теоретических основ тактики участия адвоката представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского государственного университета. Право. – 2002. – № 2. – С. 303.
6. Муллерат Р. Независимость – основной принцип юридической этики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1132077.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986.
8. Печерский В.В. Теоретические основы организации и деятельности адвокатуры. – Минск, 2007. – С. 111.
9. Рагулин А.В. Основные положения совершенствования регламентации института профессиональных прав адвоката-защитника // Закон и право. – 2013. – № 8. – С. 75–78.
10. Рагулин А.В. Право адвоката-защитника требовать запрета на вмешательство в адвокатскую деятельность либо препятствование ей каким бы то ни было образом: проблемы законодательной регламентации и практической реализации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 4 (47). – С. 136–143.
11. Рагулин А.В. Стратегические принципы участия адвоката-защитника в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 3 (10). – С. 64–75.
12. Стародубова Г.В. Установление истины в уголовном процессе: Монография. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010. – С. 74.
13. Темнов С.В. Независимость адвоката как гарантия сохранения адвокатской тайны // Образование и право. – 2011. – № 8 (24). – С. 145–160.
14. Тихомирова Л.В., Тимиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 2007. – С. 538.
15. Даль В.И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/351954.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/351954.
17. Шагиев Б.В., Глушкова Е.М. Адвокатура: независимость и принадлежность к правоохранительным органам // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2011. – № 3. – С. 12–16.
18. Шайхуллин М.С. Сохранение и развитие традиций адвокатуры // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 49–55.
19. Энциклопедический юридический словарь / Под ред. В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 191.

References

1. http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/215486.
2. Baev M.O. Teoriya professional#noy zaschity: taktiko-eticheskie aspekty. – M.: Yurlitinform, 2006.

3. Galoganov A.P. Zakon «Ob advokatskoy deyatel#nosti i advokature v RF»: neobkhodimy li izmeneniya? // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. – 2012. – № 3. – S. 5–11.

4. Galoganov A.P. Sovremennaya kontseptsiya institutsional#nogo reformirovaniya i edinstva advokatury Rossii // Ekonomika i pravo. XXI vek. – 2011. – № 4. – S. 82–91.

5. Gorskiy V.V. K obsuzhdeniyu teoreticheskikh osnov taktiki uchastiya advokata predstavitelya poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2002. – № 2. – S. 303.

6. Mullerat R. Nezavisimost# – osnovnoy printsip yuridicheskoy etiki [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1132077.

7. Ozhegov S.I. Slovar# russkogo yazyka / Pod red. chl.-korr. AN SSSR N.Yu. Shvedovoy. – 18-e izd., stereotip. – M.: Rus. yaz., 1986.

8. Pecherskiy V.V. Teoreticheskie osnovy organizatsii i deyatel#nosti advokatury. – Minsk, 2007. – S. 111.

9. Ragulin A.V. Osnovnye polozheniya sovershenstvovaniya reglamentatsii instituta professional#nykh prav advokata-zaschitnika // Zakon i pravo. – 2013. – № 8. – S. 75–78.

10. Ragulin A.V. Pravo advokata-zaschitnika trebovat# zapreta na vmeshatel#stvo v advokatskuyu deyatel#nost# libo prepyatstvovanie ey kakim by to ni bylo obrazom: problemy zakonodatel#noy reglamentatsii i prakticheskoy realizatsii // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2012. – № 4 (47). – S. 136–143.

11. Ragulin A.V. Strategicheskie printsipy uchastiya advokata-zaschitnika v ugolovnom protsesse // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2009. – № 3 (10). – S. 64–75.

12. Starodubova G.V. Ustanovlenie istiny v ugolovnom protsesse: Monografiya. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2010. – S. 74.

13. Temnov S.V. Nezavisimost# advokata kak garantiya sokhraneniya advokatskoy tayny // Obrazovanie i pravo. – 2011. – № 8 (24). – S. 145–160.

14. Tikhomirova L.V., Timirov M.Yu. Yuridicheskaya entsiklopediya / Pod red. M.Yu. Tikhomirova. – M., 2007. – S. 538.

15. Dal# V.I. Tolkovyy slovar# [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/351954.

16. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar# [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/351954.

17. Shagiev B.V., Glushkova E.M. Advokatura: nezavisimost# i prinadlezhnost# k pravookhranitel#nym organam // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. – 2011. – № 3. – S. 12–16.

18. Shaykhullin M.S. Sokhranenie i razvitie traditsiy advokatury // Evraziyskaya advokatura. – 2013. – № 2(3). – S. 49–55.

19. Entsiklopedicheskiy yuridicheskiy slovar# / Pod red. V.E. Krutskikh. – M.: INFRA-M, 1998. – S. 191.

EURASIAN LEGAL PORTAL

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Наш портал состоит из следующих разделов:

- *Законопроекты*
- *Принятые законы*
- *Судебная практика*
- *Пресс-релизы*
- *Юридические статьи*
- *Юридические вузы*
- *Юридическая школа в лицах*
- *Новости*
- *Наши партнеры*
- *Институт законодательства*
- *Бесплатная юридическая консультация*

www.eurasialegal.info

Целями проекта являются:

1. Создание информативной актуальной научной базы в области права для успешного ориентирования в современном юридическом мире.

2. Свободный обмен теоретическими и практическими знаниями в области права в рамках стран Содружества Независимых государств (СНГ).

Наша задача заключается в постоянном усовершенствовании портала, предоставлении полной и достоверной информации пользователям, внедрении новых актуальных проектов, интересных юридических источников и привлечении к развитию проекта профессиональных юристов для взаимовыгодного сотрудничества.

Бирюков П.Н.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ УМЕНЬШЕНИЯ СУДОМ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

***Цель**: Анализ практики Высшего арбитражного суда Российской Федерации о снижении размера компенсации за нарушения прав интеллектуальной собственности.*

***Методология**: Автором использовались формально-юридический метод и метод изучения материалов судебных дел.*

***Результаты**: В статье сделан вывод о том, что размер компенсации должен быть обоснован, а целью применения данной меры ответственности является восстановление имущественного положения правообладателя. Основа института компенсации заключается в обеспечении возмещения имущественных потерь правообладателя в упрощенном порядке – без доказывания размера убытков. Автором отмечено, что естественным пределом применения института компенсации является выход конкретного правообладателя за пределы целевого назначения данного правомочия, а именно приобретение в силу гипотетического правонарушения имущественных благ, которые не были и не могли быть им утрачены в силу совершения правонарушения. Правонарушение со стороны одного лица не может рассматриваться в качестве законно установленного основания обогащения иного лица (правообладателя). В то же время отмечено, что суд при соответствующем обосновании не лишен возможности взыскать сумму компенсации за нарушение прав на товарный знак в меньшем размере по сравнению с заявленным требованием.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья имеет определенную научную ценность и важную практическую значимость, поскольку содержит авторские обобщения и выводы, позволяющие системно учитывать правовые позиции Высшего арбитражного суда Российской Федерации по вопросу о возможности уменьшения размера компенсации за нарушение прав на товарный знак.*

***Ключевые слова**: интеллектуальная собственность, товарный знак, компенсация, размер компенсации.*

Birjukov P.N.

TO A QUESTION OF POSSIBILITY OF REDUCTION BY COURT OF THE AMOUNT OF COMPENSATION FOR VIOLATION OF THE RIGHTS FOR THE TRADEMARK

***Purpose**: The analysis of practice of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation about decrease in the amount of compensation for violations of intellectual property rights.*

***Methodology**: The author used a formal-legal method and a method of studying of materials of lawsuits.*

***Results**: In article the conclusion that the amount of compensation has to be reasonable is drawn, and the purpose of application of this measure of responsibility is restoration of a property status of the owner. The basis of institute of compensation consists in ensuring compensation of property losses of the owner in the simplified order – without proof of the size of losses. It is noted that a natural limit of application of institute of compensation is the exit of the specific owner out of limits of purpose of this competence, namely acquisition owing to a hypothetical offense of the property benefits which were not and could not be lost by it owing to offense commission. The offense from one person cannot be considered as lawfully established basis of enrichment of other person (owner). At the same time it is noted that the court at the corresponding justification is not deprived of opportunity to collect a compensation amount for violation of the rights for the trademark in a smaller size in comparison with the declared requirement.*

***Novelty/originality/value**: Article has a certain scientific value and the important practical importance as contains author's generalizations and the conclusions allowing systemically considering legal positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on possibility of reduction of the amount of compensation for violation of the rights for the trademark.*

***Keywords**: intellectual property, trademark, compensation, amount of compensation.*

Согласно статье 1484 ГК лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак (правообладателю), принадлежит исключительное право его использования в соответствии со статьей 1229 ГК любым не противоречащим закону способом [4, 5]. Исключительное право на товарный знак может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых он зарегистрирован, в частности, путем размещения товарного знака на товарах, в том числе на этикетках, упаковках товаров, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на

территории Российской Федерации, либо хранятся или перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию Российской Федерации. Никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения [3].

Статья 15 ГК РФ наделяет лицо, права которого нарушены, возможностью требовать от нарушителя полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

В соответствии с ч. 3 ст. 1252 ГК в случаях, предусмотренных Кодексом для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, при нарушении исключительного права правообладатель вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права. Компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения. При этом правообладатель, обратившийся за защитой права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков.

В ч. 2 ст. 15 ГК РФ выделяются два вида убытков: реальный ущерб и упущенная выгода.

Реальный ущерб, в свою очередь, подразделяется на уже понесенные или будущие расходы в связи с восстановлением нарушенного права. Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда и Пленума № 6/8 от 01.07.1996 указывает, что в состав реального ущерба входят не только расходы, фактически понесенные лицом, чьи права нарушены, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права. Необходимость таких расходов и их предполагаемый размер должны быть подтверждены обоснованным расчетом, доказательствами, в качестве которых могут быть представлены смета (калькуляция) затрат на устранение недостатков товаров, работ, услуг; договор, определяющий размер ответственности за нарушение обязательств, и т. п.

Под упущенной выгодой понимаются недополученные доходы, которые лицо могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения в размере не меньшем, чем такие доходы.

Возмещение убытков – широко применяемая мера гражданско-правовой ответственности, универсальный способ защиты гражданских прав. При нарушении прав в сфере интеллектуальной собственности действуют общие нормы об убытках, общие подходы к установлению их размера и составляющих.

Однако убытки от нарушения прав в сфере интеллектуальной собственности имеют свои особенности, так как объектом нарушения является не определенная вещь, а право, стоимость которого не определена.

Убытки делятся на реальный ущерб и упущенную выгоду от появления на рынке конкурента, нарушившего монополию правообладателя на товарный знак или иной объект интеллектуальной собственности.

Вопрос об исчислении размера убытков, учитывая нематериальную категорию объекта нарушения, является одним из самых сложных в делах о контрафакции. Правообладатель товарного знака имеет несколько возможностей для определения размера упущенной выгоды:

1) расчет прибыли, полученной нарушителем права от продажи товаров с использованием товарного знака правообладателя (контрафактный товар). Правовым основанием служит ч. 3 ст. 15 ГК РФ, согласно которой, «если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы». Таким образом, взысканию подлежит сумма доходов, определяющаяся из расчета полученной прибыли от реализации контрафактной продукции лицом, нарушившим право (т. е. доход за минусом себестоимости продукции). Так, в п. 11 Постановления Пленумов Верховного Суда РФ от 01.07.96 № 6/8 говорится, что «размер недополученного дохода (упущенной выгоды) должен определяться с учетом разумных затрат, которые кредитор должен был понести, если бы обязательство было исполнено»;

2) расчет платежей по лицензионному договору, который предположительно мог бы быть заключен с правообладателем товарного знака или иного объекта интеллектуальной собственности. В этом случае сумма, полученная правообладателем в случае заключения лицензионного договора, является его обоснованной упущенной выгодой. Платежи по лицензионному договору на уступку товарных знаков делятся на следующие виды: паушальный (единовременный), роялти (периодические отчисления), комбинированные

платежи (т. е. выплата части платежа в виде паушального платежа, а последующей части – в виде роялти). Роялти осуществляется в течение срока действия договора в размере определенного процента от прибыли лицензиата. При определении роялти следует решить вопрос о размере процента отчислений (ставке роялти) и о том, с чего должны взиматься эти отчисления (база роялти). Определение размеров платежей по лицензионному договору должно производиться через оценку интеллектуальных прав;

3) на основании ч. 4 ст. 1515 ГК РФ правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации: 1) в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда, исходя из характера нарушения; 2) в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

Президиум ВАС РФ неоднократно указывал, что размер компенсации за неправомерное использование произведения должен определяться, исходя из необходимости восстановления имущественного положения правообладателя. Размер компенсации определяется судом в пределах, установленных данным Кодексом, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости.

Так, Президиум ВАС РФ в своем Постановлении от 20.11.2012 № 8953/12 по делу № А40-82533/11-12-680 подчеркнул, что размер компенсации за нарушение интеллектуальных прав следует определять, учитывая возможность правообладателя привлечь к ответственности всех известных нарушителей его права [1]. В Постановлении содержится оговорка о том, что в связи с определением правовой позиции по рассмотренному вопросу вступившие в законную силу судебные акты по делам со схожими фактическими обстоятельствами могут быть пересмотрены, если для этого нет других препятствий.

Так, в Постановлении от 2 апреля 2013 г. № 16449/12 Президиум ВАС РФ указал, что суд не лишен права взыскать сумму компенсации в меньшем размере по сравнению с заявленным требованием, но не ниже низшего предела, установленного законом [2].

Правообладатель вправе требовать от нарушителя выплаты компенсации за каждый случай неправомерного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо за допущенное правонарушение в целом.

Частью 4 ст. 1515 ГК РФ предусмотрено, что правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации: в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда, исходя из характера нарушения; в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой, исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

Из разъяснений, содержащихся в п. 43.3 совместного постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 26.03.2009 № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», следует, что, рассматривая дела о взыскании компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, суд не лишен права взыскать сумму компенсации в меньшем размере по сравнению с заявленным требованием, но не ниже низшего предела, установленного в том числе подпунктом 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса. При определении размера компенсации суд, учитывая, в частности, характер допущенного нарушения, срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности, степень вины нарушителя, наличие ранее совершенных лицом нарушений исключительного права данного правообладателя, вероятные убытки правообладателя, принимает решение, исходя из принципов разумности и справедливости, а также соразмерности компенсации последствиям нарушения.

Президиум ВАС РФ в постановлении от 27.09.2011 № 3602/11 разъяснил, что частью 4 ст. 1515 ГК предусмотрены два типа компенсации, в равной мере применимых при нарушении исключительного права на товарный знак, и правообладатель вправе сделать выбор по собственному усмотрению. При этом размер компенсации, предусмотренной подпунктом 2 пункта 4 этой статьи, ограничен пределами, установленными законодателем, признан им соразмерным последствиям правонарушения.

В развитие приведенных правовых позиций Президиум ВАС РФ в постановлении от 20.11.2012 № 8953/12 указал, что размер компенсации за

неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности должен определяться, исходя из необходимости восстановления имущественного положения правообладателя. Это означает, что он должен быть поставлен в имущественное положение, в котором находился бы, если бы объект интеллектуальной собственности использовался правомерно. Поэтому при определении размера компенсации следует учитывать возможность привлечения к ответственности правообладателем всех известных нарушителей его права. Поскольку ч. 4 ст. 1515 ГК предусматривается одна мера гражданско-правовой ответственности – компенсация, взыскиваемая вместо убытков, которая лишь рассчитывается разными способами (пункты 1 и 2 названной статьи), выработанные в упомянутом постановлении подходы применимы и к практике взыскания компенсации, рассчитанной согласно подпункту 2 ч. 4 ст. 1515 ГК.

Как подчеркнул Президиум ВАС РФ, «судебные акты арбитражных судов по делам со схожими фактическими обстоятельствами, принятые на основании нормы права в истолковании, расходящемся с содержащимся в настоящем постановлении толкованием, могут быть пересмотрены на основании пункта 5 части 3 статьи 311 АПК».

Таким образом, размер компенсации должен быть обоснован (подпункт 2 ч. 4 ст. 1515 ГК РФ). Кроме того, Президиумом ВАС РФ подчеркнута цель применения данной меры ответственности – восстановление имущественного положения правообладателя. Цель института компенсации заключается в обеспечении возмещения имущественных потерь правообладателя в упрощенном порядке – без доказывания размера убытков. Естественным пределом применения института компенсации является выход конкретного правообладателя за пределы целевого назначения данного правомочия, а именно приобретение в силу гипотетического правонарушения имущественных благ, которые не были и не могли быть им утрачены в силу совершения правонарушения. Правонарушение со стороны одного лица не может рассматриваться в качестве законно установленного основания обогащения иного лица (правообладателя).

Иной подход к данной проблеме означал бы допущение использования механизма привлечения к гражданско-правовой ответственности для целей иных, чем восстановление нарушенного права, в том числе для неосновательного обогащения правообладателя. Кроме того, правообладатель был бы заинтересован в максимально возможном выпуске контрафактной продукции, так как правонарушение приводило к получению им доходов, превышающих доход от законного использования товарного знака. Естественно, подобное толкование закона не соответствует основополагающим принципам права, государственным и общественным интересам.

Следовательно, суд при соответствующем обосновании не лишен возможности взыскать сумму компенсации за нарушение прав на товарный знак в меньшем размере по сравнению с заявленным требованием.

Пристатейный библиографический список

1. http://www.consultant.ru/law/hotdocs/23263.html.
2. http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70321678/.
3. Бирюков П.Н. Право интеллектуальной собственности: Учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2014. – Гл. 3.
4. Попов А.В. К вопросу об основных этапах развития франчайзинга // Образование и право. – 2013. – № 1 (41). – С. 173.
5. Попов А.В. К вопросу о предмете договора коммерческой концессии // Образование и право. – 2012. – № 8 (36). – С. 26.

References

1. http://www.consultant.ru/law/hotdocs/23263.html.
2. http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70321678/.
3. Biryukov P.N. Pravo intellektual#noy sobstvennosti: Uchebnik dlya bakalavrov. – M.: Yurayt, 2014. – Gl. 3.
4. Popov A.V. K voprosu ob osnovnykh etapakh razvitiya franchayzinga // Obrazovanie i pravo. – 2013. – № 1 (41). – S. 173.
5. Popov A.V. K voprosu o predmete dogovora kommercheskoy kontsessii // Obrazovanie i pravo. – 2012. – № 8 (36). – S. 26.

Дубровин О.В., Поминов А.В.

КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

***Цель**: Исследование феномена комплексной судебной экспертизы в делах о защите деловой репутации.*

***Методология**: Авторами широко применялся системный подход, использовались формально-юридический и лингвистический методы, метод включенного наблюдения.*

***Результаты**: В статье делается вывод о том, что деловая репутация, как совокупность смыслов и представлений в сознании субъекта рынка, выступает ключевым инструментом, регулирующим поведение субъектов рынка на этапе принятия решения. Она является индикатором, который определяет итог совокупности бизнес-действий (сравнение, анализ, моделирование, прогнозирование и т. п.), что свидетельствует о значимости репутации и стремлении субъекта рынка осуществлять бизнес-действия, направленные на улучшение системы оценки субъекта рынка в сознании иных субъектов рынка. В то же время объективное отсутствие четких трактовок данного понятия в правовом поле ведет к проблемам объективности в экспертной оценке материалов дел, связанных с данным понятием. На основе этих положений авторами исследованы некоторые проблемы постановки вопросов и выработки ответов на них при назначении и проведении комплексной психолингвистической и экономической экспертизы.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья имеет высокую научную ценность и практическую значимость, так как содержит обладающие новизной авторские обобщения и выводы, которые могут быть применены в адвокатской, судебной и судебно-экспертной практике.*

***Ключевые слова**: экспертная деятельность, судебная экспертиза, защита деловой репутации, комплексная судебная экспертиза.*

Dubrovin O.V., Pominov A.V.

COMPLEX EXAMINATION AS PROOF OF THE CIRCUMSTANCES IMPORTANT BY HEARING OF CASES ABOUT PROTECTION OF BUSINESS REPUTATION

***Purpose**: Research of a phenomenon of complex judicial examination in cases of protection of business reputation.*

***Methodology**: The authors widely applied system approach, formal-legal and linguistic methods, a method of the included supervision were used.*

***Results**: In article the conclusion that business reputation as set of meanings and representations in consciousness of the subject of the market, acts as the key tool regulating behavior of subjects of the market at a stage of decision-making is drawn. It is the indicator which defines a result of set of business actions (comparison, the analysis, modeling, forecasting, etc.) that testifies to the importance of reputation and aspiration of the subject of the market to carry out the business actions directed on improvement of system of an assessment of the subject of the market in consciousness of other subjects of the market. At the same time objective absence of accurate treatments of this concept of a legal framework conducts to objectivity problems in an expert assessment of materials of the affairs connected with this concept. On the basis of these provisions by authors some problems of statement of questions and development of answers to them are investigated at appointment and carrying out complex psycholinguistic and economic examination.*

***Novelty/originality/value**: Article has the high scientific value and the practical importance as contains author's generalizations possessing novelty and conclusions which can be applied in lawyer, court and judicial and expert practice.*

***Keywords**: expert activity, judicial examination, protection of business reputation, complex judicial examination.*

Можете говорить обо мне что угодно, только правильно произносите моё имя.

П.Т. Барнум, один из основоположников американской индустрии развлечений

Термин «репутация» (reputation) заимствован из французского (латинского) языка и означает «обдумывание, размышление».

Обзор словарей позволяет выделить единство в определении понятия «репутация» – «сложившееся в умах людей представление об организации

и (или) ее продукции, о человеке и (или) его действиях» [3, 6, 8, 9,]. Таким образом, оперируя понятием «репутация», мы имеем дело с сформированным в массовом или индивидуальном сознании мнением, представлением, положительно или отрицательно оценивающим качества и деятельность человека, организации и продуктов (результатов). Именно в этой связи одним из назначений рекламных или PR-информационных технологий является создание благоприятного впечатления (образа).

Следует отметить, значение слова «репутация» неразрывно связано с имиджем и деятельностью физического либо юридического лица. Толковые и энциклопедические словари [3, 9] в сравнении со специализированными [6, 8] в основе своей указывают на носителя имиджа – физическое лицо, и напротив, группа специализированных словарей определяет носителем организацию. При этом, если словари различаются по субъектам, то сходятся в единстве семантического поля – имидж и деятельность.

В связи с этим не случайно в законодательстве России появилась такая дефиниция, как «деловая репутация», а в постсоветской России упоминание о деловой репутации началось именно с законодательства в области банковской деятельности. Вероятно, истоки этого кроются в исторической связи репутации и кредита (отсроченного платежа за товар [12]), что более четко описывает прагматическую компоненту понятия репутации.

В п. 2 ст. 16. Закона СССР от 11 декабря 1990 г. № 1829-I «О банках и банковской деятельности» сказано, что руководители банка (председатель и главный бухгалтер) должны обладать безупречной деловой репутацией и иметь опыт банковской работы.

Кроме того, согласно ст. 61 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в рамках осуществления своих надзорных функций он вправе запрашивать и получать информацию о финансовом положении и деловой репутации участников (акционеров) кредитной организации, а в ст. 11 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности» сказано, что Банк России имеет право отказать в даче согласия на совершение сделки (сделок), направленной (направленных) на приобретение более 10 % акций (долей) кредитной организации и (или) на установление контроля в отношении акционеров (участников) кредитной организации, в случае неудовлетворительной деловой репутации лица, совершающего сделку (сделки).

Отметим, что в экономической (банковской) сфере слово «репутация» (credit) имеет три значения:

1. Система поставки товаров и услуг в обмен на отсроченный, а не немедленный платеж.

2. Прочная финансовая репутация, которая дает возможность человеку или компании приобретать товары и услуги не за наличный расчет, т. е. в кредит.

3. Статья активов в отчетности, т. е. поступления, или активы [12].

Ст. 10 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-I «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» не допускает недобросовестную конкуренцию, в том числе распространение ложных, неточных или искаженных сведений, способных причинить убытки другому хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации.

Согласно п. 5 ст. 6 Закона РФ от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» не допускается регистрация в Российской Федерации в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, которые охраняются в одном из государств – участников указанного международного договора в качестве обозначений, идентифицирующих вина или спиртные напитки как происходящие с его территории (производимые в границах географического объекта этого государства) и имеющие особое качество, репутацию или другие характеристики, которые главным образом определяются их происхождением.

Одной из основ деятельности предприятия на рынке является удовлетворение потребности покупателя. В планировании бизнеса перед предпринимателем стоит задача прогнозирования потребительского поведения и создания «ответной» модели поведения своей фирмы. Современное информационное общество достигло такого этапа, когда линейно спрогнозировать модели и направления потребительского поведения не представляется возможным. Необходимо объемное понимание стимулов, формирующих поведение потребителя. А таковыми могут являться не только стимулы, направленные на прямое удовлетворение потребности, но и исходящие из иных, не относящихся к потребительскому поведению, сфер психологического реагирования. Так, на потребительское поведение могут влиять любопытство, познавательная активность, низменные потребности субъекта потребления и т. п. Порой потребительская активность в отношении того

или иного товара или услуги может быть спровоцирована изначально, казалось бы, отрицательными эффектами, например, публичное обнажение покупателя за возможность купить товар со скидкой. Этот маркетинговый ход привлекает как активных участников, так и наблюдателей. С точки зрения линейной среднестатистической логики данное действо несет отрицательную оценку потребительской потребности, но факты показывают, что данный маркетинговый ход стимулирует потребительское поведение. Именно поэтому вопросы, связанные с судебным разбирательством по формированию отрицательной деловой репутации, не могут быть рассмотрены в рамках только традиционной лингвистической экспертизы. Необходимо комплексное решение данного вопроса, как со стороны лингвистов, так и со стороны психологов и экономистов (маркетологов).

Таким образом, репутация как совокупность смыслов и представлений в сознании субъекта рынка выступает ключевым инструментом, регулирующим поведение субъектов рынка на этапе принятия решения. По сути своей, репутация и есть тот индикатор, который определяет итог совокупности бизнес-действий (сравнение, анализ, моделирование, прогнозирование и т. п.). Это свидетельствует о его значимости и стремлении субъекта рынка осуществлять бизнес-действия (систему бизнес-действий), направленные на улучшение системы оценки субъекта рынка (репутация) в сознании иных субъектов рынка.

Анализ дефиниции позволяет сделать вывод, что в основе своей понятие «деловая репутация» рассматривается как морально-правовая категория. Объективное отсутствие четких трактовок данного понятия в правовом поле ведет к проблемам объективности в экспертной оценке материалов дел, связанных с данным понятием.

Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 150 понятие «деловая репутация» отнес к «нематериальным благам» наравне с жизнью, здоровьем, достоинством личности, личной неприкосновенностью, честью и добрым именем, неприкосновенностью частной жизни, неприкосновенностью жилища, личной и семейной тайной, свободой передвижения, свободой выбора места пребывания и жительства, именем гражданина, авторством, иными нематериальными благами, принадлежащими гражданину от рождения или в силу закона.

Следует отметить, что закон не различает понятия «деловая репутация гражданина» и «деловая репутация юридического лица», при этом в п. 11 ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо сказано, что правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, применяются соответственно к защите деловой репутации юридического лица.

Еще в Дигестах Юстиниана было записано, что правосудие есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право. Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит [4].

Конституция Российской Федерации в ст. 17 признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, при этом осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» отмечено, что суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами – свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления – с другой.

Таким образом, при возникновении споров о защите деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства, но Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, учитывая правовую позицию Европейского Суда по правам человека. При этом следует иметь в виду, что используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Следует отметить, что обстоятельствами, имеющими значение для подачи иска, являются:

1) факт распространения сведений;

2) порочащий характер этих сведений;

3) несоответствие их действительности.

При этом необходимо обратить внимание на наличие / отсутствие убытков, возникших в результате распространения сведений, порочащих деловую репутацию.

В соответствии с п. 42, 43 приказа Минфина РФ от 27 декабря 2007 г. № 153н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету. Учет нематериальных активов», для целей бухгалтерского учета стоимость приобретенной деловой репутации определяется расчетным путем как разница между покупной ценой, уплачиваемой продавцу при приобретении предприятия как имущественного комплекса (в целом или его части), и суммой всех активов и обязательств по бухгалтерскому балансу на дату его покупки (приобретения).

Положительную деловую репутацию следует рассматривать как надбавку к цене, уплачиваемую покупателем в ожидании будущих экономических выгод в связи с приобретенными неидентифицируемыми активами, и учитывать в качестве отдельного инвентарного объекта.

Отрицательную деловую репутацию следует рассматривать как скидку с цены, предоставляемую покупателю в связи с отсутствием факторов наличия стабильных покупателей, репутации, качества, навыков маркетинга и сбыта, деловых связей, опыта управления, уровня квалификации персонала и т. п.

В данной связи представляется необходимым рассмотреть возможность проведения финансово-экономической экспертизы для разрешения всех вопросов, имеющих значение для подачи иска о защите деловой репутации.

Анализ дефиниции «деловая репутация» позволил выявить отсутствие различий в прагматике данного понятия. Так, ключевые и смыслообразующие понятия «деловая» и «репутация» неизменны, и семантика их определяется не объектом (гражданин, юридическое лицо), а существительным «репутация» и прилагательным «деловая» (который указывает на принадлежность репутации). И в этом плане в базовых смыслах нет различия между гражданином и юридическим лицом, так как оба субъекта находятся в смысловом поле понятия «репутация». Но в Законе ограничивается принадлежность репутации (ко всей, а именно «деловой»), как следствие, гражданин и юридическое лицо имеют общее и различаются по частному. Также следует отметить, что в психологическом плане юридическое лицо и гражданин воспринимаются не идентично: гражданин как субъект, юридическое лицо как групповой субъект. В то же время в социальной психологии определяется, что субъект и групповой субъект имеют одинаковые свойства [1].

Помимо этого, в «Настольной книге судьи по гражданским делам» деловая репутация определяется как нравственная и морально-правовая категория, состоящая из набора профессиональных качеств физического или юридического лица [10]. Остается неясным, каковы принципы структуры профессиональных качеств, какие качества являются более значимыми, какие менее значимыми при осуществлении профессиональных действий. Эти вопросы также относятся к такому разделу психологии, как акмеология. Невозможно в рамках лингвистической судебной экспертизы осуществить данное исследование, так как вопрос профессионально-значимых качеств выходит за пределы компетенции эксперта-лингвиста.

При этом наборы профессиональных качеств физического и юридического лица имеют единое методологическое поле, но практически будут различны в своем частном выражении. Эта практическая различимость на частном уровне и явится основной проблемой при построении методологической базы судебной психологической экспертизы.

В то же время, если понятие «деловая репутация» определять только через понятие «набор профессиональных качеств», то мы придем к методологическому коллапсу, когда данные качества будут специфическими и характерными для определенной сферы деятельности. Это наблюдается, в частности, в практике производства лингвистических экспертиз, где в результате понятие «деловая репутация» в большинстве случаев не рассматривается как самостоятельная дефиниция, а рассматривается только ее общесоциальная лингвистическая компонента, и не осуществляется определение данного понятия, характерного для данной фирмы. Происходит игнорирование профессионально-значимых качеств, их унификации в общем подходе к определению деятельности. Так, например, в экспертном заключении утверждается, что если в тексте содержится информация о деятельности, то и о деловой компетенции, и о деловой репутации [11]. Понятие деятельности слишком широкое, чтобы проводить прямые параллели. Деятельность сама по себе лишь носитель репутации (сама репутация, как следствие внешней оценки продуктов и результатов, находится за пределами деятельности в общественном и индивидуальном сознании в форме оценочного мнения), а компетентности необходимо выделять из содержания

деятельности путем ее (деятельности) социально-психологического (акмеологического) анализа. Или вопрос в определении суда: «Является ли данная фраза оскорбительной для главы города Иваново В.В. Троеглазова?», и ответ на него эксперта, основанный только на лингвистическом анализе текста [2]. В данном случае важен вопрос анализа восприятия оскорбления в психологическом плане для личности В.В. Троеглазова, а если это глава города, то важна компонента анализа с социально-психологической точки зрения. Вопрос сформулирован именно таким образом, когда факт порочения может быть определен только путем комплексной психолого-лингвистической или психолингвистической экспертизы.

В «Настольной книге судьи: судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации» приводятся типовые вопросы в связи с гражданскими делами о защите деловой репутации:

«1. Имеются ли в тексте негативные сведения о... (Ф.И.О., название юридического лица), его деятельности и о его личных деловых и моральных качествах? В каких конкретно высказываниях содержатся эти сведения и какова их смысловая направленность?

2. Если в вышеуказанных фразах имеются негативные сведения о... (Ф.И.О., название юридического лица), то в какой форме они выражены: утверждения, предположения, вопроса?

3. Подтверждает ли лингвостилистический анализ текста, что в нем имеются в форме утверждений фразы, содержащие сведения о нарушении г-ном (Ф.И.О.) действующего законодательства, общепринятых моральных норм и принципов?

4. В каком значении употреблено слово (словосочетание, фраза, конструкция) в тексте публикации?

5. Какова композиционная структура текста статей (статьи), какие стилистические приемы использует автор и как они характеризуют героев публикации?

6. Являются ли сведения, изложенные в тексте, утверждениями о фактах, если да, то каких, или оценочными суждениями, мнением автора публикации?» [7].

Относительно первого вопроса возникают серьезные сомнения в готовности лингвистического методологического аппарата соотнести содержание деятельности юридического или физического лица (этого содержания у эксперта-лингвиста просто нет, да и анализ его деятельности выходит за пределы его компетенции). Но если нет содержания деятельности, то каким образом объективно строится соотнесенность отрицательно направленных выражений на деловые качества? Получается, что для ответа на данный вопрос лингвист должен изначально построить объект информационной атаки, его содержание, его психологию и только в этом случае можно объективно говорить о направленности рассматриваемого текста. Остальные вопросы носят прикладной характер, имеющий силу при рассмотрении объекта воздействия как целое.

Важным является и то, что авторы рекомендуют применять данные вопросы при рассмотрении дел не только о деловой репутации, но и о защите чести и достоинства, что еще раз подтверждает мысль об односторонности лингвистических судебных экспертиз в такого рода делах.

Обозначим ряд реперов, решение которых позволит обойти возникающие методологические проблемы.

1. Если мы будет отталкиваться от миссии предприятия, где определено содержание деловой репутации, то эксперт будет ориентирован именно на субъектные полагания о репутационных реперах, заданных потерпевшей стороной, и в этом случае нет необходимости стремиться к некоторой универсальной матрице набора качеств деловой репутации. Если у предприятия нет миссии в любой форме ее выраженности, то его забота о деловой репутации на рынке сомнительна. Правда, в этом случае возникает вопрос о деловой репутации лица, у которого миссия не прописана в его документах.

В этом случае рамочно-комплексный вопрос к психологу и лингвисту или психолингвисту может звучать: «Соотносится ли смысл текста с содержанием деловой репутации юридического лица, размещенной в миссии…».

2. Вторым важным моментом становится определение действий со стороны потерпевшего, которые имеют целевую направленность именно по формированию деловой репутации себя как субъекта рыночных отношений, и в этом случае не важно, физическое ли это лицо (например, наемный менеджер) или юридическое. Формирование положительного облика в сознании потребителя может быть частью стратегии имиджа субъекта на рынке, и в эту политику вкладываются средства (реклама, PR-акции и т. п.). В этом случае формируется некий устойчивый образ субъекта рынка в сознании потребителя, и перед экспертом стоит вопрос о том, как воздействует распространенная негативная информация на возникшее целостное ценностно-семантическое поле. В этом случае объектом становится некий

сформированный целостный образ, отраженный в целом спектре документов, от опубликованных имиджевых статей до финансово-экономических документов, которые, с точки зрения истца, отражают объемы вложенных в имидж средств и объемы утраченных капиталов в результате распространенной негативной информации. В случае с деловой репутацией физического лица содержание образа может быть отражено в характеристике с места работы, отзыве, рейтинге, результатах социологических исследований и т. п. И в этом случае целесообразнее назначать комплексную психолингвистическую и финансово-экономическую экспертизу.

В этом случае рамочно вопрос к комплексной психолого-лингво-экономической экспертизе может звучать: «Какова целевая направленность текста? Влияет ли негативно целевая направленность текста на сформированный образ субъекта деловых отношений? Выражаются ли репутационные потери в финансово-экономических показателях субъекта деловых отношений?».

Потребительское поведение практически никогда не идет по одной цепочке – стимул–реакция. Потребительское поведение – это обобщающее понятие, включающее в себя факторы и условия, на основании которых потребитель определяет актуальность потребности, принимает решение, выбирает товар, потребляет товар и определяет степень удовлетворенности. При производстве имиджевой политики субъект рыночных отношений осознанно или неосознанно ориентируется именно на методологические модели потребительского поведения. Разработанная им ценностно-смысловая модель должна отвечать всем компонентам системы потребительского поведения. При проведении экспертного исследования важно понять, системно ли повреждение данной модели, повлияет ли оно на потребительское поведение субъектов рынка. Именно в таком комплексном понимании предмета судебного разбирательства – деловая репутация – можно вести речь о порочении репутации субъекта деловых отношений.

Таким образом, результаты комплексной (психолингвистической и экономической) экспертизы расширяют границы понимания и оценки влияния речевой информации и позволяют суду более полно оценить характер высказывания при рассмотрении дел о защите деловой репутации [5].

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 229.

2. Есть дела, а есть слова, или, может, перестанете лукавить, господа Троеглазов и Толмачев? // Гильдия экспертов-лингвистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.rusexpert.ru/books/cena_slova3/005.htm.

3. Исторический словарь галлицизмов русского языка // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://gallicismes.academic.ru/33463/%D1%80%D0%B5%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.

4. Кофанов Л.Л. Дигесты Юстиниана. – Т. 1. – Кн. I–IV. – М., 2002. – С. 589.

5. Поминов А.В., Дубровин О.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации // Южно-Уральский юридический вестник. – 2013. – № 4.

6. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА, 1999. – С. 479.

7. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. – М.: Проспект, 2012. – С. 464.

8. Словарь бизнес-терминов // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/11503.

9. Словарь иностранных слов русского языка // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/31428/%D0%A0%D0%95%D0%9F%D0%A3%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF.

10. Толчеева Н.К. Настольная книга судьи по гражданским делам. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2008. – С. 656.

11. Черное золото – черным налом // Гильдия экспертов-лингвистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.rusexpert.ru/books/cena_slova3/004.htm#6.

12. Экономический словарь // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/12830.

References

1. Andreeva G.M. Sotsial#naya psikhologiya. – M.: Aspekt Press, 2003. – S. 229.

2. Est# dela, a est# slova, ili, mozhet, perestanete lukavit#, gospoda Troeglazov i Tol-machev? // Gil#diya ekspertov-lingvistov [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.rusexpert.ru/books/cena_slova3/005.htm.

3. Istoricheskiy slovar# gallitsizmov russkogo yazyka // Slovari i entsiklopedii na Akademike [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://gallicismes.academic.ru/33463/%D1%80%D0%B5%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.

4. Kofanov L.L. Digesty Yustiniana. – T. 1. – Kn. I–IV. – M., 2002. – S. 589.

5. Pominov A.V., Dubrovin O.V. Zaschita chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii // Yuzh-no-Ural#skiy yuridicheskiy vestnik. – 2013. – № 4.

6. Rayzberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B. Sovremennyy ekonomicheskiy slovar#. – 2-e izd., ispr. – M.: INFRA, 1999. – S. 479.

7. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Nastol#naya kniga sud#i: sudebnaya ekspertiza: teoriya i praktika, tipichnye voprosy i nestandartnye situatsii. – M.: Prospekt, 2012. – S. 464.

8. Slovar# biznes-terminov // Slovari i entsiklopedii na Akademike [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/11503.

9. Slovar# inostrannykh slov russkogo yazyka // Slovari i entsiklopedii na Akademike [Elektronnyy resurs – Rezhim dostupa: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/31428/%D0%A0%D0%95%D0%9F%D0%A3%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF.

10. Tolcheeva N.K. Nastol#naya kniga sud#i po grazhdanskim delam. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Prospekt, 2008. – S. 656.

11. Chernoe zoloto – chernym nalom // Gil#diya ekspertov-lingvistov [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.rusexpert.ru/books/cena_slova3/004.htm#6.

12. Ekonomicheskiy slovar# // Slovari i entsiklopedii na Akademike [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/12830.

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА»

105120, г. Москва, Малый Полуярославский переулок, д. 3/5.
Тел.: 8 (495) 917-22-39; E-mail: nauka-raa@mail.ru; info@raa.ru; Website: www.raa.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

14 апреля 2014 года в Российской академии адвокатуры и нотариата (РААН) состоятся традиционные ежегодные Межвузовские научные чтения студентов, аспирантов, соискателей, преподавателей «ПРАВО. АДВОКАТУРА. НОТАРИАТ».

В рамках Чтений предлагается обсудить следующие вопросы: история и теория государства и права, теоретические проблемы в праве и в его правотворческой, правоприменительной практике, история адвокатуры, история нотариата, организационно-правовые проблемы адвокатуры, организационно-правовые проблемы нотариата, адвокатская деятельность в гражданском, уголовном, арбитражном процессах, пути совершенствования функциональной деятельности нотариата, профессиональные и нравственные качества юриста.

Прием заявок на участие и тезисов докладов – до 7 апреля 2014 г.

Желающим принять участие в конференции просьба направлять тезисы выступлений (статьи) по электронной почте: ***nauka-raa@mail.ru*** *– или в распечатанном виде по адресу: 105120, г. Москва, Малый Полуярославский переулок, д. 3/5.*

Подробная информация о мероприятии размещена на веб-сайте Российской академии адвокатуры и нотариата – ***www.raa.ru***

Азизян В.Г., Журавленко Н.И.

ЗАЩИТА ПРАВ АВТОРОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ И ИЗГОТОВИТЕЛЕЙ БАЗ ДАННЫХ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

***Цель**: Выявление и разрешение проблем защиты прав авторов компьютерных программ и баз данных в судебном порядке.*

***Методология**: Авторами широко использовался системный подход, применялись формально-юридический метод и метод включенного наблюдения.*

***Результаты**: В работе проанализированы основные трудности в доказывании авторства компьютерных программ и баз данных, обусловленные системой их регистрации. Лишь свидетельство о регистрации, выданное Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, может быть использовано его обладателем в качестве неоспоримого доказательства своих прав. Также проанализированы правовые механизмы привлечения к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности за нарушение авторских прав, показаны особенности выявления контрафактного программного обеспечения, в частности сделан вывод о том, что экспертное исследование контрафактной информационно-программной продукции требует применения специальных познаний в различных областях науки и техники, поэтому оно должно носить комплексный характер. Для получения объективного заключения эксперта в основу экспертной методики могут быть положены следующие стадии: выявление внешних признаков контрафактных изделий и выявление признаков контрафактности в структуре, содержании, потребительских свойствах информационно-программных продуктов.*

***Новизна**/**оригинальность**/**ценность**: Статья имеет определенную научную ценность, поскольку она содержит авторские обобщения и выводы, имеющие научную и практическую значимость для осуществления судебной защиты прав авторов компьютерных программ и изготовителей баз данных.*

***Ключевые слова**: компьютерная программа, программа для ЭВМ, база данных, авторское право, правовая охрана, право авторства, исключительное право изготовителя базы данных.*

Azizyan V.G., Zhuravlenko N.I.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF AUTHORS OF COMPUTER PROGRAMS AND MANUFACTURERS OF DATABASES IN A JUDICIAL ORDER

***Purpose**: Identification and solution of problems of protection rights of authors of computer programs and databases in a judicial order.*

***Methodology**: Authors widely used system approach, the formal-legal method and a method of the included supervision were applied.*

***Results**: In work the main difficulties in proof of authorship of computer programs and the databases, their registration caused by system are analyzed. Only the certificate on the registration, granted by Federal Service for Intellectual Property, to patents and trademarks, can be used by his owner as the indisputable proof of the rights. Legal mechanisms of attraction to civil, administrative and criminal liability for copyright violation are also analyzed, features of detection of the counterfeit software are shown, in particular the conclusion that expert research of counterfeit information and program production demands use of special knowledge of various areas of science and equipment therefore it has to have complex character is drawn. For obtaining the objective expert opinion the following stages can be the basis for an expert technique: identification of external signs of counterfeit products and identification of signs of piracy in structure, the contents, consumer properties of information software products.*

***Novelty**/**originality**/**value**: Article has a certain scientific value as it contains author's generalizations and the conclusions having the scientific and practical importance for implementation of judicial protection of the rights of authors of computer programs and manufacturers of databases.*

***Keywords**: computer program, computer program, database, author's right, legal protection, copyright, exclusive right of the manufacturer of a database.*

Нарушителем прав авторов программ для ЭВМ и баз данных может являться физическое или юридическое лицо, которое не выполняет требований Закона об авторском праве в отношении исключительных прав правообладателей, в том числе ввозит в Российскую Федерацию экземпляры программы для ЭВМ или базы данных, изготовленные без разрешения их правообладателей [2]. Основная трудность, с которой сталкиваются при обращении в суд разработчики программного обеспечения, как в России, так и за рубежом [7], – необходимость подтверждения

принадлежности прав авторства программы (базы данных), незаконное использование которой является предметом спора. При рассмотрении таких дел доказывание авторства спорного произведения осложняется необходимостью назначения экспертизы, приглашения свидетелей, что значительно увеличивает длительность судебного процесса.

Правообладатели непосредственно или через своих представителей могут зарегистрировать программы для ЭВМ и базы данных в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. При положительном результате проверки представленных документов эта Служба вносит программу для ЭВМ или базу данных в соответствующие реестры, выдает заявителю свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ или базы данных и публикует сведения об указанных объектах в официальном бюллетене федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Свидетельства о регистрации могут быть использованы их обладателями в качестве неоспоримого доказательства своих прав, в том числе и в суде. Обращаясь в суд за защитой своих прав, авторы программы для ЭВМ или базы данных и иные правообладатели вправе требовать в гражданско-правовом порядке:

1) признания прав;

2) восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и прекращения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;

3) возмещения лицом, нарушившим исключительное право, причиненных убытков в соответствии с гражданским законодательством;

4) принятия иных предусмотренных законодательными актами мер, связанных с защитой их прав.

На экземпляры программы для ЭВМ или базы данных, изготовленные, воспроизведенные, распространенные, проданные, ввезенные или иным образом использованные либо предназначенные для использования в нарушение прав авторов программы для ЭВМ или базы данных и иных правообладателей, может быть наложен арест.

Незаконно изготовленные носители, содержащие подобную продукцию, а также материалы и оборудование, используемые для их изготовления, могут быть в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, конфискованы, уничтожены или переданы правообладателю программы для ЭВМ или базы данных по его просьбе в счет возмещения убытков [3].

Согласно ст. 1225 ГК РФ за нарушение авторского и смежных прав в случае выпуска, незаконного воспроизведения или распространения чужой программы или базы данных под своим именем наряду с гражданско-правовой предусмотрена также административная и уголовная ответственность [6].

В части использования административных норм речь, в первую очередь, идет о применении ч. 1 ст. 7.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях («Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав»). На профилактику правонарушений подобного рода направлено Постановление Правительства РФ от 27 марта 2007 г. № 185, вступившее в действие с 1 апреля 2007 г., которое внесло изменения в Правила продажи отдельных видов товаров, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55. В соответствии с ними продажа экземпляров аудиовизуальных произведений, фонограмм, программ для электронных вычислительных машин и баз данных при осуществлении розничной торговли с использованием лотков и палаток не допускается [5].

В отдельных случаях вследствие нарушения прав авторов программ для ЭВМ и изготовителей баз данных может вступить в действие и ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации («Нарушение изобретательских и патентных прав»).

Применение указанной статьи необходимо соотносить с положениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака».

Одним из основных видов правонарушений, касающихся программного обеспечения, является контрафакция, которая представляет собой воспроизведение, распространение и использование программного обеспечения без разрешения собственника авторских прав на эти произведения («компьютерное пиратство»).

Под термином «контрафактность» юристы понимают нелегальность объектов (изделий, в том числе информационно-программных продуктов), полученных (произведенных, приобретенных, ввезенных в страну и т. п.) с нарушением действующего законодательства, а под термином «признаки контрафактности объектов (изделий)» – признаки (характеристики), свидетельствующие об их нелегальном изготовлении.

Проблема противодействия преступлениям, связанным с посягательством на права интеллектуальной собственности в сфере создания программ для ЭВМ и баз данных, на сегодняшний день весьма актуальна. Правоприменительная практика остро ощущает отсутствие практических рекомендаций по расследованию преступлений, связанных с нарушениями авторских прав в этой области. В сложившейся ситуации главной задачей является обеспечение оптимального сочетания интересов автора произведения, с точки зрения его достойного вознаграждения, а также интересов общества и государства.

Виды незаконного использования программного обеспечения, которые могут быть квалифицированы как контрафактное нарушение авторских прав, могут выражаться в следующем:

– продажа компьютерной техники вместе с незаконно установленным программным обеспечением;

– тиражирование и распространение экземпляров программного обеспечения на носителях информации без разрешения собственника авторских прав;

– незаконное распространение программного обеспечения через телекоммуникационные сети (Интернет, электронная почта и т. д.);

– незаконное использование программного обеспечения пользователем.

Результаты анализа деятельности правоохранительных органов свидетельствуют о том, что нарушители данной сферы интеллектуальной деятельности привлекаются к уголовной или административной ответственности за что угодно – за незаконную торговую деятельность, нарушение порядка предпринимательской деятельности, нарушение налогового законодательства, – только не за нарушения авторских прав производителей программного обеспечения.

Для усиления противодействия правонарушениям в этой сфере необходимо дальнейшее усовершенствование нормативно-правовой базы, решение вопросов кадрового обеспечения противодействия правонарушениям, связанным с компьютерным пиратством, создание общенационального реестра производителей и распространителей программного обеспечения, налаживание сотрудничества с международными организациями и т. д. [1].

Немаловажное значение в данной ситуации имеет также правильная квалификация признаков контрафактной продукции рассматриваемого вида и ее своевременное выявление на компьютерном рынке. Окончательное решение о признании информационно-программных продуктов контрафактными является правовой оценкой, и поэтому оно выносится следователем или судом. Однако для его обоснования необходимо применение как правовых, так и специальных познаний (в виде проведения экспертизы или предварительного исследования).

Экспертное исследование контрафактной информационно-программной продукции требует применения специальных познаний в различных областях науки и техники, поэтому оно должно носить комплексный характер. Причем для получения объективного заключения эксперта в основу экспертной методики могут быть положены следующие стадии:

– выявление внешних признаков контрафактных изделий;

– выявление признаков контрафактности в структуре, содержании, потребительских свойствах информационно-программных продуктов.

Прежде всего, выявление признаков контрафактности информационно-программной продукции на первой стадии требует проведения товароведческого исследования ее упаковки и внешнего вида (с целью установления их соответствия определенным стандартам, принятым фирмами-производителями), а также сопроводительной документации (на предмет установления ее комплектности и правильности оформления). Определенная группа признаков, свидетельствующая о контрафактности информационно-программных продуктов (например, нестандартное полиграфическое качество упаковки, наличие специальных «пиратских» фирменных знаков или неверное воспроизведение легальных товарных знаков), выявляется и исследуется специалистами технико-криминалистического исследования документов.

Для выявления признаков контрафактности информационно-программной продукции могут применяться специальные познания экспертов-трасологов, исследующих следы технологического оборудования на ее носителях.

На второй стадии должно проводиться аналитическое исследование содержания информационно-программного продукта, представленного как на компакт-дисках, магнитооптических или магнитных дискетах, так и на жестком диске самого компьютера, которое также может иметь свои характерные особенности, свидетельствующие о контрафактности продукта.

При назначении экспертиз и исследований информационно-программной продукции перед экспертами могут ошибочно ставиться вопросы,

касающиеся установления правообладателя, авторские права которого нарушены, а также расчета и оценки размера ущерба, нанесенного ему противоправными деяниями и т. п. Тем не менее, представляется очевидным, что их решение не входит в компетенцию экспертов, исследующих продукт на признаки контрафактности. Установление контрафактности информационно-программного продукта представляет собой комплекс действий, осуществляемых экспертными, судебными и следственными органами, направленных на решение, прежде всего, правовых вопросов, поэтому осуществлять эту деятельность должны именно следователи и судьи [4].

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что нормы действующего российского законодательства в целом вполне в состоянии обеспечить эффективную защиту прав авторов программ для ЭВМ и баз данных. При этом следует отметить, что в настоящее время существуют вполне надежные и объективные методики проведения экспертных исследований контрафактной продукции. В то же время следует отметить, что за прошедшие несколько лет за рубежом была накоплена богатая судебная практика по решению проблем защиты прав авторов программ для ЭВМ и баз данных, выявлению фактов выпуска и реализации контрафактных программ. Поэтому в настоящее время назрела необходимость собрать и обобщить полученный за рубежом опыт решения проблем правовой охраны программ для ЭВМ в современных условиях и на основе его анализа внести в отечественные нормативные документы предложения, которые, во-первых, вернули бы несколько пошатнувшееся равновесие прав правообладателей и остального общества и, во-вторых, соответствовали бы принятым международным нормативным актам. Решение этих вопросов позволит нашей стране стать полноправным участником процесса глобального информационного объединения.

Пристатейный библиографический список

1. Белоусов А. Проведение экспертизы на предмет контрафактности: Форум, посвященный проблемам борьбы с компьютерной преступностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://cubercrime.zp.ua/viewtopic.php?p=2250&sid=b07db974c666c2ad05d3820954d26c7e.

2. Митрофанова А.В. Основные аспекты природы и содержания субъективных авторских прав // Образование и право. – 2010. – № 4. – С. 157.

3. Правовая охрана программ для ЭВМ, баз данных, топологий интегральных микросхем (ТИМС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.reg-ta.ru/a143/.

4. Семикаленова А.И. Актуальные вопросы установления признаков контрафактности информационно-программной продукции: Материалы научной конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://jurfak.spb.ru/conference/18102000/semikolenova.htm.

5. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. – М.: ПРОСПЕКТ, 1999. – С. 56.

6. Симкин Л.С. Программы для ЭВМ: правовая охрана (правовые средства против компьютерного пиратства). – М.: Городец, 1998. – С. 45.

7. Янковенко Д.А. Договорное оформление передачи прав на программы для ЭВМ в гражданском законодательстве Германии // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2013. – № 3 (30). – С. 122–124.

References

1. Belousov A. Provedenie ekspertizy na predmet kontrafaktnosti: Forum, posvyaschennyy problemam bor#by s komp#yuternoy prestupnost#yu [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://cubercrime.zp.ua/viewtopic.php?p=2250&sid=b07db974c666c2ad05d3820954d26c7e.

2. Mitrofanova A.V. Osnovnye aspekty prirody i soderzhaniya sub#ektivnykh avtorskikh prav // Obrazovanie i pravo. – 2010. – № 4. – S. 157.

3. Pravovaya okhrana programm dlya EVM, baz dannykh, topologiy integral#nykh mikroskhem (TIMS) [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.reg-ta.ru/a143/.

4. Semikalenova A.I. Aktual#nye voprosy ustanovleniya priznakov kontrafaktnosti informatsionno-programmnoy produktsii: Materialy nauchnoy konferentsii [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://jurfak.spb.ru/conference/18102000/semikolenova.htm.

5. Sergeev A.P. Pravo intellektual#noy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii. – M.: PROSPEKT, 1999. – S. 56.

6. Simkin L.S. Programmy dlya EVM: pravovaya okhrana (pravovye sredstva protiv komp#yuternogo piratstva). – M.: Gorodets, 1998. – S. 45.

7. Yankovenko D.A. Dogovornoe oformlenie peredachi prav na programmy dlya EVM v grazhdanskom zakonodatel#stve Germanii // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. – 2013. – № 3 (30). – S. 122–124.

Закомолдин А.В.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ПРОЦЕССЕ ИЗБРАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЕГО ПОДЗАЩИТНОГО ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

***Цель**: Рассмотрение процессуальных и тактических аспектов участия адвоката-защитника в решении вопроса о мере пресечения в уголовном судопроизводстве и выработка предложений о совершенствовании законодательства, регламентирующего деятельность адвоката-защитника в ходе соответствующей процедуры.*

***Методология**: Автором применялись формально-юридический метод и метод теоретического моделирования.*

***Результаты**: Автор приходит к выводу о том, что адвокату-защитнику следует участвовать в создании условий для избрания более мягкой меры пресечения, в частности: представить письменное ходатайство заслуживающего доверия лица (а лучше нескольких лиц) о согласии выступить личным поручителем, представить письменное ходатайство о применении залога, а также гарантийного обязательства о внесении суммы залога в конкретные сроки. Также автором обосновывается необходимость введения в текст Уголовно-процессуального кодекса РФ положения об обязательности предварительного уведомления защитника и его подзащитного о намерении применить к последнему ту или иную меру пресечения.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает определенной научной ценностью и высокой практической значимостью, так как содержит обладающие новизной авторские обобщения, выводы и предложения, которые могут быть применены в адвокатской практике и при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства.*

***Ключевые слова**: квалифицированная юридическая помощь, защита, уголовный процесс, меры пресечения, адвокат-защитник.*

Zakomoldin A.V.

ABOUT IMPROVEMENT OF A LEGISLATIVE REGULATION OF OPPORTUNITIES OF THE ADVOCATE-DEFENDER IN THE COURSE OF ELECTION CONCERNING HIS CLIENT OF SEPARATE MEASURES OF RESTRAINT

***Purpose**: Consideration of procedural and tactical aspects of participation of the advocate-defender in the solution of a question on a measure of restraint in criminal trial and development of offers on improvement of the legislation regulating activity of the advocate-defender during the corresponding procedure.*

***Methodology**: The author applied a formal-legal method and a method of theoretical modeling.*

***Results**: The author comes to a conclusion that the advocate-defender should participate in creation of conditions for election of softer measure of restraint, in particular: to submit the written petition of deserving trust of the person (and it is better than several persons) for a consent to act as the personal guarantor, to submit the written petition for pledge application, and also the guarantee certificate about entering of the sum of pledge into concrete terms. Author formulated offers in the text of the Code of penal procedure of the Russian Federation of the provision on obligation of the prior notice of the defender and his client about intention to apply to the last this or that measure of restraint locates.*

***Novelty/originality/value**: Article possesses a certain scientific value and the high practical importance as contains author's generalizations possessing novelty, conclusions and offers which can be applied in lawyer practice and at improvement of the criminal procedure legislation.*

***Keywords**: the qualified legal aid, protection, criminal procedure, measures of restraint, lawyer, attorney, counsel, barrister, advocate, advocacy, legal profession, bar.*

В контексте реализации права каждого на получение квалифицированной юридической помощи представляется целесообразным обозначить ряд вопросов, связанных с участием адвоката-защитника подозреваемого или обвиняемого в процессе применения к данным участникам уголовного процесса меры пресечения.

В данном контексте следует сказать о том, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) не предполагает обязанности следователя или дознавателя в обязательном порядке применить к подозреваемому или обвиняемому какую-либо меру пресечения: избрание меры пресечения может быть обусловлено только наличием достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;

2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;

3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ (ст. 97 УПК РФ).

Если по конкретному уголовному делу отсутствуют основания для избрания меры пресечения, то у обвиняемого или подозреваемого берется обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ).

Кроме того, даже при наличии оснований к применению меры пресечения следователю или дознавателю надлежит осуществить свой выбор конкретной меры пресечения с учетом положений ст. 99 УПК РФ. На этом этапе основная задача защитника состоит в опровержении доводов стороны обвинения о законности, обоснованности и мотивированности применения избираемой следователем или дознавателем меры пресечения [1].

Для обоснования возможности применения к своему подзащитному более мягкой меры пресечения адвокат-защитник наделен возможностью заявить ходатайство в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, в котором следует четко изложить сведения о положительных личностных характеристиках подозреваемого или обвиняемого, подтвердив их соответствующими материалами (это могут быть характеристики по месту жительства, работы и (или) учебы; грамоты и благодарственные письма и т. д.), или же сведения, подтверждающие наличие медицинских противопоказаний (наличие инвалидности или хронических болезней, требующих постоянной медицинской помощи, как, например, онкологические заболевания, диабет, туберкулез и др.), что также должно иметь документальное подтверждение.

Наличие вышеназванных документальных подтверждений позиции защиты необходимо не только для убеждения следователя или дознавателя в выборе более мягкой меры пресечения, но и для обеспечения возможного дальнейшего обжалования избранной меры пресечения [2].Кроме того, адвокату-защитнику следует учитывать положения, сформулированные Пленумом Верховного Суда РФ в в Постановлении от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

Отстаивая интересы своего подзащитного при избрании в отношении него меры пресечения, адвокату-защитнику целесообразно обсудить со своим доверителем возможную и желательную для него меру пресечения с учетом объективной оценки сложившейся ситуации. Кроме того, защитнику также следует помочь создать соответствующие условия для избрания более мягкой меры пресечения, в частности:

– в случае если защитник настаивает на избрании меры пресечения в виде личного поручительства, представить письменное ходатайство заслуживающего доверия лица (а лучше нескольких лиц) о согласии выступить личным поручителем;

– если защитник настаивает на избрании залога в качестве меры пресечения, представить письменное ходатайство подозреваемого, обвиняемого либо другого физического или юридического лица о применении данной меры, а также гарантийного обязательства о внесении суммы залога в конкретные сроки, что также может способствовать удовлетворению данного ходатайства судом. Для обеспечения своевременного участия в процессе избрания в отношении подзащитного меры пресечения адвокату-защитнику следует постараться установить контакт с должностным лицом, осуществляющим производство по данному делу.

Немаловажным аспектом участия защитника в процессе избрания в отношении его подзащитного меры пресечения является должное информирование им подозреваемого или обвиняемого о необходимости надлежащего исполнения возлагаемых на него обязанностей, связанных с применением той или иной меры пресечения.

Существенным осложнением участия адвоката-защитника в процессе избрания в отношении его подзащитного меры пресечения является отсутствие нормативного закрепления в тексте УПК РФ обязанности должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело, информировать защитника и его подзащитного о намерении избрать ту или иную меру пресечения. В соответствии со ст. 101 УПК РФ копия постановления или определения об избрании меры пресечения вручается лицу, в отношении которого оно вынесено, а также его защитнику или законному представителю по их просьбе уже после избрания меры пресечения.

Исключением, правда, является избрание мер пресечения в виде залога, домашнего ареста и заключения под стражу, которые применяются только по судебному решению. В соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ рассмотрение данного вопроса судом осуществляется с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого и его защитника.

Как справедливо отмечают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, существуют две принципиально противоположные процедуры избрания меры пресечения: состязательная и розыскная. В публично-состязательном судопроизводстве (каковым провозглашается российский уголовный процесс) все меры пресечения должны были бы избираться в состязательном порядке, когда одна сторона (обвинитель) ходатайствует о применении меры пресечения перед независимым арбитром (судом, судебным следователем), а другая сторона (защита) вправе возражать и оспаривать обоснованность этой меры [3].

Такой порядок действует, как уже было отмечено, лишь в отношении тех мер пресечения, которые избираются в судебном порядке (залог, домашний арест, заключение под стражу).

Розыскной же порядок состоит в том, что мера пресечения избирается лицом, в чьем производстве находится уголовное дело, по собственной инициативе. Это имеет место в российском уголовном судопроизводстве при применении всех остальных мер пресечения (подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым).

Однако предварительное уведомление защитника и его подзащитного о намерении применить к последнему ту или иную меру пресечения способствовало бы процессуальной экономии, ведь в таком случае защитник имел бы возможность, минуя этап рассмотрения данного вопроса судом и, соответственно, не доходя до этапа обжалования решения об избрании меры пресечения, убедить должностное лицо, осуществляющее производство по данному уголовному делу, в целесообразности избрания иной меры пресечения. И уже в случае несогласия приводить свои доводы в суде при избрании меры пресечения (для залога, домашнего ареста или заключения под стражу) или при последующем обжаловании.

Таким образом, представляется целесообразным внести изменения в текст ст. 99 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

1. При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определении ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

2. Дознаватель или следователь, в чьем производстве находится данное уголовное дело, уведомляет подозреваемого или обвиняемого, а также его защитника о намерении избрать или возбудить перед судом ходатайство об избрании одной из мер пресечения, предусмотренных ст. 98 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Киселев П.П. Адвокатское уголовное расследование как самостоятельная форма квалифицированной юридической помощи // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2013. – № 1 (28). – С. 13–19.

2. Рагулин А.В. Уголовно-процессуальные и тактические аспекты деятельности адвоката при задержании подзащитного и избрании в отношении него мер пресечения // Евразийский юридический журнал. – 2008. – № 2 (4). – С. 73–86.

3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник / Под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: КНОРУС, 2008.

References

1. Kiselev P.P. Advokatskoe ugolovnoe rassledovanie kak samostoyatel#naya forma kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoschi // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. – 2013. – № 1 (28). – S. 13–19.

2. Ragulin A.V. Ugolovno-protsessual#nye i takticheskie aspekty deyatel#nosti advokata pri zaderzhanii podzaschitnogo i izbranii v otnoshenii nego mer presecheniya // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2008. – № 2 (4). – S. 73–86.

3. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Ugolovnyy protsess: Uchebnik / Pod obsch. red. A.V. Smirnova. – M.: KNORUS, 2008.

Шайхуллин М.С.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТА

Цель: *Постановка вопроса о необходимости и актуальности формирования традиций профессиональной этики адвоката в контексте формирования в России правового, демократического государства, совершенствовании норм законодательства об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката.*

Методология: *Автором проанализирована динамика научных исследований в области нравственных, этических начал в адвокатской деятельности и организации адвокатуры. Посредством экстраполятивного метода определены возможные тенденции развития и совершенствования норм профессиональной этики адвоката.*

Результаты: *В статье показана степень разработанности вопросов профессиональной этики в российской юридической науке в разное время, обозначена роль традиций как явления, воздействующего на формирование базовых принципов, определяющих пределы поведения адвоката в результате осуществления профессиональных функций защиты и представительства, показаны способы и методы совершенствования профессиональной этики адвоката на основе выявленных позитивных традиций присяжной адвокатуры.*

Новизна/оригинальность/ценность: *Положения работы представляют значительную научную ценность, поскольку в статье наиболее полно отражена картина научной разработанности вопросов профессиональной этики, ее динамика и стагнация в разные годы. Выявлены неразработанные и актуальные в настоящее время вопросы, касающиеся профессиональной этики адвоката, а также предложены варианты совершенствования регламентации профессиональной этики в адвокатуре.*

Ключевые слова: *адвокатура, традиции, профессиональная этика.*

Shaykhullin M.S.

TO A QUESTION OF FORMATION OF TRADITIONS OF PROFESSIONAL ETHICS OF ADVOCATE

Purpose: *Statement of a question of need and relevance of formation of traditions of professional ethics of advocate in a formation context in Russia the constitutional, democratic state, improvement of standards of the legislation on advocacy profession and the Code of professional ethics of advocate.*

Methodology: *The author analyzed dynamics of scientific researches in the field of the moral, ethical beginnings in advocate's activity and the advocacy profession organization. By means of an extrapolative method possible tendencies of development and improvement of norms of professional ethics of advocate are defined.*

Results: *In article degree of a readiness of questions of professional ethics in the Russian jurisprudence at different times is shown, the role of traditions as the phenomena influencing formation of the basic principles defining limits of behavior of advocate as a result of implementation of professional functions of protection and representation is designated, ways and methods of improvement of professional ethics of advocate on the basis of the revealed positive traditions of jury legal profession are shown.*

Novelty/originality/value: *The provision of work represent the considerable scientific value as in work the picture of a scientific readiness of questions of professional ethics, its dynamics and stagnation in different years is most fully reflected. The questions not developed and actual now concerning professional ethics of advocate are revealed, and also options of improvement of a regulation of professional ethics in advocacy profession are offered.*

Keywords: *advocacy profession, traditions, professional ethics.*

1. Степень научной разработанности вопросов развития и совершенствования норм профессиональной этики адвоката

Исторически нормы профессиональной этики адвоката формировались под влиянием научных трудов Е.В. Васьковского, Б.П. Вышеславцева, Г.А. Джаншиева, А.Ф. Кони, К.Д. Кавелина, А.Н. Маркова, Д. Невядомского, Ф.Н. Плевако, В.С. Соловьева и других мэтров науки и практики отечественной адвокатуры. Сформулированные в их работах принципы профессионального поведения адвоката опирались на коренные начала Иеремии Бентама, который в свое время обосновал этическое учение о деонтологии. После падения самодержавия в России комплексные исследования в области совершенствования норм профессиональной этики начались только в 1925 году, когда в непростое для категорий

«право» и «закон» время в московском издательстве «Правовая защита» был издан доклад адвоката В.И. Вегера общему собранию московской адвокатуры на тему «Дисциплина и этика защитника». Это был первый, правда, небольшой по объему (всего 64 стр.), труд о развитии норм профессиональной этики адвоката в условиях советского государства и права. В ноябре 1939 года в журнале «Советская юстиция» вышла статья Д. Голубовского об адвокатской этике, а в марте 1940 года в этом же журнале увидела свет статья советского адвоката, доктора юридических наук, профессора, специалиста в области уголовно-процессуального права Полины Соломоновны Элькинд «Адвокатская этика (начало)», продолжение которой было опубликовано под одноименным названием «Адвокатская этика (окончание)» в следующем номере журнала. За два месяца до Великой Отечественной войны в журнале «Советская юстиция» появилась статья Т. Круглова с аналогичным названием об адвокатской этике.

Поскольку адвокаты участвовали в военных действиях на полях сражений, защищая уже не права и законные интересы личности, а Родину, научные исследования в области адвокатской деятельности практически не велись, за исключением того факта, что в 1943 году в г. Алма-Ате Михаилом Николаевичем Андреевым была защищена кандидатская диссертация по юридическим наукам на тему «Советская адвокатура, ее происхождение, развитие, настоящее и будущее». В послевоенные годы к вопросам адвокатской этики вернулись лишь в 1948 году, когда в «Ученых записках Саратовского юридического института имени Д.И. Курского» вышла статья адвоката, доктора юридических наук, профессора Альтера Львовича Цыпкина «О некоторых вопросах адвокатской этики». Затем к проблемам профессиональной этики адвоката обратились лишь после значительного перерыва в 17 лет в 1965 году, когда в октябрьском номере журнала «Советское государство и право» была опубликована статья В.Д. Гольдинера «Об этике деятельности адвоката». В 1967 г. появилась статья с аналогичным названием Н.П. Кана, в 1968 г. – Э.М. Когана, в 1972 г. – А.Д. Бойкова и Д.П. Ватмана, а в 1974 году в издательстве Ленинградского университета была издана работа советского адвоката Я.С. Киселева «Этика адвоката (нравственные основы деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве)». В 1977 году появилась на свет работа Д.П. Ватмана «Адвокатская этика (нравственные основы судебного представительства по гражданским делам», за этим изданием спустя год последовала работа профессора А.Д. Бойкова «Этика профессиональной защиты по уголовным делам». По прошествии нескольких лет появились статьи об адвокатской этике Б.Ф. Абушахмина, П.Д. Баренбойма, А.А. Данилевича, Н. Заикина, Г.П. Падвы и Н.В. Чепрасова [1,4,8,11].

После распада Советского Союза отношение в обществе к прежним устоям изменилось, что повлекло за собой падение правовых ценностей, крах прежних традиций, моральных, нравственных и этических норм. На этом фоне был объективно обусловлен всплеск научно-исследовательской активности в области совершенствования норм профессиональной этики, и не только в нормативно-правовом регулировании адвокатуры, но и в различных отраслях российского права.

Достаточно обстоятельно были исследованы теоретические аспекты соотношения права, закона и норм этики. Детальному анализу были подвергнуты этические основы деятельности сотрудников органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, прокуратуры. Свою нишу заняли и исследования этических норм в уголовном судопроизводстве. После значительного перерыва, вызванного изменениями в государственном и общественном устройстве, возобновились исследования судебной этики, продолжились исследования профессиональной этики в деятельности нотариусов, наконец, в целях сохранения и развития лучших традиций адвокатуры в период построения нового российского демократического, правового и социального государства вопросам профессиональной этики в деятельности адвоката было посвящено определенное количество научных исследований, среди которых особо следует выделить работы А.Д. Бойкова, М.Ю. Барщевского, Т.З. Зинатуллина и Г.Б. Мирзоева.

За период с 1990 года по настоящее время в периодических изданиях было опубликовано немало научных статей, посвященных проблемам применения этических норм в адвокатской деятельности и организации адвокатуры в России.

Отдельным историко-правовым аспектам деятельности советов присяжных поверенных в формировании норм и принципов адвокатской этики была посвящена работа Д.Н. Азарова, вечности проблем адвокатской этики – статья С.Ю. Макарова, соотношение и различие принципов адвокатской этики в российском и мусульманском праве осветила в своей научной статье О.А. Малкина, к проблеме смешения правовых и моральных норм в кодексе профессиональной этики адвоката обращался Р.Г. Мельниченко, общие и специальные вопросы определения

принципов адвокатской этики отражены в статье А.Д. Бойкова [3], этике взаимоотношений прокурора и адвоката посвящена статья Р. Готлиба и И. Резниченко.

Общим и специфико-межотраслевым проблемам профессиональной этики адвоката посвящены научные статьи А.Е. Александрова, В.Н. Белик, Э.С. Гуртовенко, В. Вайпаи, А.П. Галоганова, И.Л. Трунова, В.М. Дикусара, Н.В. Земской и С.А. Коробейник, В.И. Сергеева, Ю.С. Кручинина, О.С. Почечуевой, Л.А. Савельевой, В.В. Степанова, А.С. Таран, С. Юшина. Кроме того, вопросам профессиональной этики юриста были посвящены статьи И. Блинова, Л.Г. Павловой, А.М. Филатова, Э.М. Дымова. Профессиональной этике адвоката с позиции проблемы преподавания посвящена научная статья Е.С. Шугриной, а профессиональной этике юриста с этой же позиции – статья О.Н. Ванеева. К историко-правовым аспектам формирования основ адвокатской этики в России во II половине XIX в. обращалась К. Сивчик, а этическим основам адвокатской профессии в зарубежных государствах были посвящены тезисы выступлений Я.А. Ключниковой, А.В. Кубышкина, Б.С. Саламова, А.К. Тугела, Г.К. Шарова и др.

Научный охват и разработанность вопросов, касающихся профессиональной этики юриста в различных аспектах ее понимания, вовсе не означает, что проблема совершенствования этики того или иного должностного лица юридической профессии, адвоката, нотариуса, частнопрактикующего юриста является разрешенной. Определение степени научной разработанности по вопросам профессиональной этики адвоката необходимо, прежде всего, в силу выявления нераскрытых до сих пор вопросов нормативного регулирования поведения человека юридического труда. Это касается не только адвокатов. С одной стороны, можно сказать, что вопросы профессиональной этики адвоката являются разработанными, если принять во внимание приведенную выше информацию, а с другой – с начала 90-х г. XX в. к вопросам профессиональной этики адвоката обращалось ничтожно малое количество исследователей, если брать в расчет научно-исследовательский и практический потенциал Российской Федерации с наличием в ней значительного числа ученых и практиков, занимающихся вопросами организации и деятельности адвокатуры. Более того, на сегодняшний день защищены всего две кандидатские диссертации, где объектом и предметом явилась дисциплинарная ответственность и профессиональная этика адвоката [2, 5].

Диссертаций же на соискание ученой степени доктора юридических наук по вопросам комплексного исследования профессиональной этики адвоката в России не существует вовсе, и это при том, что этические основы профессиональной деятельности рассматриваются в практической сфере как приоритетные.

2. Различия традиций профессиональной этики адвоката и норм профессиональной этики адвоката

В постановке вопроса о необходимости формирования традиций профессиональной этики адвоката видится целесообразность разграничения категорий «традиция» и «нормы профессиональной этики». Поиск сходства и различий позволяет выявить доминантные и качественные свойства представленных вниманию правовых категорий в целях совершенствования правового регулирования организации адвокатуры. В отличие от традиций этические нормы опираются на регулятивные возможности морали во взаимодействии с правом [6], при этом следует отметить, что кодекс принят в целях развития традиций российской (присяжной) адвокатуры, значит, перед адвокатским сообществом может стоять задача возрождения традиций присяжной адвокатуры, т. е. исторически обусловленных правил поведения адвокатов. Дело в том, что различие традиций и норм профессиональной этики адвоката позволяет уяснить, а в последующем и определить понятия «правовая традиция адвокатуры», «правовые традиции адвокатуры», «традиции адвокатуры». С традициями ближе всего соотносятся нормы профессиональной этики адвоката, так как именно они олицетворяют собой правила поведения, позаимствованные из лучших отечественных традиций адвокатуры, именно крепкие и лучшие традиции адвокатуры обеспечивают прочность этических норм и правил поведения, санкционированных для адвокатского сообщества, и с этой точки зрения сегодня уместна идея об более подробном исследовании их сходства и различия.

Что касается различий правовых традиций адвокатуры и норм профессиональной этики адвоката, то следует выделить следующие критерии разграничения: 1) по масштабу распространения правовая традиция адвокатуры затрагивает больший круг участников общественных отношений, в отличие от норм профессиональной этики, так как соблюдение санкционированных традиций сопряжено как с профессиональной, так и с общественной, личной культурой поведения адвоката;

2) по направленности действия правовая традиция, в отличие от норм профессиональной этики, влияет как на субъекты адвокатуры, так и на организацию адвокатской деятельности и адвокатуры, обеспечивая преемственность накопленных правил поведения, включая нравственные, моральные, этические и эстетические ценности; 3) по уровню воздействия на основополагающие начала в адвокатуре правовые традиции, в отличие от этических норм, обеспечивают трансляцию и преемственность прежнего правового и правотворческого опыта для формирования и совершенствования принципов организации и деятельности адвокатуры; 4) по эффективности действия правовые традиции отличаются от этических норм тем, что в правовой традиции заложен синергетический эффект права, обеспечивающий взаимодействие норм права, морали, нравственности, этики и др., характеризующийся тем, что их совокупное действие существенно превосходит эффект каждой отдельно действующей нормы [12].

Выделяясь из иных видов социальных норм, правовые традиции адвокатуры представляют собой такие способы поведения людей, которые передают во времени и пространстве исходные начала организации и деятельности адвокатуры, правозащитные ценности, устои, принятые в адвокатском сообществе, исторически обусловленные, признанные, охраняемые адвокатурой и государством и формально-юридически определенные в нормативно-правовых актах. Этим и многим другим правовые традиции отличаются от норм профессиональной этики адвоката.

Кроме того, важность и значимость традиций адвокатуры подчеркивается эпохальностью права, морали, нравственности и других социальных норм для современного адвокатского сообщества. Следуя преамбуле Кодекса профессиональной этики адвоката, а именно руководствуясь необходимостью развития традиций российской (присяжной) адвокатуры, автор выдвигает идею включения третьего раздела, предусматривающего поощрительные нормы за соблюдение профессиональных правил поведения и следование адвокатскому долгу в защите конституционных прав граждан, в Кодекс профессиональной этики адвоката. Необходимость дополнения Кодекса разделом III «Поощрения адвокатов и адвокатских образований» обусловлена, во-первых, юридическими причинами. В частности, пункт 11 ч. 2 ст. 30 ФЗ № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» закрепляет, что к компетенции собрания (конференции) адвокатов относится установление мер поощрения и ответственности адвокатов в соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката. Однако Кодекс содержит лишь статью 18.1, в которой декларативно закреплено, что добросовестное исполнение адвокатом профессиональных обязанностей при безусловном соблюдении норм КПЭ является основанием для его поощрения, тогда как баланс норм-санкций и поощрительных норм всегда делал общественные отношения наиболее равномерными и следующими логике права. Также правовой причиной необходимости такого дополнения Кодекса является отсутствие и в законе об адвокатуре, и в Кодексе профессиональной этики адвоката права и обязанности адвокатских образований поощрять адвокатов, отличившихся на ниве профессиональной деятельности. Представляется, что регламентация такого права и обязанности будет способствовать более детальному учету всех тех профессиональных успехов, которых добился адвокат, защищая субъективные права и законные интересы своих доверителей.

Во-вторых, необходимость дополнения Кодекса профессиональной этики адвоката разделом о поощрениях адвокатов и адвокатских образований вызвана значимостью укрепления традиций адвокатуры в условиях современных новаций. В частности, представляется важным, опираясь на лучший опыт советского государственного строительства, возродить традиции награждения помощников и стажеров адвоката, т.е. лиц, вступающих в профессиональную корпорацию, а также сотрудников, работающих на условиях контракта или срочного трудового договора, являющихся вспомогательным персоналом, обеспечивающим условия организации и материально-техническую сторону адвокатской деятельности, иных лиц, пропагандирующих правовые знания и истинный образ адвокатуры.

В-третьих, необходимость раздела о поощрении адвокатов и адвокатских образований вызвана значимостью укрепления статуса знаков отличия, вручаемых ФПА РФ и общественными организациями адвокатов членам профессиональной корпорации. В частности, следует укрепить право органов адвокатского самоуправления издавать локальные правовые акты об учреждении ведомственных наград в адвокатуре. Если такое право признано органами исполнительной государственной власти за общественными организациями (например, Всероссийское общество слепых, Всероссийское общество глухих, Всероссийское общество «Знание», Всероссийское общество охраны природы и мн. др.), то почему оно не

может быть закреплено за адвокатским сообществом? Данное право будет способствовать в последующем присвоению адвокатам звания «Ветеран труда» и других почётных званий.

3. Преемственность традиций и обычаев российской (присяжной) адвокатуры в контексте совершенствования норм профессиональной этики адвоката

Преемственность традиций адвокатуры и их практическое использование необходимы для регулирования всевозможных отношений адвокатов в процессе осуществления профессиональной деятельности и организации адвокатуры. Сущность традиций и обычаев адвокатуры заключается в том, что они в отдельных случаях локальны и регулируют лишь те области общественных отношений, которые распространены в случаях, прямо не урегулированных нормами законодательства, это делает их недоступными для правового регулирования с трансцендентных позиций. Адвокатское сообщество опирается и санкционирует только те обычаи, которые сложились исторически в его среде. Актуальность санкционирования обычая в адвокатской деятельности заключается в том, что он есть часть концепта правовой культуры в процессе осуществления профессиональной деятельности адвоката, кроме того, он гибок к различного рода правовым последствиям, в отличие от норм права прямого действия.

В юридической науке под правовым обычаем принято понимать исторически сложившийся источник права и правило поведения, санкционированное государством и включённое в систему правовых норм [17]. У правового обычая две основные и важные функции: первая – регулятивная функция, позволяющая обычаю регулировать повторяющиеся и привычные способы поведения людей в разных ситуациях, вторая – воспитательная функция, когда обычай является источником права и основанных на нем явлений, а также средством закрепления умений, навыков, а главное правовых знаний и их передачи новому поколению. Сегодня, когда наблюдается падение нравов, особенно в молодежной среде, так важно уделить особое внимание юридическому механизму санкционирования позитивного опыта регулирования общественных отношений в адвокатуре, тем более развитие адвокатуры, как и других институтов, невозможно без молодежного потенциала. Если обычай будет санкционироваться не государственными органами, а адвокатурой, то он будет правовым источником для адвокатского сообщества, при этом правовым обычаем становится только тот обычай, который имеет известную общественную полезность.

Исследование автором правил присяжной адвокатуры позволило выявить наиболее распространенные обычаи, практический анализ которых будет способствовать установлению преемственности в правовом и социальном развитии современных институтов российской адвокатуры.

Традиционно институтом адвокатуры был Совет адвокатов – присяжных поверенных, который являлся представителем чести и достоинства правозащитного сословия. Одной из его функций было сохранение, развитие и популяризация обычаев, памятных для корпорации дней, чествование заслуженных и наиболее уважаемых членов адвокатского сословия. В корпоративном сообществе существовали следующие наиболее распространенные обычаи адвокатской деятельности и организации адвокатуры:

– обычай не прибегать к рекламе. В соответствии с данным обычаем печатание и распространение объявлений, носящих характер рекламы, с целью приобретения практики [9, С. 88] присяжным поверенным не допускалось. Считалось, что реклама может служить опасным средством злоупотребления доверием граждан. Как видно из современной практики организации адвокатуры, данный обычай утратил свое действие;

– обычай представления интересов доверителя в другом судебном округе. В соответствии с данным обычаем присяжный поверенный мог осуществлять свои профессиональные обязанности только в суде первой инстанции, включая подачу необходимых документов во вторую инстанцию. Также по заведенному обычаю присяжный поверенный освобождался от обязанности объясняться в Судебной Палате в связи с ведением дела, если в расписке на ведение дела не было зафиксировано обязанности доверителя возместить расходы по оказанию юридической помощи в том судебном округе, к которому присяжный поверенный не был приписан. Из этого следует, что обычаи ведения дел иногородними адвокатами ограничивали его профессиональные обязанности в рамках ведения дел в суде второй инстанции, что не противоречило нравственным основаниям прекращения договорных отношений с клиентом;

– обычай доверия к копиям документов. В соответствии с данным обычаем должностные лица судебных органов, а также стороны в процессе обыкновенно доверяли копиям документов, которые были заверены подписью присяжного поверенного. Смысл данного обычая заключался в

том, что подпись присяжного поверенного выступала гарантией доверия государства и общества к адвокатам и сословию присяжных поверенных в целом. В соответствии с правилами адвокатской профессии в России и в силу обычая суды и стороны доверяли копиям документов, заверенным подписью присяжного поверенного. Присяжный поверенный чувствовал себя глубоко оскорбленным, если его подписи не поверили, – она служила гарантией правильности того, что перед ней следует. Это доверие чрезвычайно дорого для адвокатуры, оно дает ей возможность исполнять свою обязанность, и сословный орган должен неустанно заботиться о сохранении его и карать за всякое на него посягательство [9, С. 144–145];

– обычай согласованной замены опытных поверенных товарищами, имеющими небольшой стаж работы в корпорации. Во-первых, для замены одного присяжного поверенного на другого требовалось достигнуть соглашения с обвиняемым (если, конечно, такая замена производилась не по назначению председателя), во-вторых, в случае достигнутого соглашения с обвиняемым присяжный поверенный составлял заявление в суд о происходящей замене. Смысл данного обычая заключался в том, чтобы присяжный поверенный, выходя из процесса ведения дела, произвел «надлежащую замену», обеспечивающую прочную гарантию соблюдения законных интересов обвиняемого, при этом соблюдая нормы профессиональной этики. Заинтересованность присяжного поверенного в «надлежащей замене» исходила из того, что даже в случае замены наименее опытным товарищем ответственность на протяжении всего времени ведения дела оставалась на передавшем дела поверенном. Такой обычай гарантировал права обвиняемого, обеспечивал незыблемость традиций адвокатуры и соблюдения закона. Как отмечалось в правилах адвокатской профессии, по существу не следует забывать переданные дела, ибо, хотя интересы предоставления занятий начинающим товарищам и создали на практике обычай замены опытных поверенных новичками, но, дабы такая замена не отражалась неблагоприятно на интересах судящихся, а также и в целях дидактических относительно новичков-товарищей, необходимо при замене себя молодежью снабжать молодежь своими советами по существу поручаемого дела, выслушав затем отчет о том, как дело прошло [9, С. 213];

– обычай передачи права ведения защиты по уголовным делам помощникам присяжных поверенных. Смысл данного обычая заключался в том, что присяжный поверенный передавал право на ведение защиты по уголовным делам рекомендуемому помощнику, но только тому, кого признавал Совет присяжных поверенных. Вручая право ведения защиты по таким делам, присяжный поверенный накладывал на себя бремя нравственной ответственности, как перед сословием, так и перед обвиняемым. Передача дела производилась только с согласия обвиняемого.

Передача могла допускаться лишь по отношению к действительным помощникам присяжных поверенных, правильно и законно носящим это звание с утверждения Совета присяжных поверенных, а не тем самозванным помощникам, которые Советом не признаются, ему вовсе неизвестны и стоят посему вне всякого контроля и надзора с его стороны [9, С. 216]. Выступая в уголовном процессе в качестве защитника, помощник присяжного поверенного должен был соблюдать еще один обычай – присутствовать на суде во фраке. Если на момент начала процесса фрак не был изготовлен, помощник ходатайствовал суду о перенесении рассмотрения дела на другое судебное заседание. Данный обычай носил характер соблюдения эстетических норм, чтобы обеспечить соответствие одежды не только требованиям, выдвигаемым Советом присяжных поверенных для представителей сословия участвующих в суде, но и направлению моды, принятой в обществе. Так, Совет не мог одобрить проявленное помощником присяжного поверенного пренебрежение к установившемуся обычаю выступать в Суде во фраке [9, С. 216]. Не случайно Совет присяжных поверенных одобрял ношение адвокатами и их помощниками фраков в судебных процессах, поскольку традиции французской адвокатуры порой служили эталоном в процессе формирования общих и факультативных принципов организации адвокатской деятельности и адвокатуры в России.

В российской присяжной адвокатуре существовали традиционные в профессиональной деятельности обыкновения. Обыкновения отличаются от обычаев тем, что они жестко не связаны с продолжающимися во времени правилами и нормами поведения, имеющими очевидный юридический результат и правовые последствия. По мнению И.Б. Новицкого, деловое обыкновение, заведенный порядок и т. п. представляют собой не норму права, а особое средство восполнить содержание воли сторон в конкретном правоотношении, если в какой-либо части эта воля не выражена прямо. Обычай (если он не бытовой, а юридический) есть правовая норма и, следовательно, обязателен. Деловое же обыкнове-

ние – лишь распространенная, но ни для кого не обязательная практика. Ознакомление с этой практикой позволяет судить о том, как разрешается большинством участников деловых отношений тот или иной вопрос, возникающий при известных обстоятельствах, как «принято» его разрешать [7].

В истории адвокатуры существовало немало обыкновений, которые следует показать и проанализировать на предмет усвоения наиболее положительной практики ведения дел в гражданском и уголовном процессах, а также организации и функционирования адвокатуры, извлечения уроков прошлого, чтобы впредь избежать наступления негативных последствий для формирующейся адвокатуры новой России.

В настоящее время в адвокатском сообществе активно обсуждается вопрос о моральной и нравственной стороне личности современного адвоката в контексте соблюдения традиций и норм профессиональной этики. Так, на одном из заседаний Исполнительного комитета Гильдии российских адвокатов обсуждался вопрос о несоответствии действующему ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» предложения о внесении изменений в Кодекс профессиональной этики адвоката. В законе ставится вопрос об этических требованиях к адвокату при осуществлении профессиональной деятельности, а не требования к «моральному облику» адвоката; предлагаемые требования к «моральному облику» адвоката носят не превентивный и воспитательный, а карательный характер, что создает условия и предпосылки для злоупотребления и воспрепятствования адвокату в профессиональной деятельности. Действительно, вопрос о действии моральных, нравственных, эстетических и других социальных норм в контексте формирования профессиональных правил поведения в адвокатской деятельности до конца не разрешен. Как же данный вопрос разрешался в практике деятельности присяжной адвокатуры?

Во-первых, в практике деятельности Совета присяжных поверенных не принято было осуществлять надзор за поступками членов сословия в личной, бытовой и семейной сферах. Поведение присяжного поверенного в областях этих общественных отношений отдавалось на откуп высокого нравственного состояния члена корпорации. Во-вторых, даже если адвокат совершал действия, противоречащие морали, принятой в обществе, где он проживает, Совет присяжных поверенных обычно оставлял их без внимания, однако если действия адвоката вступали в противоречие с моральными нормами и при этом стали предметом общественной критики, они могли подпадать под юрисдикцию дисциплинарного Совета присяжных поверенных. Таким образом, поступки присяжного поверенного, пренебрегшего моральными нормами, активно обсуждались на предмет карательного воздействия, когда аморальные действия совершались публично. В случае если присяжный поверенный игнорировал моральные требования общества (было ли такое игнорирование в частной или публичной сферах), но при этом его деяния не влекли за собой урон уважению и доверию к сословию присяжных поверенных, Совет присяжных обычно не подвергал виновного дисциплинарному взысканию.

По обыкновению Совет присяжных поверенных не высказывал мнений о методах ведения гражданских и уголовных дел. Эти методы, выработанные индивидуально, не становились предметом обсуждений, главным становился правовой результат. При этом дисциплинарной ответственности член сословия подвергался лишь тогда, когда совершал грубые ошибки либо проявлял незнание в том или ином юридическом вопросе. По обыкновению присяжный поверенный должен был сообщить о своей ошибке доверителю, кроме того, он должен был немедленно ее исправить, чтобы предотвратить всякие сомнения в этичности своих действий.

Когда Совет был не в состоянии выяснить все обстоятельства дела из данных, имеющихся в его распоряжении, он обыкновенно предлагал присяжному поверенному, о коем производится дело, явиться для личных объяснений в заседание Совета [9, С. 59]. Если адвокат не являлся на заседание Совета присяжных поверенных для дачи объяснений, по обыкновению Совет рассматривал жалобу в отсутствие товарища, принимая во внимание лишь те материалы дела, которые имелись в его распоряжении.

Заслуживает внимания следующее обыкновение в организации адвокатской деятельности и адвокатуры. Поскольку безвозмездное ведение дел по праву бедности было обязанностью представителей сословия, однако общественного характера, Совет присяжных поверенных назначал и имел право снимать такую повинность на основе принципа равноправия. Так, Суд и Совет поручают вести дело обыкновенно по очередному списку: все равно обязаны, никто не вправе сказать «не хочу» перед компетентным органом, перед Судом и свободно избранным органом корпоративного надзора и дисциплинарного Суда. «Только потому общество и может быть уверено,

что «не могу» не есть замаскированное «не хочу» и притом, может быть, из соображений корыстного характера, и что служба ему поставлена в такие условия строгого и нелицеприятного надзора, судебного и общественно-корпоративного, которые исключают не только корысть, но и прихотливые особенности симпатий, вкусов, настроений, взглядов отдельных лиц» [9, С. 168]. Правило вести дела по праву бедности и на общественных началах зародило традицию взаимодействия присяжной адвокатуры с местными органами власти [13, 14, 15,16 ,18].

Что же касается возмездных услуг, на этот счет существовала несколько иная практика. В частности, по договору между поверенным и доверителем устанавливались не только профессиональные права и обязанности на ведение дела, тем более, как указывает А.В. Рагулин, того требовала тенденция нормативно-правового оформления независимого от государственных органов или каких-либо сословий саморегулируемого института [10], но и порядок вознаграждения за оказанные юридические услуги. По обыкновению присяжный поверенный не мог передавать данный договор третьему лицу как долговое обязательство, в противном случае к нему могла быть применена дисциплинарная ответственность. Таким образом, принцип «юридического коллектора» вступал в противоречие с нормами профессиональной этики поверенного. Так, присяжный поверенный получил дело в числе других 15-ти дел, все эти дела он передал другим поверенным на условиях получения им половины гонорара в свою пользу. Совет не одобрил ни того, что присяжный поверенный имел доверенность и состоял, таким образом, формальным и вместе с тем безответственным за судьбу дела поверенным, ни того, что он, получая доверенности, передавал дела другим своим товарищам с условием уплаты ему половины гонорара, так как положение поверенного, лично не участвующего в ведении дела и не совершающего никаких судебных действий, а только являющегося посредником по передаче дел и по сношениям с доверителями, как бы многосложны таковые ни были, имеет в себе некоторые признаки обязанностей, не имеющих ничего общего с теми обязанностями, которые обыкновенны с представлением об обязанностях присяжного поверенного [9, С. 284].

Принимая во внимание изобретательность отдельных представителей присяжной адвокатуры, противодействующим фактором, нивелирующим разности факторов при ведении дела (как показано выше), являлось обыкновение авансового договора, который носил характер обычно-правового акта. Такое обыкновение позволяло как сохранить репутацию присяжного поверенного, так и скоррелировать внесенные доверителем суммы по отношению к объему выполняемой работы. Понятие «аванс» вполне установившееся: это та часть гонорара, которая дается адвокату вперед, до окончания им дела, обыкновенно одновременно с поручением ему дела [9, С. 288]. В случае, когда поверенный не завершил начатое дело не по его вине, а вследствие отбирания у него доверенности, деньги, выплаченные ему за его труд, не подлежали возвращению. Совет присяжных поверенных находил, что нет оснований понуждать поверенного к возвращению уплаченного вперед гонорара, если он не мог довести дела до конца по вине самого доверителя, не пожелавшего обжаловать решение суда [9, С. 289].

Работая на профессиональном поприще, адвокат действовал по принципу «все, что не запрещено законом, дозволено присяжному поверенному». В соответствии с данным принципом присяжные поверенные использовали не запрещенные законом способы ведения дела, однако только те, которые не противоречили ни закону, ни нормам профессиональной этики и не подрывали авторитет адвокатского сословия. Приведем один пример. Присяжный поверенный принес на решение в последний день апелляционного срока апелляционную жалобу необычным способом, посредством телеграфической депеши, в которой, однако, была соблюдена установленная законом и обычаем форма апелляции. Оставляя в стороне вопрос, в какой мере такой способ принесения апелляции по гражданским делам представляется законным, Совет решил, что какими бы убедительными ни казались доводы в пользу утвердительного разрешения этого вопроса, этот последний относится к числу вопросов, судебною практикой не только не решенных, но и ни разу не поднятых. Присяжный поверенный для защиты доверенных ему интересов прибег, таким образом, к такому способу, который хотя и не воспрещен никаким законом, однако судебною практикой не предусмотрен, а потому для интересов доверителя рискован. К употреблению подобных средств поверенному дозволительно прибегать только в случаях крайней необходимости, когда употребление других, обычных и общепризнанных судебной практикой средств представляется почему-либо невозможным. Хотя само собой разумеется, что присяжный поверенный свободен в своих юридических воззрениях и с этой стороны не подлежит контролю, но, с другой стороны,

это правило не дает присяжному поверенному права рисковать интересами своих доверителей из-за настойчивого проведения только своих воззрений, расходящихся с обыденными воззрениями практики, и подобный риск может быть оправдан лишь при условии, что необычный способ действий поверенного в каждом данном случае представлялся единственно возможным [9, С. 144–145].

Действие данного правила в присяжной адвокатуре было обусловлено неподдельной правовой культурой, высокими нравственными требованиями к личности защитника, доверительным образом поверенного, сложившимся даже в крестьянской среде, корпоративным надзором как средством поддержания чести, правды и сознания ответственности перед государством и обществом, о чем свидетельствуют многочисленные исторические документы ведения уголовных и гражданских процессов в дореволюционной России.

Пристатейный библиографический список

1. Абушахмин Б.Ф., Баренбойм П.Д., Заикин Н. Почему нарушаются нормы профессиональной этики? // Социалистическая законность. – 1986. – № 12. – С. 45–47.
2. Азаров Д.Н. Формирование профессиональных этических правил и дисциплинарной ответственности адвоката: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009.
3. Бойков А.Д. Принципы адвокатской этики // Адвокатская практика. – 2003. – № 1. – С. 9–11.
4. Данилевич А.А. Вопросы этики защитительной речи // Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности. – Минск: Изд-во БГУ, 1987. – С. 108–109.
5. Женина М.А. Теоретические и практические проблемы дисциплинарной ответственности адвоката: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. – М., 2006. – С. 239.
7. Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. – М.: Юрид. лит., 1959. – С. 67–68.
8. Падва Г.П. Этика и тактика допроса потерпевшего защитником обвиняемого // Советская юстиция. – 1987. – № 7. – С. 26.
9. Правила адвокатской профессии в России. М., 1913 / Сост.: А.В. Воробьев, А.В. Поляков, Ю.В. Тихонравов. – М.: Статут, 2003.
10. Рагулин А.В. Профессиональные права лиц, осуществляющих функцию защиты в уголовном процессе, на начальном этапе зарождения адвокатуры в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1 (15). – С. 163.
11. Чепрасов Н.В. Концепция адвокатской этики (в пореформенной России) // Из истории развития политико-правовых идей. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1984. – С. 100–109.
12. Шайхуллин М.С. Традиции в системе нормативного регулирования местного самоуправления // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – № 2. – С. 136–137.
13. Шайхуллин М.С. Взаимодействие адвокатуры и органов местного самоуправления: традиция или правовая необходимость // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2011. – № 4. – С. 18–21.
14. Шайхуллин М.С. Взаимодействие адвокатуры и органов местного самоуправления как фактор правового и социального развития институтов гражданского общества в России // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 31. – С. 120–122.
15. Шайхуллин М.С. Взаимодействие адвокатуры и органов местного самоуправления в России: социально-правовые аспекты // Социальная политика и социология. – 2010. – № 8. – С. 422–426.
16. Шайхуллин М.С. К вопросу о механизме правового регулирования взаимодействия адвокатуры и органов местного самоуправления в России // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 10. – С. 5–10.
17. Шайхуллин М.С. Отличие традиций местного самоуправления от иных смежных правовых понятий и категорий // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 43. – С. 72.
18. Шайхуллин М.С. Правовое регулирование и формирование новых традиций взаимодействия адвокатуры и органов местного самоуправления в России // Адвокатская практика. – 2011. – № 2. – С. 41–45.

References

1. Abushakhmin B.F., Barenboym P.D., Zaikin N. Pochemu narushayutsya normy professional#noy etiki? // Sotsialisticheskaya zakonnost#. – 1986. – № 12. – S. 45–47.
2. Azarov D.N. Formirovanie professional#nykh eticheskikh pravil i distsiplinarnoy otvetstvennosti advokata: Dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2009.
3. Boykov A.D. Printsipy advokatskoy etiki // Advokatskaya praktika. – 2003. – № 1. – S. 9–11.
4. Danilevich A.A. Voprosy etiki zaschititel#noy rechi // Tendentsii i perspektivy razvitiya prava i ukrepleniya sotsialisticheskoy zakonnosti. – Minsk: Izd-vo BGU, 1987. – S. 108–109.
5. Zhenina M.A. Teoreticheskie i prakticheskie problemy distsiplinarnoy otvetstvennosti advokata: Dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2009.
6. Matuzov N.I., Mal#ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava. – M., 2006. – S. 239.
7. Novitskiy I.B. Istochniki sovetskogo grazhdanskogo prava. – M.: Yurid. lit., 1959. – S. 67–68.
8. Padva G.P. Etika i taktika doprosa poterpevshego zaschitnikom obvinyaemogo // Sovetskaya yustitsiya. – 1987. – № 7. – S. 26.
9. Pravila advokatskoy professii v Rossii. M., 1913 / Sost.: A.V. Vorob#ev, A.V. Polyakov, Yu.V. Tikhonravov. – M.: Statut, 2003.
10. Ragulin A.V. Professional#nye prava lits, osuschestvlyayuschikh funktsiyu zaschity v ugolovnom protsesse, na nachal#nom etape zarozhdeniya advokatury v Rossii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie

nauki, kul#turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2012. – № 1 (15). – S. 163.

11. Cheprasov N.V. Kontseptsiya advokatskoy etiki (v poreformennoy Rossii) // Iz istorii razvitiya politiko-pravovykh idey. – M.: Izd-vo IGiP AN SSSR, 1984. – S. 100–109.

12. Shaykhullin M.S. Traditsii v sisteme normativnogo regulirovaniya mestnogo samoupravleniya // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatischeva. – 2013. – № 2. – S. 136–137.

13. Shaykhullin M.S. Vzaimodeystvie advokatury i organov mestnogo samoupravleniya: traditsiya ili pravovaya neobkhodimost# // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. – 2011. – № 4. – S. 18–21.

14. Shaykhullin M.S. Vzaimodeystvie advokatury i organov mestnogo samoupravleniya kak faktor pravovogo i sotsial#nogo razvitiya institutov grazhdanskogo obschestva v Rossii // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2010. – № 31. – S. 120–122.

15. Shaykhullin M.S. Vzaimodeystvie advokatury i organov mestnogo samoupravleniya v Rossii: sotsial#no-pravovye aspekty // Sotsial#naya politika i sotsiologiya. – 2010. – № 8. – S. 422–426.

16. Shaykhullin M.S. K voprosu o mekhanizme pravovogo regulirovaniya vzaimodeystviya advokatury i organov mestnogo samoupravleniya v Rossii // Administrativnoe i munitsipal#noe pravo. – 2010. – № 10. – S. 5–10.

17. Shaykhullin M.S. Otlichie traditsiy mestnogo samoupravleniya ot inykh smezhnykh pravovykh ponyatiy i kategoriy // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2011. – № 43. – S. 72.

18. Shaykhullin M.S. Pravovoe regulirovanie i formirovanie novykh traditsiy vzaimodeystviya advokatury i organov mestnogo samoupravleniya v Rossii // Advokatskaya praktika. – 2011. – № 2. – S. 41–45.

Вниманию студентов-юристов и профессорско-преподавательского состава вузов!

В издательстве «Юрайт» вышел в свет учебник «Адвокатская деятельность и адвокатура в России» (2-е изд., пер. и доп. учебник для бакалавров, 703 страницы, Гриф УМО, ISBN: 978-5-9916-3228-7)

В учебнике раскрываются основные понятия, значение адвокатской деятельности и ее задачи, история адвокатуры, правовые основы и организационные формы деятельности адвокатов и другие общие вопросы. Освещается опыт адвокатской деятельности в России и в ряде развитых зарубежных стран. Приложение содержит основные документы, связанные с адвокатской деятельностью, положение о порядке сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, перечень вопросов экзаменационных билетов при приеме квалификационного экзамена для лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката.

Авторский коллектив:

Трунов И.Л. – руководитель авторского коллектива, научный редактор, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, председатель Президиума коллегии адвокатов «Трунов, Айвар и партнеры» города Москвы, почетный адвокат России;

Айвар Л.К. – доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, почетный адвокат России;

Вайпан В.А. – адвокат, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Право и экономика»;

Рагулин А.В. – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»;

Сонькин Н.Б. – профессор, доктор юридических наук, почетный адвокат России;

Федотов М.А. – доктор юридических наук, профессор, советник Президента РФ, Председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, заслуженный юрист РФ;

Шайхуллин М.С. – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права;

Подробная информация об учебнике – на веб-сайте издательства biblio-online.ru

Самедов Р.Т.

СОВЕТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИК – КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ СТАНДАРТОВ И МОНИТОРИНГАМ

Цель*: Исследование правовых основ деятельности Комиссии по правам человека ООН и Совета по правам человека ООН относительно установления стандартов и проведения мониторингов.*

Методология*: Автором были взяты за основу историко-правовая, формально-юридическая и сравнительно-правовая модели, тесно взаимосвязанные с теоретической структурой. Статья основана на эссе автора, представленном в Университет Лидса Соединённого Королевства 15.05.2012.*

Результаты*: Совет по правам человека – международный правозащитный орган в системе ООН, заменивший Комиссию по правам человека, является органом первостепенной важности, наделённым необходимыми полномочиями по поощрению и защите прав человека по всему миру. В статье раскрыты этапы исторического развития Комиссии по правам человека и Совета по правам человека ООН, приведена общая оценка деятельности Совета по правам человека ООН и выявлены особенности его деятельности и проблемы. Автор отмечает, что Комиссия по правам человека успешно функционировала и сумела сформировать международную структуру прав человека. Несмотря на то, что некоторые государства – члены ООН попытались использовать Комиссию в качестве инструмента, для достижения собственных политических целей, она смогла успешным образом избежать этого. Тем не менее, критика деятельности Комиссии и политические усилия ряда государств, наиболее сильно проявившиеся в начале 2000-х годов, повлияли на ее деятельность и привели к ее прекращению и последующему созданию Совета по правам человека. Совет по правам человека является органом с более высоким статусом и более широкими функциями, которые обеспечивают возможность нивелировать недостатки, ранее имевшиеся в деятельности Комиссии. Совет также сталкивается с препятствиями, которые являются следствием политических интересов отдельных государств, однако предполагается, что эти проблемы могут быть преодолены поддержкой неправительственных организаций и национальных институтов прав человека.*

Новизна/оригинальность/ценность*: Статья обладает высокой научной ценностью, так как содержит обладающие новизной авторские обобщения и выводы, которые могут быть использованы в научной и практической деятельности.*

Ключевые слова*: Комиссия по правам человека ООН, Совет по правам человека ООН, установление стандартов, специальные процедуры.*

Samadov R.T.

THE UN HUMAN RIGHTS COUNCIL AND ITS PREDECESSOR – THE COMMISSION ON HUMAN RIGHTS: STANDARD-SETTING AND MONITORING ACTIVITIES

Purpose*: To analyse the legal background of the activity of the UN Commission on Human Rights and the UN Human Rights Council in the sphere of standard-setting and monitoring.*

Methodology*: Historical-legal, formal-juridical and comparative-legal models are applied, in conjunction with tailored theoretical frameworks.*

This article is based on the author's essay submitted to the University of Leeds, UK (15.05.2012).

Outcomes*: The Human Rights Council, an international human rights protection body within the UN system, which replaced the Commission on Human Rights, is an institution that holds primary importance. As such, it has been accorded the necessary competences to promote and protect of human rights at the global level. The article outlines the historical development of the UN Commission on Human Rights and Human Rights Council, provides a general assessment of the activity of UN Human Rights Council, and reveals the specific features of this activity and the challenges arising. The author suggests that the Commission on Human Rights functioned successfully, and supported the creation of an international human rights framework. Although some UN member states attempted to use it as a tool by which to advance their own political objectives, the Commission was able to withstand this practice. Nevertheless, heavy criticism of the Commission and political endeavours of numerous countries reached a peak in the early 2000s, and ultimately led to its abolition and the subsequent creation of the Human Rights Council. The Human Rights Council enjoys a higher status and broader mandate than its predecessor, enabling it to redress the shortcomings that affected the work of the Commission. The Council also faces numerous challenges generated by the political interests of individual states; however, it is presumed that these problems can be overcome with the support of non-governmental organisations and national human rights institutions.*

Novelty/originality/importance*: The author's general assessments and conclusions provide valuable new insights which will highly contribute to continuing scientific and practical activity.*

***Keywords**: UN Commission on Human Rights, UN Human Rights Council, standard-setting, special procedures.*

The CHR was established in 1946 by the Economic and Social Council (ECOSOC) according to Article 68 of the UN Charter [10,11]. The CHR was given a fairly broad mandate, including: the development of a universal bill of rights; binding and/or non-binding instruments on civil liberties; instruments address the rights of different groups, such as women and minorities; prevention of all forms of discrimination; as well as other human rights issues.

Although the initial task of the CHR was to elaborate minimum standards, there gradually emerged new tasks, and thus the directions of the work of the CHR can be divided into three main groups: (i) standard-setting activity; (ii) implementation of the elaborated standards; and (iii) holding discussions in the field of human rights [27].

The CHR's first, and probably one of its most significant, outputs was the drafting of the Universal Declaration of Human Rights (UDHR) [33]; described as the "jewel in the crown", [23, P. 48] "the most important UN resolution of all time [... which has become ...] the 'mother' of all human rights instruments" [27, P. 809, 811] and many national constitutions. It was a product of the organisation's early years, when "the international political climate was still rather conducive to its aims" [27, P. 809, 811].

It should be noted that the UDHR "is considered to set the standard in representing the minimum norms of customary international law in international human rights. [...] The UDHR has had considerable impact on the shaping of later human rights treaties, municipal law and even state constitutions" [20, P. 12]. And "[n]otwithstanding its age the [UDHR] remains a remarkable instrument [containing] a remarkable array of rights" [23, P. 82–83].

After the UDHR, the CHR drafted a series of serious human rights treaties including the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (1965), International Covenants on Civil and Political Rights and on Economic, Social and Cultural Rights (1966), Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (1979), Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (1984), Convention on the Rights of the Child (1989), International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families (1990), and Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006). "In this way an impressive and broadly encompassing framework for international human rights protection came into place." [27, P. 809–811]. "Even today this standard-setting function continues to be important" [29, P. 742].

As mentioned above, the CHR's next area of activity was overseeing the implementation of these standards. In accordance with this aim, the CHR instituted "an extensive network of monitoring mechanisms, such as reporting procedures, working groups, special rapporteurs, independent experts, field operations, motions, and, in some fields, complaints procedures." [27, P. 809–811].

It should be noted that the creation of the system of special procedures was not an easy or straightforward processes. The CHR finally introduced this complex system twenty years after its inception; thus 1946–1967 is generally described as an 'era of inaction', a time during which the CHR conceived itself as a technical body dealing with the development of the human rights standards [16, P. 93, 96].

It should also be mentioned that the political context of that period, specifically the discord between Eastern and Western countries, also affected the situation [4, P. 129–142].

When an 'ideologically neutral environment' emerged following the end of the Cold War, a new phase for the monitoring system began. "This new era in international relations seemed to offer unprecedented opportunities for the implementation of the doctrine of human rights in an ideologically neutral environment" [17, 93–99]. The UN finally created the post of High Commissioner for Human Rights, which had been proposed back in 1950 but had met with strong opposition on the part of member States [33, P. 767–768]. However, Jeroen Gutter also observes that although since the 1993 World Conference on Human Rights, important progress has been made in terms of coordinating the actions of the different thematic and country mandates [...] [t]he relative success of the special procedures has also generated new problems and challenges [...] [17, 93, 102].

The challenges the special procedures faced with can be enumerated as follows:

1) The sudden introduction of numerous special procedures caused an organisational overload, as proportional funding and/or staff resources had not been allocated;

2) Issues around the further development of the system; the improvement of State cooperation, effective follow-up activity, consolidation of the capacity of special procedures, etc;

3) Conflict among regional groups ultimately undermined the credibility of the special procedures;

4) The so-called 'negative reform agenda'; according to which the effective procedures could be terminated under so-called 'rationalisation';

5) The attempt to limit the scope of the special procedures mandate: on communication, urgent appeals and on-site visits [16, P. 208, 17, P. 93, 34, P. 525–527, 28, P. 882, 894].

Regarding the third direction of the CHR's work, it can be noted that, as Nico Schrijver affirms, the CHR acted as an international human rights discussions forum, as it was tasked by ECOSOC [9] to co-ordinate activities in this field within the UN system [27, P. 809–812].

When discussing the activity of the CHR, it is also important to examine the interest shown by some countries in its work, and their concerns on human rights. Thus it is important to note the number of members and the composition of the CHR, as this was not static. With just 18 original members, the organisation ultimately grew to 53 members in 1992. The composition of the CHR also changed; it "evolved from an originally Western-dominated body towards one more representative of the world as a whole [...] Many states not on the [CHR] also wished to participate in its proceedings [...]"[27, P. 809–812]. Furthermore, there was an increasing number of non-governmental organizations (NGOs) demonstrating particular interest in the work of the CHR. There was a unique opportunity for NGO involvement within the UN machinery in the sphere of human rights issues [27, P. 809–812]. It is also worth mentioning that "NGOs have played a crucial role in the creation of the […] international system of protection and promotion of human rights. [Such a participation was] essential […] especially in the fields of standard setting and the supervision of the implementation of human rights at the domestic level" [12, P.547, 548].

Despite these important developments and the positive achievements of the CHR, it nonetheless faced significant criticism for its failure to adequately fulfil its functions. It was claimed that "[t]he malfunctioning of the CHR [had] meant that human rights concerns [had] been treated ineffectively and in a biased manner" [22, P. 15, 16]. Ladan Rahmani-Ocora also writes that the CHR "came to resemble a club where friendships easily overlooked wrongdoing" [22, P. 15, 16]. She asserts that "[a] record of selectivity and double standards tarnished its reputation, and its membership has often included notorious political regimes that were themselves major perpetrators of human rights abuses" [22, 15].

Generalizing the criticisms addressed to the CHR, it may be possible to group them into three categories, as shown below:

1) challenges on substantial matters – polarization in the CHR by increasing the number of group formations, causing the CHR to serve particular group interests, hindering the adoption of objective and unbiased acts [27, P. 809–811, 23, P. 658]; in other words, politicisation and selectivity, ultimately resulting in affairs only tangentially related to the protection and promotion of human rights [26, P. 41, 45], consideration of CHR membership by some states as a tool to circumvent criticisms towards them and by which to criticise other states rather than as a mechanism to strengthen human rights [24];

2) challenges on technical issues – limited meeting time and facilities (the CHR held six week session per year with limited services) coupled with ever-expanding agendas; as well as the problem of allocating too much time to procedural issues [27, P. 809–811, 22, P. 15, 16]. The CHR was necessarily limited in its capacity to address developments, and reportedly many delegations did not have opportunity to effectively participate in the debates and negotiations [26, P. 41, 45].

3) challenges on credibility – as a consequence of the issues raised in the first two categories, the credibility and professionalism of the CRH were put into question. It was claimed that "[the CHR] cannot be credible if it is seen to be maintaining double standards in addressing human rights concerns" [24]. Moreover it also was considered as "a shadow on the reputation of the [UN] system as a whole" [25].

It is also worth mentioning that, as Nico Schrijver aptly observes, '[w]ith the fine-tuning of human rights standards and the growing interest in and concern over human rights, the contrast between ideal and reality sharpened. It [...] led to heightened expectations of the work of the [CHR] and public dismay if these were not met." [27, P. 812–813]. Schrijver also asserts that "[t]his [...] made the [CHR] a popular target in general attacks on the [UN] because of its perceived malfunctioning." [27, P. 812–813]. In this regard Nazila Ghanea also states that, "the CHR lost its integrity and direction over time; with much of its membership decisions, powers and focus coming to be fuelled by disreputable goals rather than motivated by the aim of promoting, protecting and advancing human rights." [14, P. 695, 697–698].

AS a result of the issues raised above, and in order to strengthen the human rights machinery of the UN, it became necessary to replace the CHR with a new, more competent human rights body that would enjoy a higher instutional status. Thus in 2006 the UN General Assembly established the HRC in replacement of the CHR [31]. However, this institutional reform was not unanimously accepted by UN

member States [26, P. 41, 44]. There also arose questions about how, and indeed whether, the HRC would perform more successfully than its predecessor in terms of surmounting the multiple obstacles in play [22, P. 15, 26, P. 41]. This matter will be discussed in detail below.

Nonetheless, summarizing the activity of the CHR it would perhaps be fair to agree with the assessment by Cees Flinterman and Peter Baehr, according to which, "despite all its [...] shortcomings, [the CHR] has a proud history in the creation, consolidation and gradual strengthening of the present international system of protection and promotion of human rights" [12, P. 547]. In other words, the CHR "made a very important contribution to human rights standard setting, to the development of the UN institutional capacity to promote and protect human rights and, in many national situations, to significant improvements in the protection of human rights". [26, P. 41, 42].

The United Nations Human Rights Council: a new body, innovative functions and specific challenges

As mentioned above, the HRC was established to replace the CHR, to act at a higher level with new functions and a more senior status. "This enhanced status for the [HRC] is intended to have the effect of making its deliberations more authoritative, visible and influential within the United Nations as well as outside it" [5, P. 121, 125].

The HRC builds its work on "the principles of universality, impartiality, objectivity and non-selectivity, constructive international dialogue and cooperation, with a view to enhancing the promotion and protection of all human rights" [31].

It was presumed that the HRC would "preserve and build on its achievements and to redress its shortcomings" [31]. Thus the HRC was accorded new and broader competences in completely different dimensions, as summarised below.

1) First of all, it must be noted that the status of the HRC is considerably higher than that of the CHR, as the HRC is a subsidiary organ of the General Assembly [31], while the CHR was subordinate to ECOSOC. It is also worth mentioning that the HRC would be much more powerful if it was promoted to the status of a main UN body. This matter will be reviewed within five years of its activity.

2) The HRC is slightly smaller than the CHR, with 47 rather than 53 members. The Resolution does require that among members there must be equitable geographical distribution. Additionally, states can only be elected for two consecutive terms [31]. It is also interesting that although the number of the seats for the Western countries has been slightly reduced in comparison with the CHR, as Nico Schrijver states, "the Western states are increasingly close to Eastern Europe following the ending of the Cold War, and they have increasing co-operation in international institutions [as well and t]ogether they have [...] potentially strong representation on the [HRC – 28 %]" [27, P. 815–816].

3) The election procedure for membership is also different, as the members are "elected directly and individually by secret ballot by the majority of the members of the General Assembly" [31]; this allows for the participation of all member states.

4) The extension of the length and frequency of the meetings is another of the remarkable new features of the HRC. It is required to have "no fewer than three sessions per year […] for a total duration of no less than ten weeks." [31]. The HRC can also convene special sessions on urgent matters.

5) One of the most striking new features of the HRC is the Universal Periodic Review (UPR), a peer-review system which monitors "the fulfilment by each State of its human rights obligations and commitments in a manner which ensures universality of coverage and equal treatment with respect to all States" [31]. This "peer review [...] would enhance the credibility and legitimacy of international human rights monitoring. [... It] does not require a complex system and should complement the treaty body system" [22, P. 15, 18]. The UPR mechanism will be discussed in greater detail below.

6) It is also noteworthy that the HRC was accorded the discretion to "assume, review and, where necessary, improve and rationalize all mandates, mechanisms, functions and responsibilities of the [CHR] in order to maintain a system of special procedures, expert advice and a complaint procedure" [31].

7) It is furthermore vital to note that the HRC attaches particular importance to the voice of NGOs, as well as national human rights institutions [31]. "NGOs have been active participants in the activities of the [HRC] from the outset." [26, P. 41, 66]. It goes without saying that "[t]he ability of NGOs to be involved, contribute to the debates, and participate in the sessions of the [HRC] will be indispensable to ensuring accountability in the new structure" [22, P. 15, 19, 21, P. 9, 10].

It should also be mentioned that following its inception, the HRC established an Advisory Committee, consisting of 18 independent experts, to replace the former subcommittee of the CHR. In order to maintain the individual complaints procedure, the Committee was requested to establish working

groups on communications and on specific situations as required [27, P. 809, 819].

Taking into consideration the main developments and innovations in the scope of the activity of the HRC as outlined above, it goes without saying that the HRC intends to continue the standard-setting and monitoring activities of the CHR, and perhaps to a higher level.

Regarding the standard setting activity of the HRC, it must first of all be mentioned that the HRC "followed the distinguished standard-setting tradition of the [CHR] by adopting two important instruments at its first session [: 1)] International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance [7] [; 2)] UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples [7, 26, P. 41, 55, 32, P, 29, 37].

These documents are considered to be vital instruments for the protection of human rights: the "Convention will fill a major gap in existing human rights standards, and the Declaration will set human rights standards crucial for the dignity and well-being of the world's indigenous peoples" [26, P. 41, 45,].

Furthermore, the HRC elaborated the Optional Protocol to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights [2]. The HRC also seeks to to study the content and scope of the substantive gaps in existing international instruments to combat racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance in order to produce a document with concrete recommendations [26, P. 41, 45]. It is working to draft "an optional protocol to the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination or the adoption of other standard-setting instruments" [2].

It may also be important to emphasise that the substantive activity of the HRC in recent years has also included addressing the urgent human rights situations that have arisen in Palestine, the Middle East, Darfur, Sri Lanka, and Zimbabwe, among others [27, P. 809, 819–820, 13, P. 81].

As has already been mentioned, the monitoring of human rights situations is one of the main directions of the activity of the HRC. This focus is enabled by newly created institutional mechanisms.

The UPR is designed to be "a cooperative mechanism, based on an interactive dialogue, with the full involvement of the country concerned and with consideration given to its capacity-building needs" [31]. A further key component of this tool is the "'peer review' function to ensure the universal scrutiny of all UN Member States and to help avoid […] politicisation and selectivity" [26, P. 41, 46].

As a unique, multilateral, and cooperative mechanism in the field of human rights, the UPR provides an objective assessment of the human rights situation in countries around the world. Furthermore, it provides a useful platform for NGOs, national human rights institutions, as well as for independent experts and human rights defenders to contribute to the discourse. It also serves as a forum to share best practices and to improve collaboration in order to protect and promote human rights, as well as for making voluntary commitments and pledges [27, P. 809, 819].

While it is difficult to conduct a comprehensive evaluation of the impact of the UPR, specific positive achievements can be noted: for example, the active participation of the Office of the High Commissioner for Human Rights in developing documents; lively participation of delegates in interactive discussions; and participation by member States in the work of so-called troikas, which allow them to access more information on the human rights issues in other countries [8, P. 721, 733].

In relation to the special procedures under the auspices of the HRC, it is first of all worth mentioning that the HRC "considered and discussed the special procedures' reports in unprecedented depth." [26, P. 41, 56].

It must also be noted that the HRC decided to maintain the abovementioned tools inherited from the CHR. According to Patrizia Scannella and Peter Splinter, the "recognition accorded by governments from all regions to the solid accomplishments of the special procedures is testimony to the importance of the [HRC] maintaining a system of special procedures that is independent, innovative, responsive and flexible" [26, P. 41, 56]. Amrita Mukherjee also states accurately that "[t]he multiplicity of procedures and their broad scope of influence suggest a highly developed system of protection [...]." [20, P. 9].

It is worth noting in this regard that the reviewing of the special procedures should not necessarily mean simply preserving the existing system; this system has to be considerably improved in order that it can become comprehensive and coherent; the mandate-holders should react to human rights violations promptly within the scope of their mandate. [26, P. 59–60, P. 73, 18, 79–80].

Perhaps the most innovative and positive feature of the HRC's special procedures is that the HRC has "engaged in substantive interactive dialogues with the special procedures under improved procedures that involved participation by governments, NGOs and national human rights institutions from all regions. […] The NGOs were able to raise country concerns in those dialogues […]."[26, P. 41, 57].

It should also be highlighted that the HRC has elaborated a Code of Conduct for Special Procedures

Mandate-holders of the Human Rights Council [1], considered by some authors as a matter of concern requiring immediate attention, due to the perceived risk that it could ultimately impose unnecessary control on the mandate holders [27, P. 809, 819]. The Code of Conduct "can also be seen as a means to restrict the independence and responsiveness of the special procedures" [26, P. 41, 59]. Notwithstanding the provision that envisages the main purpose of the above mentioned Code as "[enhancing] the effectiveness of the system of special procedures by defining the standards of ethical behaviour and professional conduct that […] mandate-holders of the [HRC] shall observe whilst discharging their mandates" [1, 6, P. 323, 327], and taking into consideration that the special procedures are to serve as the central link in the work of the HRC, it must be stressed that the use of independent experts is vital for the HRC. This will allow the HRC – and ultimately the UN – to protect human rights in all parts of the world without compromise, and to address all human rights violations promptly. [26, P. 41, 59].

It should also be noted that under the HRC, the special procedures system encounters similar (if not identical) problems as when it was part of the CHR, which were discussed in the previous section. At this point it may be necessary to draw out some of the defining characteristics of these problems now arising under the auspices of the HRC. First of all, it is important to mention that the system for appointing mandates must undergo a process of streamlining and reform in order to eliminate any overlaps in function, as well as to fill the gaps. The selection and nomination processes of mandate holders also needs to be improved by ensuring a balance in terms of geographical distribution and gender representation, as well as assigning limited timeframes for the holding of mandates. The special procedures must also coordinate their work with other UN human rights bodies, as well as with the UPR mechanism, with a view to broader organisational collaboration [3, P. 216–219, 17, P. 93, 105–106]. The functionality of the special procedures system is not only aspect of the HRC that has been challenged. The HRC, despite its outstanding achievements, and the innovative techniques it has introduced, also faces with significant challenges in relation to its general activity. To paraphrase Nico Schrijver, these challenges first of all reflect the difficulty – and necessity – of maintaining a balance between values such as international human rights – national sovereignty; a universal human rights bo-dy – a representative body; individual experts – country representatives; and finally robust criticisms –co-operative approach [27, P. 809, 823].

According to Patrizia Scannella and Peter Splinter, the HRC is inherently political on the grounds that it consists of governments. They also assert that the HRC "has inherited from the [CHR] a working environment haunted by sirens of short-term political advantage and low levels of trust." [26, P. 41, 72]. The authors further note that "[t]here are some signs of true willingness to improve the working environment, but much more effort is necessary if the [HRC] is to work under conditions favourable to success in its institution-building." [26, P. 41, 72]. They also affirm that [i]f cooperation in the promotion and protection of human rights is to get the better of narrow short-term political self-interests, it will be important that the [HRC] develops methods of work, procedures and institutional mechanisms, such as a robust [UPR] mechanism and a strengthened system of special procedures, that encourage that cooperation [26, P. 41, 72].

Dealing with country situations will be one of the most notable challenges faced by the HRC, as the vast majority of the seat holders are reluctant to address such issues. Thus in order to examine human rights violations in specific countries, there must be mutual consent between certain coalitions in the HRC [26, P. 41, 72]. It is important to note that "this will require that methods and means are devised to ensure that country situations can be addressed in ways that do not easily lend themselves to credible allegations of selectivity and political instrumentalisation by the countries concerned." [26, P. 41, 72].

It is also interesting to note that among other challenges, two practical measures are highlighted: first, the limited seating area allocated for NGOs, a in order that they may actively participate in HRC meetings; and second, the failure to widely disseminate updates and information about HRC activity via radio broadcast to ensure a broader awareness among countries with poor internet infrastructure and/or access [26, P. 66, 68].

It should be mentioned that while the achievements of the HRC and the improvements to the human rights situations in various fields are noted, its success in addressing the shortcomings of its institutional predecessor remains under question. This question puts pressure on the members of the HRC to build up a strong portfolio of work that consolidates the HRC and bestows upon it a reputation of a strong and reliable organization that compares favourably with the CHR, meeting the expectations of all victims of human rights violations. Perhaps the main goals in this direction should be the implementation of decisions and maintaining quality rather than quantity with regard to activity. [26, P. 69–71].

It should also be taken into consideration that, as Jeroen Gutter rightly observes, "human rights still is politics and the implementation of human rights is not a politically neutral process that can be approached in an entirely legalistic, bureaucratic and scientific (rational) manner." He also appeals to the need "to be pragmatic and above all to be patient in [the] endeavours to implement the [...] reform[s ...]." [17, P. 93, 107].

Conclusion

The current article attempts to provide a critical evaluation of the work of the CHR and HRC. To that end, and in the light of the leading legal scholarship in the field, the particular features, achievements and challenges of both bodies have been discussed and analysed individually. Additionally, the second section of the paper presented a comparative analysis, drawing out the key changes brought by the HRC and its new dimensions.

The first section covered the historical evolution of the CHR, as well as its fundamental achievements, standard setting activity and special procedures system, along with the challenges it faced. This section also sought to provide a clear picture of the situation with regard to the replacement of this body with the HRC. The second section of the article provides a general assessment of the specific characteristics of the newly established body – the HRC. In particular, its innovative features, standard setting activity and special procedures, as well as the UPR mechanism, were outlined, concluding with a discussion of the particular challenges it faces.

To conclude the observations undertaken above, the following statements are deemed to be the crucial findings:

– taking into consideration the political situation, namely the continuing discord among different states and/or state groups, the CHR functioned successfully and managed to create a strong and practical international human rights framework;

– although some member states attempted to use the CHR as a tool with which to achieve their own political objectives across various fields, the CHR was able to successfully circumvent this (at least to some extent) and protect, promote and advance human rights across the whole world;

– the heavy criticism of the CHR as well as the political endeavours to distort its activity, which were manifested in more serious forms in early 2000s, ultimately led to its abolition and the subsequent creation of the HRC;

– the HRC – a new body accorded a higher status and enhanced functions provides an important opportunity to redress the shortcomings of the CHR as well as to build upon its positive practices and historical achievements;

– during the short period of its activity to date, the HRC has demonstrated its ability to meet expectations – with regard to its standard setting and special procedures duties, inherited from the CHR, the HRC has successfully developed the UPR as a mechanism through which to protect and promote human rights; the UPR has opened new horizons for NGOs and national human rights institutions in terms of institutional participation;

– the HRC also faces challenges, some of which are the product of the political interests of individual states, as HRC members are government representatives. However, it is presumed that the HRC can overcome this problem with the support of NGOs and national human rights institutions;

– although there were and still are attempts to use the human rights body as a tool for political purposes, in other words to make it biased, neither the CHR's nor HRC's standard setting and/or monitoring activity should be underestimated or criticised for being biased, as the yields of the activities outlined above still protect human rights to a decent level.

References

1. A/HRC/RES/5/2 (18.06.2007).
2. A/HRC/RES/8/2 (18/06/2008).
3. Alston Philip, 'Reconceiving the UN Human Rights Regime: challenges confronting the new UN Human Rights Council' [2006] 7 Melbourne Journal of International Law.
4. Alston Philip, 'The Commission on Human Rights', in Philip Alston (eds), The United Nations and Human Rights: a critical appraisal (Oxford: Clarendon, 1992).
5. Boyle Kevin, 'The United Nations Human Rights Council: politics, power and human rights' [2009] 60(2) Northern Ireland Legal Quarterly.
6. Callejon Claire, 'Developments at the Human Rights Council in 2007: A Reflection of its Ambivalence' [2008] 8 Human Rights Law Review.
7. Council Res. 1/1, 29 June 2006, A/61/53 at 3.
8. Dominguez Redondo Elvira, 'The Universal Periodic Review of the UN Human Rights Council: An Assessment of the First Session' [2008] 7(3) Chinese Journal of International Law.
9. ECOSOC Res. 1979/6.
10. ECOSOC Res. E/RES/5 (I) of 16 February 1946.
11. ECOSOC Res. E/RES/9 (II) of 21 June 1946.
12. Flinterman Cees and Baehr Peter, 'Three Cheers for the New Human Rights Council?' [2005] 23 Netherlands Quarterly of Human Rights.
13. Freedman Rosa, 'Improvement on the Commission? The UN Human Rights Council's Inaction on Darfur' [2009] 16(1) University of California, Davis Journal of International Law and Policy 81.

14. Ghanea Nazila, 'From UN Commission on Human Rights to UN Human Rights Council: one step forwards or two steps sideways?' [2006] 55(3) International and Comparative Law Quarterly.

15. Gibney Mark, Wood Reed, 'Prospects for the New UN Human Rights Council' [2007–2008] 4 International Studies Journal 1, 2.

16. Gutter Jeroen, Thematic Procedures of the United Nations Commission on Human Rights and International Law: In Search of a Sense of Community (Antwerp: Intersentia, 2006).

17. Gutter Jeroen, 'Special procedures and the Human Rights Council: achievements and challenges ahead' [2007] 7(1) Human Rights Law Review.

18. Hannum Hurst, Reforming the special procedures and mechanisms of the Commission on Human Rights' [2007] 7(1) Human Rights Law Review.

19. Harris David, Cases and materials on international law (7th edn, Sweet & Maxwell 2010).

20. Mukherjee Amrita, Torture and the United Nations: charter and treaty-based monitoring (London: Cameron May, 2008).

21. Nader Lucia, 'The role of NGOs in the UN Human Rights Council' [2007] 7 SUR – International Journal on Human Rights 7.

22. Rahmani-Ocora Ladan, 'Giving the Emperor Real Clothes: The UN Human Rights Council', [2006] 12 Global Governance;

23. Rehman Javaid, International Human Rights law (2nd edn, Longman 2010).

24. Report of the High-Level Panel on Threats, Challenges and Change, chaired by Anand Panyarachun, 'A more Secure World: Our Shared Responsibility', UN Doc. A/59/565 (2004), para. 283.

25. Report of the Secretary-General of the United Nations, 'In Larger Freedom: Development, Security and Human Rights for All', UN Doc. A/59/2005 (2005), para. 182.

26. Scannella Patrizia and Splinter Peter, 'The United Nations Human Rights Council: a promise to be fulfilled' [2007] 7(1) Human Rights Law Review.

27. Schrijver Nico, 'The UN Human Rights Council: A New 'Society of the Committed' or Just Old Wine in New Bottles?'[2007] 20 Leiden Journal of International Law.

28. Sir Nigel Rodley, 'United Nations Human Rights Treaty Bodies and Special Procedures of the Commission on Human Rights – Complementarity or Competition?' [2003] 25 Human Rights Quarterly.

29. Steiner Henry, Alston Philip and Goodman Ryan, International Human Rights in Context: law, politics, morals: text and materials (3rd edn, OUP 2008).

30. UN Doc. A/810 at 71 (1948).

31. UN Doc. A/RES/60/251 (2006).

32. Upton Helen, 'The Human Rights Council: First Impressions and Future Challenges' [2007] 7 Human Rights Law Review.

33. Van Boven Theo, 'The United Nations High Commissioner for Human Rights: The History of a Contested Project' [2007] 20 Leiden Journal of International Law.

34. Weissbrodt David, Fredrikson and Byron, 'Reform of the UN Commission on Human Rights' [2004] 22/4 Netherlands Quarterly of Human Rights.

Уважаемые коллеги!

Представляем вашему вниманию научную сеть «Современное право»

Научная сеть «Современное право» создается с целью обмена информацией по всем отраслям права и обсуждения актуальных проблем юридической науки. К участию в проекте приглашаются вузы, юридические компании, адвокатские объединения, средства массовой информации и т. д. Надеемся, что возможность общения online с целью пополнения своих знаний привлечет молодых юристов, делающих первые шаги в науке. Проектом предусмотрены возможности создания клубов, персональных блогов, а также размещение авторских статей, обзоров конференций и семинаров.

Адрес сети: ***www.nauka-pravo.com***

Разрабатывается англоязычная версия научной сети «Современное право».

the independent international scientific network of lawyers

"Modern Law"

Маликов М.Ф.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОГО ПРИГОВОРА

***Цель**: Выработка теоретических положений, позволяющих участникам уголовного процесса осуществить ретроспективный анализ текста и эффективности судебного решения по уголовному делу.*

***Методология**: Автором применялись формально-юридический метод и метод теоретического моделирования.*

***Результаты**: Автором делается вывод о том, что показателями процессуальной эффективности приговора являются: своевременное его вынесение; отражение в нем точной социально-правовой квалификации действий виновного; объективное изложение в приговоре всех обстоятельств уголовного дела; законность разрешенного гражданского иска; точное определение вида исправительного учреждения лицам, осужденным к лишению свободы; законное сочетание приговора и частного определения суда; объективное соединение и выделение уголовных дел; правильное определение порядка исполнения приговора; точное определение оснований оправдания невиновного. К способам определения эффективности реализации приговора автором отнесены: анализ превентивной деятельности органов, участвующих в исполнении наказания; изучение статистических данных о своевременности исполнения судебных приговоров; принятие законных мер к субъектам, уклоняющимся от осуществления решений, содержащихся в приговорах судов; замена определенного вида наказания другими в случае невозможности его исполнения; разрешение вопросов, связанных с приведением приговора в исполнение.*

***Новизна/оригинальность/ценность**: Статья обладает высокой научной ценностью, так как содержит обладающие новизной авторские обобщения и выводы, которые могут быть использованы в правоприменительной практике при осуществлении анализа приговора по уголовному делу.*

***Ключевые слова**: приговор, анализ приговора, эффективность приговора.*

Malikov M.F.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE ADJUDICATION

***Purpose**: Elaboration of the theoretical provisions allowing participants of criminal procedure to carry out the retrospective analysis of text and efficiency of the adjudication on criminal case.*

***Methodology**: The author applied a formal-legal method and a method of theoretical modeling.*

***Results**: The author draws a conclusion that indicators of procedural efficiency of a sentence are: its timely removal; reflection in it exact social and legal qualification of actions of the guilty; objective statement in a sentence of all circumstances of criminal case; legality of the allowed civil suit; exact definition of a type of correctional facility to the persons condemned to imprisonment; lawful combination of adjudication and private definition of court; objective connection and allocation of criminal cases; correct definition of an order of execution of adjudication; exact definition of bases of a justification innocent. To ways of determination of efficiency of realization of a adjudication by the author are carried: the analysis of preventive activity of the bodies participating performed by punishment; studying of statistical data on timeliness of execution of adjudications; acceptance of lawful measures to the subjects evading from implementation of decisions, vessels containing in adjudications; replacement of a certain type of punishment with others in case of impossibility of its execution; permission of the questions connected with enforcement of the sentence.*

***Novelty/originality/value**: Article possesses the high scientific value as contains author's generalizations possessing novelty and conclusions which can be used in law-enforcement practice at implementation of the analysis of adjudication on criminal case.*

***Keywords**: adjudication, adjudication analysis, efficiency of adjudication.*

Судебные приговоры, являясь одним из звеньев в механизме правового воздействия, исходят из права, потому и обладают ценностными свойствами, присущими праву.

Исследование судебного приговора как решения позволяет выявить функции предварительного следствия и суда и уяснить значение приговора в реализации уголовной ответственности. Такой подход обусловливает ценность приговора с точки зрения его уголовно-правовой эффективности.

Исследование приговора как правоприменительного акта выявляет формы и способы реализации уголовно-правового отношения, определяет характерные судебные (следственные) ошибки правоприменения, представляет связи приговора и его действенности с точки зрения восстановительной эффективности [6].

Исследование приговора как средства разрешения предъявленного обвинения позволяет анализировать предмет судебного разбирательства по самым различным категориям уголовных дел, разрешаемых судами отдельных регионов страны. Такой подход раскрывает уголовно-процессуальную эффективность приговора, так как приговор суда является единым актом, разрешающим вопросы акта и права, гражданские иски и определение наказания.

Исследование приговора как процессуального документа выявляет воспитательную и предупредительную эффективность приговора с учетом последствия реабилитации, судимости, изъятия орудия преступления и др. Такой подход позволяет определить значение приговора среди других документов при его исполнении, рассмотрении других уголовных и гражданских дел, а также при социологическом исследовании эффективности деятельности правосудия.

Высказанные положения свидетельствуют о необходимости оценки эффективности приговора по конечному результату его действия (концепция «объективизации»), исходя из самостоятельной эффективности отдельных решений (например, возмещение ущерба, наказание, меры пресечения, вид ИУ, оправдание и т. п.), деятельности ИУ, трудовых коллективов, которые вовлечены в правовые отношения в силу приговора (например, условное наказание, отсрочка исполнения приговора и т. п.).

Отсюда необходимо различать:

1) что отражено в приговоре с учетом причинно-следственного явления в экономике и политике (ценность);

2) как отражены социально-правовые факторы, которые формируются целями правосудия (полезность);

3) какие решения суда приносят положительные результаты (эффективность).

Как ценность, так и полезность приговора способствуют формированию потребности и привычки соблюдать закон (правовое воспитание), созданию системы личностных ориентаций (нравственное воспитание), развитию общественной активности осужденных и других граждан (обеспечение дисциплины и самодисциплины трудящихся). Показателями процессуальной эффективности приговора являются: 1) своевременное его вынесение; 2) отражение в нем точной социально-правовой квалификации действий виновного; 3) объективное изложение в приговоре всех обстоятельств уголовного дела; 4) законность разрешенного гражданского иска; 5) точное определение видов исправительного учреждения лицам, осужденным к лишению свободы; 6) законное сочетание приговора и частного определения суда; 7) объективное соединение и выделение уголовных дел; 8) правильное определение порядка исполнения приговора; 9) точное определение оснований оправдания невиновного.

Как показывает практика, рецидивная преступность не всегда является показателем неэффективности приговора, так как после его исполнения осужденные вновь совершают преступления по не зависящим от них причинам (семейная неустроенность, нетрудоустроенность и др.).

Психологическим стержнем формирования нравственных мотивов поведения ранее судимых можно считать устойчивость их личности, которая представляет собой «способность человека сохранять и реализовывать в различных условиях личностные позиции, обладать определенным иммунитетом к воздействиям, противоречащим его личностным установкам, взглядам и убеждениям». Отсюда вывод: «мотивирующее» значение приговора связано с механизмом самооценки и самоконтроля своих поступков судимыми, а также с закреплением положительной способности приговора в отсеивании негативного поведения.

В связи с этим в дальнейшем изучении нуждается система социальных, правовых, идеологических, психологических факторов, обусловивших действенность судебных приговоров в повышении правового сознания граждан, неотвратимость юридической ответственности, восстановление материального ущерба, причиненного преступлением [3].

Подлинный гуманизм приговоров позволяет выявить основные закономерности взаимосвязи между конкретными решениями по уголовному делу и политикой в области правоприменения, рассмотреть пути и формы совершенствования структуры приговора, определить систему измерения эффективности приговора в условиях формирования правового государства, выработать рекомендации, направленные на законодательное совершенствование порядка постановления приговора с учетом достижения юридической науки, законодательства и практики применения научной системы оценок, позволяющих обоснованно осуществить назначение наказания и проверить эффективность принятых мер воздействия.

Полученные данные по итогам изучения эффективности судебных приговоров убедили автора в необходимости выделения степени антисоциального и нравственного отношения осужденных к окружающей действительности.

Вынесение правосудного приговора и реализация его эффективности являются самостоятельными этапами конкретного отношения. В стадии разрешения дела приговором суда (1-й этап) подтверждаются права и обязанности лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

При исполнении приговора (2-й этап) реализуются цели правовых предписаний и номинальная эффективность приговоров.

Реализация приговоров выражается в двух формах: 1) процессуальная (принудительная), 2) добровольная (при возмещении материального ущерба).

Способами определения эффективности реализации приговоров являются: а) анализ превентивной деятельности органов, участвующих в исполнении наказания; б) изучение статистических данных о своевременности исполнения судебных приговоров; в) принятие законных мер к субъектам, уклоняющимся от осуществления решений, содержащихся в приговорах судов; в) замена определенного вида наказания другими в случае невозможности его исполнения; д) разрешение вопросов, связанных с приведением приговора в исполнение. Таким образом, оценивая эффективность деятельности по реализации приговоров, следует различать процесс осуществления и способы достижения положительных результатов действия (воздействия) приговоров.

Спорным в литературе и затруднительным на практике являлось третье основание к оправданию в суде: недоказанность участия подсудимого в совершении преступления.

Прежняя формулировка закона «оправдание за недостаточностью улик для обвинения подсудимого» (ст. 326 п. 3«б» УПК РСФСР 1923 г.) давала повод суждениям, что недостаточность улик означает наличие каких-то улик, свидетельствующих против оправданного. В связи с этим предлагалось изменить редакцию «недостаточность улик» словами «не подтверждено совершение подсудимым приписанного ему преступления» или «не доказано обвинение». Другие авторы рекомендовали предусмотреть в законе «оправдание за невиновностью обвиняемого» или ввиду «несовершения подсудимым преступления».

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 г. данное основание к оправданию сформулировано как «не доказано участие подсудимого в совершении преступления». Такая формулировка исключает какое-либо сомнение в невиновности оправданного, последний признается реабилитированным полностью, как в юридическом, так и в моральном отношениях [5]. Однако некоторые авторы продолжают считать, что оправдание за недоказанностью совершения преступления полностью не реабилитирует подсудимого, оставляя на репутации последнего порочащее пятно. Прежнее уголовно-процессуальное законодательство не дало повода утверждать, что оправдательный приговор по третьему пункту статьи 309 УПК РСФСР представлял собой какую-то особую форму оправдания. Некоторые различия в последствиях оправдательного приговора, связанные с его основанием, есть лишь в отношении гражданского иска. Но при оправдании за недоказанностью участия подсудимого в совершении преступления оправданный находится в более благоприятном положении, чем при оправдании ввиду отсутствия в его действиях состава преступления, так как в первом случае суд отказывает в удовлетворении гражданского иска, во втором – оставляет его без рассмотрения. Более того, оправданный за отсутствием состава преступления не во всех случаях может рассчитывать на полную моральную реабилитацию. Этого не будет, если в действиях подсудимого содержатся признаки аморального проступка. А при оправдании за недоказанностью участия в совершении преступления оправданный освобождается от всякой ответственности без исключения [2].

В процессуальной литературе высказано мнение, что при полной доказанности непричастности подсудимого к совершенному преступлению оправдательный приговор должен был постановляться со ссылкой на ст. 309 п. 3 УПК РСФСР, но с формулировкой: «подсудимый не совершил преступления по обвинению, в котором он привлечен к ответственности». Однако такая формулировка представляется слишком широкой. Она охватывает самые различные варианты выявления в суде несостоятельности предъявленного подсудимому обвинения. Это ведет к смешению различных оснований оправдательного приговора.

Существовало мнение, что «оправдательный приговор по мотивам недостаточности улик для обвинения подсудимого суд выносит в тех случаях, когда установит, что деяние, приписываемое подсудимому, имело место, что в деянии имеется состав преступления, но нет доказательств того, что подсудимый виновен в совершении этого преступления».

Аналогичное мнение высказано Г. Чангули, полагающим, что в законе «говорится о недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления. Это позволяет сделать вывод, что одним из обязательных условий применения данного основания является бесспорное установление

события преступления». Развивая ту же точку зрения, Р.М. Оганесян утверждал, что в подобных случаях «суд, изложив в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, которые привели к выводу о недоказанности события преступления, должен в резолютивной части основания оправдания указывать не на недоказанность, а на неустановление события преступления» [4]. Такой подход к решению этого дискуссионного вопроса вряд ли может считаться правильным. Нельзя признать допустимым такое положение, при котором суд в описательной части приговора констатирует недоказанность самого преступного деяния и подробно обосновывает такой вывод, а в резолютивной части того же приговора указывает «не на недоказанность, а на неустановление» этого деяния [1]. Такая непоследовательность лишила бы судебный приговор логичности, сделала бы его внутренне противоречивым.

Пристатейный библиографический список

1. Маликов М.Ф. Концептуальные основы изучения судебного приговора. – Уфа: РИО БашГУ, 2003.
2. Маликов М.Ф. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань: КГУ, 1974.
3. Мартышкин В.Н. У российских судей не должно быть конвейерного производства: оптимизация нагрузки судей как средство правовой защиты участников судопроизводства и повышения качества правосудия // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1 (1). – С. 98–105.
4. Оганесян Р.М. Оправдание за недоказанностью участия подсудимого в совершении преступления // Проблемы государства и права на современном этапе. Труды аспирантов и молодых ученых. – Вып. 2. – М., 1970. – С. 230–242.
5. Решняк М.Г. Презумпция невиновности: понятие и сущность, социальная и юридическая природа возникновения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2010. – № 2 (17). – С. 54–61.
6. Семененко М. О мерах по совершенствованию участия прокурора в качестве государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей // Право и жизнь. – 2011. – № 155 (5). – С. 221–238.

References

1. Malikov M.F. Kontseptual#nye osnovy izucheniya sudebnogo prigovora. – Ufa: RIO BashGU, 2003.
2. Malikov M.F. Opravdatel#nyy prigovor v sovetskom ugolovnom protsesse: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – Kazan#: KGU, 1974.
3. Martyshkin V.N. U rossiyskikh sudey ne dolzhno byt# konveyernogo proizvodstva: optimizatsiya nagruzki sudey kak sredstvo pravovoy zaschity uchastnikov sudoproizvodstva i povysheniya kachestva pravosudiya // Evraziyskaya advokatura. – 2012. – № 1 (1). – S. 98–105.
4. Oganesyan R.M. Opravdanie za nedokazannost#yu uchastiya podsudimogo v sovershenii prestupleniya // Problemy gosudarstva i prava na sovremennom etape. Trudy aspirantov i molodykh uchenykh. – Vyp. 2. – M., 1970. – S. 230–242.
5. Reshnyak M.G. Prezumptsiya nevinovnosti: ponyatie i suschnost#, sotsial#naya i yuridicheskaya priroda vozniknoveniya // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. – 2010. – № 2 (17). – S. 54–61.
6. Semenenko M. O merakh po sovershenstvovaniyu uchastiya prokurora v kachestve gosudarstvennogo obvinitelya v sude s uchastiem prisyazhnykh zasedateley // Pravo i zhizn#. – 2011. – № 155 (5). – S. 221–238.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация:

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-903-31-257-90

Анцупова Т.А.

ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В СОВЕТЕ ЕВРОПЫ

Цель*: Систематизация принципов судебного процесса в Совете Европы.*

Методология*: Автором использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.*

Результаты*: Среди основных положений судебного процесса в Совете Европы, относящихся к принципам судопроизводства, выделены принципы процессуального равенства сторон; состязательности; принцип «audi alteram partem» («выслушай и другую сторону»); принцип «stare decisis» («вопрос, решенный судом окончательно, не подлежит новому рассмотрению тем же судом или судом параллельной юрисдикции»); формальной диспозитивности; равного доступа к правосудию; срочности полномочий судей; ограничения срока для обращения с жалобой; публичности устных слушаний; тайности совещаний судей; независимости и беспристрастности суда; осуществления правосудия только судом. Применительно к деятельности ЕСПЧ автором выделены следующие группы принципов: принципы толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод (автономность, эволюционный принцип, эффективность, принцип сферы применения, пропорциональность, субсидиарность) и иные принципы, применяемые при обосновании решений Европейского Суда по правам (принцип «de minimis non curat praetor», принцип общеевропейского консенсуса, принцип свободы усмотрения).*

Новизна/оригинальность/ценность*: Статья имеет высокую научную ценность, поскольку содержит авторские обобщения и выводы, важные для понимания системы и содержания принципов судебного процесса в Европейском суде по правам человека и Административном трибунале Совета Европы.*

Ключевые слова*: международное процессуальное право, международный судебный процесс, судебный процесс в Совете Европы, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд по правам человека, Административный трибунал Совета Европы.*

Antsupova T.A.

THE GENERAL AND SPECIAL PRINCIPLES OF LAWSUIT IN THE COUNCIL OF EUROPE

Purpose*: Systematization of the principles of lawsuit in the Council of Europe.*

Methodology*: Author used formal-legal and comparative legal methods.*

Results*: Among the principles of lawsuit in the Council of Europe, relating to the principles of legal proceedings, the principles of procedural equality of the parties are allocated; competitivenesses; the principle of «Audi alteram partem» («listen also to other party»); the principle of «stare decisis» («the issue resolved by court finally, is not subject to new trial by the same court or court of parallel jurisdiction»); formal dispositions; equal access to justice; urgency of powers of judges; term restrictions for the address with the complaint; publicity of oral hearings; secret of meetings of judges; independence and impartiality of court; justice implementation only court. In relation to ECHR activity by the author the following groups of the principles are allocated: the principles of interpretation of the Convention on human rights protection and fundamental freedoms (autonomy, the evolutionary principle, efficiency, the principle of scope of application, proportionality, subsidiarity) and other principles applied at justification of decisions of ECHR (the principle of «de minimis non curat praetor», the principle of the all-European consensus, the principle of freedom of a discretion).*

Novelty/originality/value*: Article has the high scientific value as contains author's generalizations and conclusions, important systems for understanding and the content of the principles of lawsuit in the European Court of Human Rights and Administrative tribunal of the Council of Europe.*

Keywords*: the international procedural law, the international lawsuit, lawsuit in the Council of Europe, the Convention on human rights protection and fundamental freedoms, European Court of Human Rights, Administrative tribunal of the Council of Europe.*

В доктрине Украины и России отсутствует единая концепция принципов международного юридического процесса (МЮП). В науке принципы МЮП часто отождествляются с принципами международного судопроизводства. Несмотря на то, что доктринальная разработка принципов МЮП была начата в конце XIX столетия [8], все еще не сформировалась единая позиция относительно принципов, основополагающих идейных начал международного процессуального права и международного судебного процесса, а также их взаимосвязи. В науке имеется несколько подходов к содержанию понятий «международное процессуальное право», «международный правовой (юридический) процесс», «международный судебный процесс», «международное

правосудие», «международное судопроизводство» [4, 10].

Из всех видов правового процесса в Совете Европы наиболее разработанным является судебный процесс [5, 6]. Не следует отождествлять понятия «процессуальное право Совета Европы» и «судебный процесс в Совете Европы». Последний является одним из видов правореализационного процесса, а система его принципов – это совокупность общих принципов права, основных принципов МП и специальных принципов судебного процесса. В праве Совета Европы особое значение имеют принципы демократии, верховенства права и защиты прав человека. Они распространяют свое действие в равной степени на материальную и процессуальную части права Совета Европы.

В организационном механизме Совета Европы действуют два судебных института, Административный трибунал (АТ) Совета Европы и ЕСПЧ. Несмотря на то, что их правовая природа и компетенция различны, можно проследить некоторые взаимосвязи, в частности, ряд принципов судопроизводства является общим для этих двух судебных институтов.

Среди специальных принципов судебного процесса в Совете Европы, прежде всего, следует выделить группу принципов судопроизводства. К принципам судопроизводства, которые в равной степени распространяют свое действие на деятельность АТ Совета Европы и ЕСПЧ, можно отнести принципы: процессуального равенства сторон; состязательности; audi alteram partem (выслушай и другую сторону); stare decisis (вопрос, решенный судом окончательно, не подлежит новому рассмотрению тем же судом или судом параллельной юрисдикции); формальной диспозитивности; равного доступа к правосудию; срочности полномочий судей; ограничения срока для обращения с жалобой; публичности устных слушаний; тайности совещаний судей; независимости и беспристрастности суда; осуществления правосудия только судом и некоторые другие.

Следует выделить ряд принципов судебного процесса, которые сложились или были существенно усовершенствованы (адаптированы) благодаря практике ЕСПЧ. К таким можно отнести:

1. Принципы толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В числе основных принципов толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод М. де Сальвиа [7] выделяет:

– принцип автономности. Согласно данному принципу, гарантированные права и свободы необходимо понимать в самостоятельном значении, они возникают из содержания Конвенции о защите прав человека и основных свобод, их нельзя просто выводить из национального права. Поскольку задачей Страсбургского суда является разработка общего права, нельзя ставить применимость положений Конвенции 1950 г. в зависимость от юридических определений, которые даются этому положению в различных национальных правовых системах государств-сторон. Данный принцип нашел свое первое применение в толковании понятия «Права и обязанности гражданского характера», о которых говорится в п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

– эволюционный принцип. Основное значение этого принципа в том, что Конвенция – «это живой инструмент, который необходимо толковать в свете условий современной жизни» и «в свете понятий, господствующих в наши дни в демократических государствах». Элемент динамики является существенной характеристикой европейской системы защиты прав человека, и Суд при толковании норм должен учесть эволюцию идей и мнений в различных европейских обществах. Между тем, существует предел действия данного принципа. Это касается тех норм Конвенции, содержание которых было четко определено государствами в момент принятия текста Конвенции;

– принцип эффективности. Согласно этому принципу, положения Конвенции необходимо толковать и применять так, чтобы сделать их конкретными и эффективными;

– принцип сферы применения. Согласно данному принципу, государства пользуются определенными дискреционными полномочиями при ограничении осуществления прав и свобод, и эти ограничения должны быть необходимыми в демократическом обществе и вызванными важной социальной потребностью. Сфера применимости может быть более или менее обширной в зависимости от природы права, которое подвергается ограничению, и целей, которые это ограничение преследует;

– принцип пропорциональности. Суть данного принципа заключается в том, что ограничения, накладываемые на отдельного человека в общих интересах, должны быть соответствующими (пропорциональными) необходимости их наложить. Необходимо также соблюдать определенную пропорцию («разумное соотношение») между принятыми мерами (а также применяемыми средствами) и целями, которые эти меры преследуют;

– принцип субсидиарности. Согласно этому принципу, правозащитный механизм Конвенции – Суд – имеет дополнительный (субсидиарный) характер. Перед европейской системой защиты прав человека не ставится цель подменить национальные системы защиты прав человека. За национальной властью признается свобода в выборе мер, которые она считает необходимыми для того, чтобы гарантировать права и свободы, предусмотренные Конвенцией. Суд не может игнорировать основные черты и процедуры национальной правовой системы. В очередной раз первостепенная важность этого принципа отмечена в ст. 1 Протокола № 15 к Конвенции, положения которой со вступлением в юридическую силу Протокола № 15 инкорпорируются в текст Преамбулы Конвенции.

2. Иные принципы, применяемые при обосновании решений Европейского Суда по правам человека. Основными в этой группе принципов представляются:

– принцип de minimis non curat praetor. Сравнительно недавно введенные правила процедуры Европейского суда по правам человека, направленные на устранение и предотвращение системных нарушений прав человека и основных свобод, свидетельствуют о воплощении принципа de minimis non curat praetor. Среди таких процедур необходимо выделить: процедуру пилотных решений (Правило 61 Регламента Суда), порядок приоритетного рассмотрения дел (Правило 41), введение временных (обеспечительных) мер (Правило 39), а также новый критерий приемлемости жалобы – «заявитель не понес существенного вреда» (согласно ст. 12 Протокола № 14, который внес изменения в п. 3 ст. 35 Конвенции).

Все эти процедуры были введены в процессе реализации глобальной реформы Суда, начало которой было положено Дополнительным протоколом № 11 к Конвенции, нашедшей свое продолжение в положениях Интерлакенской (2010 г.), Измирской (2011 г.) и Брайтонской (2012 г.) деклараций и соответствующих планах действий, которые содержат ряд конкретных идей по устранению и предотвращению системных нарушений прав человека в контексте Конвенции.

До 1 июня 2010 года понятие «de minimis» формально отсутствовало в тексте Конвенции о защите прав человека и основных свобод, однако оно не раз упоминалось в особых мнениях членов Европейской Комиссии по правам человека, например Eyoum-Priso v. France (решение о приемлемости), HFK-F. v. Germany (решение о приемлемости), Lechesne v. France (решение о приемлемости), и судей Суда, например, Dudgeon v. U. K., O'Halloran и Francis v. U. K. (Большая Палата), Micallef v. Malta (Большая палата), а также в возражениях, поданных в Суд государствами-ответчиками, например, в деле Koumoutsea and others v. Greece [9].

Со вступлением 1 июня 2010 г. в силу Протокола № 14 новый критерий приемлемости пополнил список критериев, предусмотренных ст. 35 Конвенции. В соответствии со ст. 20 Протокола № 14 новая норма применяется ко всем заявлениям, которые находятся на рассмотрении Суда, за исключением тех, которые были признаны Судом приемлемыми до вступления Протокола в силу. По состоянию на 31 марта 2011 г. Суд применил новый критерий в девяти решениях о приемлемости: Ionescu v. Romania, § 28–41; Korolev v. Russia; Vasilchenko v. Russia, § 49–51; Rinck v. France; Holub v. the Czech Republic; Bratri Zátkové, AS v. the Czech Republic; Gaftoniuc v. Romania; Matoušek v. the Czech Republic, и Cavajda v. the Czech Republic. Кроме того, в двух решениях по сути Суд отклонил возражения государства-ответчика о неприемлемости, основанные на новом критерии в делах Gaglione and others v. Italy, § 14–19, и Sancho Cruz и 14 других делах об аграрной реформе против Португалии, § 22–36 [9].

Введение этого нового критерия было признано необходимым ввиду постоянно растущей загруженности Суда. Этот критерий выступает в качестве дополнительного средства, которое могло бы позволить Суду сконцентрироваться на делах, требующих рассмотрения по существу. Иначе говоря, он должен дать Суду возможность отклонять дела, признанные «незначительными», посредством применения принципа «de minimis non curat praetor»;

– принцип общеевропейского консенсуса часто находит свое применение в практике Европейского суда по правам человека.

Так, например, 18 марта 2011 года Большая Палата Суда объявила ожидаемое многими решение по делу Лаутси против Италии (Lautsi and others v. Italy, № 30814/06) [2], известному как дело о крестах в школах Италии. 9 ноября 2009 года ЕСПЧ принял решение в пользу г. Лаутси и признал нарушение ее права на образование в сочетании с нарушением права на свободу совести.

Однако такая позиция Суда вызвала большой резонанс в политических кругах и среди христианского сообщества по всей Европе. В итоге к обращению правительства Италии, направленному в Большую Палату ЕСПЧ, присоединились 9 неправительственных организаций и 79 членов

Европарламента и политических партий. Данный вопрос в январе 2010 г. также поднимался во время сессии ПАСЕ.

Пересматривая это решение, Большая палата Суда постановила, что вопрос о религиозных символах в школах входит в пределы усмотрения государства. Было отмечено, что среди государств Европы нет консенсуса по этому вопросу; поэтому каждое правительство может действовать по своему усмотрению, если решения в этой сфере не приобретают формы навязчивого обучения религии (катехизации).

Принципы консенсуса являлись основополагающими и при принятии решения по громкому делу A, B, and C v. Ireland [1], рассмотренному 16 декабря 2010 г.

Принцип «общеевропейского консенсуса» в практике Страсбургского суда напрямую связан с принципом «свободы судейского усмотрения». При наличии общеевропейского консенсуса по вопросу спора сужается возможность для свободы усмотрения судей Страсбургского суда. И наоборот, при отсутствии консенсуса в европейском обществе возможностей для применения принципа свободы усмотрения больше;

– принцип свободы усмотрения (the margin of appreciation) в рамках правозащитного механизма Конвенция–Суд может рассматриваться в национально-правовом и международно-правовом контексте. В национальном контексте термин «свобода усмотрения» относится к пространству для маневра, который органы Совета Европы готовы предоставить национальным органам власти в выполнении их обязательств в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Истоки формирования этого принципа можно найти в юриспруденции не только Государственного Совета Франции, который использовал термин «marge d'appréciation». Сложные доктрины административного усмотрения были разработаны в Германии, но немецкая теория административного усмотрения (ermessensspielraum) значительно уже, чем свобода усмотрения, используемая в рамках правозащитного механизма Конвенции [3].

Принципы судебного процесса в Совете Европы следует отличать от концепций (доктрин), сложившихся в основном в правореализационной практике государств СЕ. В качестве примера можно привести концепцию «позитивных обязательств государства».

Принципы, используемые при обосновании решений Страсбургского суда, необходимо отличать от видов его компетенции: ratione temporis, ratione loci, ratione personae, ratione materiae. Указанные правила одновременно выступают и в роли критериев приемлемости жалоб, направляемых в Суд.

Пристатейный библиографический список

1. Case of A, B and C v. Ireland (Grand Chamber), (Application no. 25579/05), Judgment, 16 December 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-102332#{«itemid»:[«001-102332»].
2. Case of Lautsi and others v. Italy (Grand Chamber), (Application no. 30814/06), Judgment, 18 March 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-104040#{«itemid»:[«001-104040»].
3. Cristinel Ioan Murzea. The theories of interpreting the European Convention of Human Rights – as shown in the case law of the European Court Of Human Rights // The Juridical Current. 2013. Volume 52, issue March. – P. 56.
4. Бирюков П.Н. Международное право: Учебник для бакалавров. – 6-е изд. – М.: Юрайт, 2013. – С. 112.
5. Галоганов А.П. Право на обращение в Европейский суд по правам человека в системе реализации конституционного права человека на квалифицированную юридическую помощь // Образование и право. – 2011. – № 6. – С. 117–129.
6. Галоганов А.П. Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь при составлении жалобы в Европейский суд по правам человека // Образование и право. – 2013. – № 3 (43). – С. 75–84.
7. Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. – СПб., 2004. – С. 68–73.
8. Камаровский Л.А. О международном суде. – М.: Типография Т. Малинского, 1881.
9. Практическое руководство по критериям приемлемости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Admissibility_guide_RUS.pdf.
10. Федоров И.В. Международное процессуальное право // Международное право / Отв. ред.: Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – 5-е изд. – М.: Норма, 2009. – Гл. 25.

References

1. Case of A, B and C v. Ireland (Grand Chamber), (Application no. 25579/05), Judgment, 16 December 2010 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-102332#{«itemid»:[«001-102332»].
2. Case of Lautsi and others v. Italy (Grand Chamber), (Application no. 30814/06), Judgment, 18 March 2011 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-104040#{«itemid»:[«001-104040»].
3. Cristinel Ioan Murzea. The theories of interpreting the European Convention of Human Rights – as shown in the case law of the European Court Of Human Rights // The Juridical Current. 2013. Volume 52, issue March. – R. 56.

4. Biryukov P.N. Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik dlya bakalavrov. – 6-e izd. – M.: Yurayt, 2013. – S. 112.

5. Galoganov A.P. Pravo na obraschenie v Evropeyskiy sud po pravam cheloveka v sisteme realizatsii konstitutsionnogo prava cheloveka na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomosch# // Obrazovanie i pravo. – 2011. – № 6. – S. 117–129.

6. Galoganov A.P. Realizatsiya konstitutsionnogo prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomosch# pri sostavlenii zhaloby v Evropeyskiy sud po pravam cheloveka // Obrazovanie i pravo. – 2013. – № 3 (43). – S. 75–84.

7. De Sal#via M. Evropeyskaya konventsiya po pravam cheloveka. – SPb., 2004. – S. 68–73.

8. Kamarovskiy L.A. O mezhdunarodnom sude. – M.: Tipografiya T. Malinskogo, 1881.

9. Prakticheskoe rukovodstvo po kriteriyam priemlemosti [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Admissibility_guide_RUS.pdf.

10. Fedorov I.V. Mezhdunarodnoe protsessual#noe pravo // Mezhdunarodnoe pravo / Otv. red.: G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov. – 5-e izd. – M.: Norma, 2009. – Gl. 25.

«Новая адвокатская газета» – корпоративное издание нового типа, появление которого обусловлено коренными переменами, произошедшими в адвокатском сообществе России после принятия Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Являясь органом Федеральной палаты адвокатов РФ, издание не преследует цель выступать в роли указующего или направляющего перста, представляя интересы той или иной части корпорации или группы лиц, а позиционирует себя как выразитель интересов всей российской адвокатуры. Принципиальное значение при этом имеет закрепленная Законом организация адвокатского сообщества, основанная на обязательном членстве каждого адвоката в адвокатской палате субъекта Федерации, являющейся в свою очередь членом ФПА РФ. Рассматривая в качестве высших ценностей адвокатского сообщества заложенные в Законе принципы независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов, газета оценивает события государственной и общественной жизни и действия тех или иных лиц с точки зрения соответствия данным принципам. Выступая органом корпорации юристов-профессионалов, газета рассматривает профессионализм как главное качество адвоката и уделяет первостепенное внимание проблемам учебы и практического опыта коллег в различных отраслях права.

Основными направлениями издания являются:

– оперативное информирование о деятельности и решениях ФПА;

– освещение взаимоотношений адвокатуры с государственными и общественными институтами;

– освещение корпоративной жизни адвокатских палат;

– рассказ о созданных адвокатами прецедентах в национальной и международной судебной практике, публикация наиболее интересных решений судов;

– ответы на вопросы, волнующие адвокатов и адвокатские образования;

– взаимодействие с информационными изданиями адвокатских палат;

– поддержка общественно значимых инициатив адвокатов и адвокатских образований;

– информирование о наиболее важных событиях из жизни иностранной адвокатуры, о сотрудничестве российских и зарубежных адвокатских образований и адвокатов.

Адрес редакции: 119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
Тел.: (495) 787-28-35 Тел./факс: (495) 787-28-36
E-mail: advgazeta@mail.ru, press@advpalata.com

Воробьев М.В.

О ПРИМЕНЕНИИ В РОССИИ КНИЖЕК МДП ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕРЕВОЗОК

Цель*: Рассмотрение проблемных вопросов, связанных с применением книжек МДП для оформления таможенного транзита.*

Методология*: Автором использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.*

Результаты*: Автором отмечено, что отсутствие гарантийного объединения на территории государства – участника Конвенции МДП не является нарушением Конвенции, при этом возможность определения гарантийного объединения и порядок такого определения устанавливаются государством-участником самостоятельно. Также сделан вывод о том, что государству не запрещено отказывать действующему гарантийному объединению в дальнейшей выдаче книжек МДП, а процедура МДП не применяется на территории тех государств, где отсутствуют гарантийные объединения, уполномоченные на выдачу книжек МДП, несмотря на действие самой Конвенции на территории этих государств. В работе обосновывается перечень действий таможенных органов, которые можно оценивать как нарушающие нормы международного права. К ним относятся: отказ в принятии книжки МДП в случае начала процедуры таможенного транзита с применением книжки МДП в таможенном органе РФ; отказ в принятии книжки МДП для таможенного транзита при ввозе товаров на территорию России через территории Беларуси и Казахстана, если применялось таможенное сопровождение или определение маршрута перевозки; отказ в принятии книжек МДП для таможенного транзита при ввозе товаров на территорию РФ через территорию государств, не входящих в ТС. На основе этих положений в работе формулируются имеющие практическую ценность рекомендации для международных перевозчиков, использующих книжки МДП.*

Новизна/оригинальность/ценность*: Статья обладает высокой научной ценностью, так как является одним из первых научных трудов, содержащих рекомендации международным перевозчикам по применению книжек МДП в случае нарушения ФТС России норм Конвенции МДП, и обладает высокой практической ценностью для специалистов, осуществляющих юридическое сопровождение международных перевозок.*

Ключевые слова*: Конвенция МДП, таможенный транзит, обеспечение уплаты таможенных платежей.*

Vorobjev M.V.

ABOUT APPLICATION OF TIR CARNETS IN RUSSIA FOR INTERNATIONAL TRANSPORT

Purpose*: Consideration of the problem questions connected with application of TIR carnets for registration of customs transit.*

Methodology*: The author used formal-legal method and comparative and legal methods.*

Results*: By the author it is noted that lack of guarantee association in the state territory – the participant TIR Convention is not Convention violation, thus possibility of definition of guarantee association and an order of such definition are established by the participating state independently. The conclusion that to the state is not forbidden to refuse to operating guarantee association further issue of TIR carnets is also drawn, and the TIR procedure is not applied in the territory of those states where there are no the guarantee associations authorized on issue of TIR carnets, despite action of the Convention in the territory of these states. The list of actions of customs authorities which can be estimated as breaking norms of international law locates in work. Them treat: refusal in adoption of the TIR carnets in case of the beginning of procedure of customs transit with application of the TIR carnets in customs authority of the Russian Federation; refusal in adoption of the TIR carnets for customs transit when importing goods to the territory of Russia through territories of Belarus and Kazakhstan if customs escort or definition of a route of transportation was applied; refusal in adoption of TIR carnets for customs transit when importing goods to the territory of the Russian Federation through the territory of the states which are not entering the Customs Union. On the basis of these provisions in work recommendations having practical value for the international carriers using TIR carnets are formulated.*

Novelty/originality/value*: Article possesses the high scientific value as is one of the first scientific works containing recommendations to the international carriers on application of TIR carnets in case of violation of Federal Custom Service of Russia of standards of the TIR Convention, and possesses high practical value for the experts who are carrying out legal maintenance of international transport.*

Keywords*: TIR convention, customs transit, providing customs payment.*

В настоящее время в сфере международных автомобильных перевозок сложилась непростая ситуация относительно соблюдения российскими властями Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки международных дорожных перевозок (МДП) 1975 года (далее – Конвенция МДП) [9].

В 2013 году Федеральная таможенная служба РФ издала три письма (№ 01-11/28474 от 04.07.2013, № 01-11/45617 от 14.10.2013, № 01-11/45603 от 14.10.2013). По мнению Ассоциации международных автомобильных перевозчиков (АСМАП), письма нарушают положения Конвенции МДП. Исполнительный совет МДП придерживается сходной точки зрения [5]. Руководитель департамента МДП Международного союза автомобильного транспорта (МСАТ) М. Ретельски заявил: «Данное решение, принятое Федеральной таможенной службой в одностороннем порядке и намеченное вступить в силу с 14 августа, не соответствует ни духу, ни тексту Конвенции МДП (особенно ее статьям 4, 11, 23, 42бис и 48), ни другим правовым нормам» [2]. В свою очередь, МСАТ при отказе принимать книжки МДП в качестве гарантии при осуществлении таможенного транзита рекомендует перевозчикам обжаловать действия ФТС в суд [3].

ФТС отказывается применять нормы Конвенции МДП, ссылаясь на нормы Таможенного кодекса Таможенного союза (ТК ТС), регламентирующие процедуру таможенного транзита и меры обеспечения соблюдения таможенного транзита (ст. 217), поясняя, что гарантийное обеспечение, предоставляемое АСМАП, не соответствует действующему таможенному законодательству.

На первый взгляд, может показаться, что имеется коллизия норм международного права [6]. Но это не так. Таможенный кодекс Таможенного союза (ч. 2 ст. 217) не требует предоставлять обеспечение уплаты таможенных платежей, если это установлено международными договорами, а именно это и предусматривает статья 4 Конвенции МДП. Таким образом, нет никакой коллизии, нормы ТК ТС допускают возможность применения Конвенции МДП. Можно лишь говорить о применении обеспечения уплаты таможенных платежей, предусмотренных ТК ТС, если Конвенция МДП по какой-либо причине не будет применяться. Такое возможно, например, в случае денонсации Конвенции МДП (ст. 54 Конвенции); однако Российская Федерация не заявляла о намерении денонсировать Конвенцию МДП.

Возможен еще один способ правомерного неприменения норм Конвенции МДП на территории государства-участника. В п. 1 ст. 6 Конвенции МДП говорится о возможности договаривающейся стороны предоставлять некоторым объединениям право выдавать книжки МДП и предоставлять гарантии самостоятельно или через корреспондентов. Для реализации этого права государство должно установить гарантии и условия их предоставления. Пункт 2 этой статьи регламентирует условия признания определенного государством гарантийного объединения другими договаривающимися сторонами. Таким образом, применять процедуру на своей территории государство имеет право. Необходимо отметить, что Конвенция МДП не предусматривает порядка определения национального гарантийного объединения и последствий неосуществления такого определения. При этом далеко не все государства, подписавшие Конвенцию МДП, фактически применяют процедуру транзита с применением книжек МДП на своей территории, так как гарантийные объединения ими не определены. По данным МСАТ, на территории 10 государств из числа присоединившихся к Конвенции МДП не могут осуществляться перевозки с применением книжек МДП в связи с отсутствием признанных гарантийных объединений. Конвенция также ничего не говорит о возможном отзыве разрешения на выдачу книжек МДП, основаниях и порядке его осуществления и о последствиях таких действий.

Таким образом, можно утверждать следующее:

1. Отсутствие гарантийного объединения на территории государства – участника Конвенции МДП не является ее нарушением.

2. Возможность определения гарантийного объединения и порядок такого определения устанавливаются государством-участником самостоятельно.

3. Государству не запрещено отказывать действующему гарантийному объединению в дальнейшей выдаче книжек МДП.

4. Процедура МДП не применяется на территории тех государств, где отсутствуют гарантийные объединения, уполномоченные на выдачу книжек МДП, несмотря на действие самой Конвенции на территории этих государств.

Следовательно, для полноценного применения Конвенции МДП на территории РФ требуется издание уполномоченным органом имплементационного акта [6]. В нем, в числе прочего, нужно определить гарантийное объединение, уполномоченное выдавать книжки МДП на территории РФ и выступать гарантом в рамках процедуры МДП перед российскими таможенными органами. В РФ есть «Положение о порядке

применения Таможенной конвекции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП» (утверждено приказом ГТК РФ от 18 мая 2004 года № 206). Этот документ определяет, что гарантийным объединением в Российской Федерации является Ассоциация международных автомобильных перевозчиков. Положение должно применяться в части, не противоречащей таможенному праву ТС. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что пункт 4.1 этого акта, определяющий АСМАП в качестве гарантийного объединения, не противоречит действующему законодательству и может применяться и сегодня. Иными словами, в установленном порядке АСМАП вправе выдавать книжки МДП на территории России и отвечать по ним в качестве гаранта. Таким образом, можно говорить о том, что на сегодняшний день процедура МДП должна применяться на всей территории России, поскольку для этого были предприняты все необходимые действия, и правила ТС этого не запрещают.

Однако на практике ФТС РФ постепенно отказывается от принятия книжек МДП и настаивает на применении процедуры таможенного транзита в соответствии с ТК ТС [1]. Мотивами указанных действий являются: во-первых, увеличившееся количество случаев нарушения процедуры МДП, при которых невозможно взыскать с гарантийного объединения и с держателя книжки МДП неуплаченные таможенные платежи; во-вторых, несоответствие действующему праву обеспечения уплаты таможенных платежей в форме договора страхования, который применяется АСМАП для удовлетворения претензий ФТС РФ. Однако указанные обстоятельства не влияют на правовую оценку действий ФТС РФ, ее подразделений и должностных лиц. Для взыскания неуплаченных таможенных платежей, в том числе принудительного, у ФТС есть разные возможности, в том числе возможность обратиться в суд в установленном порядке. Что касается применения договора страхования, то между ФТС РФ и АСМАП заключено соглашение, которое не содержит положений, относящихся к возможному отказу в принятии книжек МДП.

Необходимо заметить, что сам факт определения гарантийного объединения в приказе ГТК РФ означает, что должна применяться гарантия в соответствии с Конвенцией МДП. Между тем, в Конвенции не предусмотрено, в какой форме гарантийное объединение должно осуществлять перестрахование своих рисков [7, 8]. Более того, сам факт расторжения соглашения между ФТС и АСМАП не может стать основанием для отказа в применении книжек МДП, так как ответственное лицо определяется не соглашением, а нормативным актом.

На основании изложенного можно сделать вывод о противоречии актов ФТС нормам Конвенции МДП [6]. Представляется, что такое противоречие является следствием неумелого применения доступных способов регулирования. Конвенция МДП не запрещает государствам отказывать в разрешении на выдачу книжек МДП тем гарантийным объединениям, которые ранее получили такое разрешение. Иными словами, ФТС необходимо издать соответствующий акт на основании статьи 6 Конвенции МДП, в котором будет закреплено, что на территории России нет уполномоченных на выдачу книжек МДП гарантийных объединений. В этом случае формально никакая организация не будет нести ответственность за вновь выданные книжки МДП. Следовательно, процедура МДП объективно не сможет применяться до тех пор, пока ФТС РФ не определит новое уполномоченное гарантийное объединение.

Однако ФТС РФ такой акт не издает и не вносит изменения в действующий акт, определяющий АСМАП в качестве уполномоченного гарантийного объединения. В сложившейся ситуации АСМАП может продолжать выдавать перевозчикам книжки МДП, зная, что ФТС их отказывается принимать в качестве обеспечения таможенного транзита. При этом позиция ФТС никак не влияет на вопрос признания АСМАП в качестве члена международной гарантийной сети МСАТ. Следовательно, выданные АСМАП книжки МДП должны приниматься во всех остальных государствах, применяющих на своей территории процедуру МДП (во всяком случае, до издания каких-либо актов о запрете).

Возникает вопрос: как после полного запрета на принятие книжек МДП российскими таможенными органами будет выглядеть ситуация с применением книжек МДП для таможенного транзита? В соответствии с письмом ФТС РФ от № 01-11/45603 от 14 октября 2013 года таможенным органам предписано:

1. В российском таможенном органе отправления начинать процедуру таможенного транзита только при предоставлении обеспечения уплаты таможенных платежей либо организации таможенного сопровождения.

2. В российском таможенном органе назначения процедура таможенного транзита с применением книжки МДП завершается в установленном порядке, если товары были ввезены на таможенную

территорию таможенного союза через Беларусь или Казахстан.

3. В случаях, когда товары, ввезенные через Беларусь или Казахстан, покидают пределы территории ТС через таможенный орган России, должны быть выполнены все необходимые формальности для продолжения перевозки с применением книжки МДП.

4. Завершение процедуры таможенного транзита с применением книжки МДП предусмотрено для товаров, ввозимых через территорию Беларуси и Казахстана, если для обеспечения таможенного транзита дополнительно применялось таможенное сопровождение или определение маршрута перевозки.

Таким образом, можно выделить три вида действий таможенных органов, которые можно оценивать как нарушающие нормы международного права:

1. Отказ в принятии книжки МДП в случае начала процедуры таможенного транзита с применением книжки МДП в таможенном органе РФ.

2. Отказ в принятии книжки МДП для таможенного транзита при ввозе товаров на территорию России через территории Беларуси и Казахстана, если применялось таможенное сопровождение или определение маршрута перевозки.

3. Отказ в принятии книжек МДП для таможенного транзита при ввозе товаров на территорию РФ через территорию государств, не входящих в ТС.

Действующее законодательство предусматривает возможность обжалования незаконных действий государственных органов и должностных лиц в суд. Вместе с тем, целесообразность её применения в данном случае можно поставить под сомнение. В соответствии со статьей 152 АПК РФ суд должен рассмотреть дело в течение трех месяцев, а максимальный срок действия книжки МДП составляет 60 дней и продлению не подлежит. В связи с этим при обжаловании может получиться ситуация, когда будет вынесено решение суда в пользу заявителя, но таможенные органы откажут в принятии книжки МДП к оформлению в связи с истечением срока. В остальных случаях, когда перевозка в рамках процедуры МДП уже начата, такое обжалование кажется еще менее целесообразным.

Отказываясь принимать книжки МДП, таможенные органы и не делают в них никаких отметок, за исключением завершения процедуры МДП. Это означает, что, не завершив процедуру МДП до ввоза на территорию России товаров с территории государств, не входящих с ТС, и не завершив ее в таможенных органах в установленном порядке при ввозе с территории Беларуси и Казахстана, перевозчик уже не сможет завершить ее должным образом и, соответственно, вынужден это делать. Однако завершение процедуры МДП в установленном порядке исключает незаконные действия таможенных органов России, что не позволят их обжаловать. А невозможность завершения в перспективе процедуры МДП должным образом может повлечь более неблагоприятные последствия, чем исполнение требований таможенных органов России о применении дополнительных мер обеспечения таможенного транзита.

Кроме того, попытка взыскания вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов на основании статьи 1069 ГК РФ, с большой долей вероятности не приведет к желаемому результату, поскольку далеко не весь реальный ущерб и упущенная выгода находятся в причинно-следственной связи с отказом в принятии книжки МДП таможенными органами.

В то же время надо отметить, что снизить негативные последствия для международных перевозчиков, применяющих процедуру МДП, от сложившейся ситуации можно, предприняв следующие действия:

1. Чтобы исключить отказ в принятии книжки МДП в российском таможенном органе отправления, можно осуществлять начало транзитной операции на территории Беларуси или Казахстана, так как на территории этих государств, по информации АСМАП, продолжает применяться процедура МДП без каких-либо дополнительных требований [4]. «Товары Таможенного союза» из России в Беларусь и Казахстан будут перевозиться в рамках Единой таможенной территории. В соответствии с п. 37 ч. 1 ст. 4 ТК ТС к товарам таможенного союза относятся находящиеся на таможенной территории ТС товары: полностью произведенные на территориях государств – членов таможенного союза; ввезенные на таможенную территорию таможенного союза и приобретшие статус товаров таможенного союза в соответствии с ТК ТС и (или) международными договорами государств – членов таможенного союза; изготовленные на территориях государств – членов таможенного союза из вышеуказанных товаров и приобретшие статус товаров таможенного союза в соответствии с таможенным кодексом таможенного союза и (или) международными договорами государств – членов таможенного союза.

2. Осуществлять по возможности ввоз товаров на территорию России через территорию Беларуси

или Казахстана. При этом нужно оценить экономическую целесообразность такого изменения маршрута перевозки и предусмотреть, что сумма обеспечиваемых таможенных платежей не превысит на 500 евро лимит гарантии по книжке МДП. Это позволит исключить применение таможенного сопровождения и, соответственно, завершение процедуры МДП на границе. Покидать территорию России в этом случае товары будут также с соблюдением процедуры МДП, что позволяет осуществлять их транзит через территорию ТС в третьи страны по одной книжке МДП.

3. Осуществляя перевозку с применением книжки МДП до границы с Россией, далее завершать процедуру в установленном порядке. После этого необходимо обратиться с заявлением в выдавшее книжку гарантийное объединение, приложив к нему оригинал книжки МДП, копию CMR-накладной и документы, подтверждающие применение мер обеспечения таможенного транзита.

Таким образом, можно говорить о том, что Федеральная таможенная служба России, не допуская применения книжек МДП для оформления процедуры таможенного транзита, нарушает нормы Конвенции МДП. Такое нарушение является следствием неумелого применения доступных способов регулирования. Ограничить применение книжек МДП на территории России возможно, и не нарушая норм Конвенции МДП. Судебная защита нарушенных прав представляется в этом случае неэффективной из-за особенностей применения фактической реализации мер, предусмотренных ФТС России, непосредственно таможенными органами. Наличие международных договоров, регламентирующих создание ТС, а также уже указанное неумелое применение доступных способов регулирования ФТС РФ породило неоднозначную ситуацию, когда книжки МДП, несмотря на установленные ограничения, могут быть выданы и применяться для международных перевозок по территории России.

Пристатейный библиографический список

1. http://www.asmap.ru/home.php?id=21226.
2. http://www.asmap.ru/home.php?id=21230&PHPSESSID=7do4qd8gmuaotc3dfcls6qjc77.
3. http://www.asmap.ru/home.php?id=21687.
4. http://www.asmap.ru/home.php?id=22110.
5. http://www.iru-eapd.org/ru_view_media_press?code=1174%20&lang=ru.
6. Бирюков П.Н. Международное право: Учебник. – 6-е изд. – М.: Юрайт, 2013.
7. Кирильченко А.В. Таможенное оформление и таможенный контроль международных автомобильных перевозок // Транспортное дело в России. – 2006. – № 12 (1). – С. 76–78.
8. Музылев А.К. Актуальные проблемы международного таможенного сотрудничества при создании универсальной системы транзита товаров // Аграрное и земельное право. – 2008. – № 2. – С. 134–146.
9. Сборник международных договоров СССР. – М., 1984. – Вып. 43. – С. 266–281.

References

1. http://www.asmap.ru/home.php?id=21226.
2. http://www.asmap.ru/home.php?id=21230&PHPSESSID=7do4qd8gmuaotc3dfcls6qjc77.
3. http://www.asmap.ru/home.php?id=21687.
4. http://www.asmap.ru/home.php?id=22110.
5. http://www.iru-eapd.org/ru_view_media_press?code=1174%20&lang=ru.
6. Biryukov P.N. Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik. – 6-e izd. – M.: Yurayt, 2013.
7. Kiril#chenko A.V. Tamozhennoe oformlenie i tamozhennyy kontrol# mezhdunarodnykh avtomobil#nykh perevozok // Transportnoe delo v Rossii. – 2006. – № 12 (1). – S. 76–78.
8. Muzylev A.K. Aktual#nye problemy mezhdunarodnogo tamozhennogo sotrudnichestva pri sozdanii universal#noy sistemy tranzita tovarov // Agrarnoe i zemel#noe pravo. – 2008. – № 2. – S. 134–146.
9. Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR. – M., 1984. – Vyp. 43. – S. 266–281.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-903-31-257-90

Величко Д.С.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Цель*: Анализ правовых основ регулирования дипломатической деятельности в Украине и Российской Федерации.*

Методология*: Автором использовались формально-юридический и сравнительно-правовой методы.*

Результаты*: В статье сделан вывод о том, что с развитием современных средств связи и транспорта слабеет роль постоянных дипломатических представительств в сфере высшей политики. В то же самое время интенсификация межгосударственных связей обуславливает возрастание значения дипломатических связей для обеспечения национальных интересов государств в различных сферах общественной жизни. Автором отмечено, что впервые принципы правового регулирования дипломатической деятельности на международном уровне были закреплены в 1961 году с принятием Венской конвенции о праве международных договоров. В рамках национальных правовых систем Украины и Российской Федерации были приняты целые комплексы нормативно-правовых актов, призванные регулировать дипломатическую деятельность. Основные принципы организации всей внешней политики и, соответственно, деятельности дипломатических органов как в Украине, так и в России закреплены в проанализированных в статье законах этих государств.*

Новизна/оригинальность/ценность*: Статья имеет определенную научную ценность, поскольку содержит авторские обобщения, позволяющие уяснить структуру внутригосударственного законодательства России и Украины в сфере регулирования дипломатической деятельности и выявить основные принципы ее организации.*

Ключевые слова*: дипломатия, постоянные дипломатические представительства, конституционально-правовой механизм реализации внешней политики государства.*

Velichko D.S.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF ACTIVITY OF DIPLOMATIC SERVICE

Purpose*: The analysis of legal bases of regulation of diplomatic activity in Ukraine and the Russian Federation.*

Methodology*: The author used formal-legal and comparative legal methods.*

Results*: In article the conclusion is drawn on that, with development of modern means of communication and transport the role of permanent diplomatic representations in the sphere of the highest policy weakens. At the same time the intensification of interstate communications causes increase of value of diplomatic communications for ensuring national interests of the states in various spheres of public life. It is noted that for the first time the principles of legal regulation of diplomatic activity at the international level were consolidated in 1961 with adoption of the Vienna convention on the right of international treaties. Within national legal systems of Ukraine and the Russian Federation the whole complexes of the normative legal acts, urged to regulate diplomatic activity were accepted. The basic principles of the organization of all foreign policy and, respectively, activity of diplomatic bodies both in Ukraine, and in Russia are enshrined in the laws of these states analyzed in work.*

Novelty/originality/value*: Article has a certain scientific value as contains the author's generalizations, allowing to understand structure of the domestic legislation of Russia and Ukraine in the sphere of regulation of diplomatic activity and to reveal the basic principles of its organization.*

Keywords*: diplomacy, permanent diplomatic representations, constitutional legal mechanism of realization of foreign policy of the state.*

Современные темпы развития технологий ведут к значительному усилению взаимозависимости государств; линии, которые разделяют государства, становятся более размытыми и нечеткими. Уже сегодня можно утверждать, что международная система постепенно превращается в единый целостный, комплексный организм и перестает быть совокупностью разрозненных субъектов. А. Вотсон провел такую аналогию: международная система, которая еще недавно напоминала солнечную систему с большим количеством отдаленных друг от друга планет – государств, постепенно превращается в единый космический корабль под названием Земля [1, P. 12].

Интеграционные процессы содействуют тому, что современная международная система переходит от «диалога» между государствами к управлению межгосударственными связями. Ярким примером такой тенденции может быть создание нового для международного сообщества явления –

Европейского Союза. В то же самое время достаточно маловероятной представляется возможность создания сообщества государств, подчиненных единой надгосударственной организации, в ближайшем будущем.

В современном мире происходит все большая координация и взаимопроникновение международного и конституционного права. Этому способствует, в частности, то, что границы, некогда довольно четко отделявшие внутреннюю политику и конституционное право от внешней политики и международного права, наталкиваются на глобальные процессы и проблемы современности. В результате интенсификации международных отношений жизнь государств и даже индивидов становится неотъемлемой от международной жизни [3].

В этом контексте большое значение приобретает реформирование конституционных механизмов осуществления внешней политики государств. Помимо верховных органов государственной власти, таких как глава государства, правительство и парламент, основную роль в реализации внешней политики играет дипломатический корпус. Именно дипломатическая служба во многом предопределяет успешность решения внешнеполитических задач, стоящих перед государством [2].

Понятия «дипломатия» и «дипломат» достаточно часто используются для обозначения посольств и их профессионального персонала, а также иногда для обозначения персонала зарубежных представительств и министерств иностранных дел и противопоставляются главам правительств и министрам иностранных дел, которые фактически определяют дипломатический диалог и все чаще осуществляют его самостоятельно. Эти понятия приобрели такое значение, поскольку еще почти век назад условия передвижения и связи не давали возможности главам государств и правительств часто посещать международные конференции. Таким образом, дипломатический диалог между европейскими государствами в значительной степени осуществлялся через постоянные дипломатические представительства, а также специальные миссии «чрезвычайных посланников».

Сегодня основная функция постоянных дипломатических представительств, а именно переговоры по вопросам высшей политики, значительно уменьшилась. Современные технологии транспорта и связи (Интернет, телефонная связь, воздушный транспорт) позволяют тем, кто принимает решения, находиться в прямом и длительном контакте друг с другом [1, P. 236].

Однако с развитием технологий возрастает и количество сфер, касательно которых государствам необходимо согласовывать свои национальные политики, потому говорить о завершении эры дипломатии и постоянных дипломатических представительств не приходится. В то же время следует признать, что функции постоянных дипломатических представительств существенно меняются.

Современные международно-правовые и национальные конституционно-правовые механизмы регулирования деятельности дипломатических представительств нуждаются в критической научно-правовой оценке. Основным источником международно-правового регулирования дипломатической деятельности уже на протяжении более полувека остается Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года, в то же время массив нормативно-правовых актов, призванных устанавливать правовые режимы деятельности дипломатов отдельных государств, необъятен. Учитывая это, в нашем исследовании мы рассмотрим национальные законы Российской Федерации и Украины.

В соответствии со статьей 2 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года «установление дипломатических отношений между государствами и учреждение постоянных дипломатических представительств осуществляются по взаимному согласию». Статья 3 закрепила перечень функций, которые возлагаются на постоянные дипломатические представительства, а именно:

a) представительство аккредитующего государства в государстве пребывания;

b) защита в государстве пребывания интересов аккредитующего государства и его граждан в пределах, допускаемых международным правом;

c) ведение переговоров с правительством государства пребывания;

d) выяснение всеми законными средствами условий и событий в государстве пребывания и сообщение о них правительству аккредитующего государства;

e) поощрение дружественных отношений между аккредитующим государством и государством пребывания и развитие их взаимоотношений в области экономики, культуры и науки.

Правовые основы и порядок организации деятельности дипломатической службы в Украине урегулированы положениями Закона Украины «О дипломатической службе».

В соответствии со статьей 1 указанного закона дипломатическая служба Украины (далее – дипломатическая служба) – это профессиональная

деятельность граждан Украины, направленная на практическую реализацию внешней политики Украины, защиту национальных интересов Украины в сфере международных отношений, а также прав и интересов граждан и юридических лиц Украины за рубежом.

Основу правового регулирования деятельности дипломатических учреждений в Украине составляют прежде Конституция Украины, Закон Украины «О дипломатической службе», Закон Украины «О государственной службе», Консульский устав Украины, другие нормативно-правовые акты, а также действующие международные договоры, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины.

Основными принципами дипломатической службы являются: служение украинскому народу; отстаивание национальных интересов Украины; приоритет прав и свобод человека и гражданина; демократизм и законность; гуманизм и справедливость; профессионализм, компетентность, инициативность, объективность, честность, преданность делу; персональная ответственность за выполнение служебных обязанностей и соблюдение дисциплины.

Дипломатическая служба в Украине создана и функционирует для выполнения таких задач:

– обеспечение национальных интересов и безопасности Украины путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества на основе общепризнанных принципов и норм международного права;

– проведение внешнеполитического курса Украины, направленного на развитие политических, экономических, гуманитарных, научных, других связей с другими государствами, международными организациями;

– защита прав и интересов граждан и юридических лиц Украины за рубежом;

– содействие обеспечению стабильности международного положения Украины, повышению ее международного авторитета, распространению в мире образа Украины как надежного и предсказуемого партнера;

– обеспечение дипломатическими средствами и методами защиты суверенитета, безопасности, территориальной целостности и нерушимости границ Украины, ее политических, торгово-экономических и других интересов;

– координация деятельности других органов исполнительной власти по обеспечению проведения единого внешнеполитического курса Украины;

– изучение политического и экономического положения в мире, внешней и внутренней политики иностранных государств, деятельности международных организаций;

– обеспечение органов государственной власти Украины информацией, необходимой для осуществления эффективной внешней и внутренней политики;

– осуществление других задач в соответствии с законодательством Украины.

С целью выполнения поставленных перед дипломатической службой Украины задач она должна выполнять следующие функции:

– обеспечение поддержания дипломатических отношений с другими государствами, представительство Украины в международных организациях и специальных миссиях;

– защита национальных интересов Украины, ее граждан и юридических лиц в сфере международных отношений;

– обеспечение единства внешнеполитического курса государства;

– использование преимуществ международного общения для содействия внутреннему развитию Украины, укреплению ее национальной безопасности и позиций в мире;

– осуществление внешнеполитической деятельности государства;

– организация проведения переговоров и подготовка заключения международных договоров Украины;

– подготовка совместно с другими центральными органами исполнительной власти предложений по заключению, исполнению, прекращению действия международных договоров и внесение их в установленном порядке на рассмотрение Президента Украины и Кабинета министров Украины;

– внесение в установленном порядке на рассмотрение Президента Украины, Верховной Рады Украины и Кабинета министров Украины предложений и рекомендаций по вопросам отношений Украины с другими государствами и международными организациями;

– подготовка предложений по совершенствованию законодательства Украины в области международных отношений;

– осуществление функций дипломатического протокола в сфере обеспечения внешних сношений с другими государствами, международными организациями;

– обеспечение функционирования единой государственной системы регистрации, учета и хранения международных договоров Украины;

– осуществление функций депозитария международных договоров, заключенных Украиной;

– содействие деятельности иностранных дипломатических представительств и консульских учреждений, представительств международных организаций в Украине, а также осуществление контроля за соблюдением дипломатических и консульских привилегий и иммунитетов;

– содействие взаимодействию органов законодательной, исполнительной и судебной власти в части осуществления ими внешних отношений и соблюдения международных обязательств Украины;

– осуществление информационного обеспечения Президента Украины, Верховной Рады Украины, Кабинета министров Украины по вопросам внешнеполитической деятельности;

– распространение информации об Украине за рубежом;

– обеспечение развития связей с зарубежными украинскими представительствами и их общественными организациями, координация мероприятий, осуществляемых органами исполнительной власти в этой сфере.

В Российской Федерации правовое регулирование функционирования дипломатической службы прежде всего осуществляется на основании таких нормативно-правовых актов: Конституция Российской Федерации, Федеральный Закон «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации», Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. в соответствии с частью третьей статьи 80 Конституции Российской Федерации

В соответствии со статьей 1 Федерального Закона «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» понятие дипломатической службы определяется как профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации на должностях федеральной государственной гражданской службы в центральном аппарате Министерства иностранных дел Российской Федерации, дипломатических представительствах и консульских учреждениях Российской Федерации, представительствах Российской Федерации при международных организациях, территориальных органахпредставительствах Министерства иностранных дел Российской Федерации на территории Российской Федерации, связанная с обеспечением исполнения полномочий Российской Федерации в сфере международных отношений.

Министерство иностранных дел Российской Федерации является головным органом в системе федеральных органов исполнительной власти в области отношений с иностранными государствами и международными организациями.

Согласно пункту 2 Положения о Министерстве иностранных дел основными задачами МИДа России являются:

1) разработка общей стратегии внешней политики Российской Федерации и представление соответствующих предложений Президенту Российской Федерации;

2) реализация внешнеполитического курса Российской Федерации в соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации;

3) обеспечение дипломатических и консульских отношений Российской Федерации с иностранными государствами, сношений с международными организациями;

4) обеспечение дипломатическими и международно-правовыми средствами защиты суверенитета, безопасности, территориальной целостности Российской Федерации, других ее интересов на международной арене;

5) защита дипломатическими и международно-правовыми средствами прав, свобод и интересов граждан и юридических лиц Российской Федерации за рубежом;

6) содействие взаимодействию органов исполнительной власти с органами законодательной и судебной власти на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации в целях обеспечения участия этих органов, их должностных лиц в международной деятельности, соблюдения принципа единства внешней политики Российской Федерации и реализации ее международных прав и обязательств;

7) координация международной деятельности других федеральных органов исполнительной власти и международных связей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в целях проведения единой политической линии Российской Федерации в отношениях с

иностранными государствами и международными организациями и реализации международных прав и обязательств Российской Федерации;

8) содействие развитию связей и контактов с соотечественниками, проживающими за рубежом.

Подводя итоги, следует отметить:

1. Значение дипломатии в современном мире нисколько не уменьшилось, хотя роль ее постепенно меняется. С развитием современных средств связи и транспорта слабеет роль постоянных дипломатических представительств в сфере высшей политики. В то же время интенсификация межгосударственных связей как на публичном, так и на частном уровне обуславливает возрастание значения дипломатических связей для обеспечения национальных интересов государств в различных сферах общественной жизни.

2. Впервые принципы правового регулирования дипломатической деятельности на международном уровне были закреплены в 1961 году с принятием Венской конвенции о праве международных договоров. В рамках национальных правовых систем Украины и Российской Федерации были приняты целые комплексы нормативно-правовых актов, призванные регулировать дипломатическую деятельность. Основные принципы организации всей внешней политики и, соответственно, деятельности дипломатических органов, как в Украине, так и в России, закреплены в Основных законах этих государств.

Пристатейный библиографический список

1. Watson A. Diplomacy: the Dialog Between States. – Routledge, 1982.
2. Денисов А.В., Кулешов И.В. Место дипломатической службы в системе государственной службы РФ // Вопросы управления. – 2009. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2009/04/04.
3. Машин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – М.: Юстицинформ, 2010. – С. 10.

References

1. Watson A. Diplomacy: the Dialog Between States. – Routledge, 1982.
2. Denisov A.V., Kuleshov I.V. Mesto diplomaticheskoy sluzhby v sisteme gosudarstvennoy sluzhby RF // Voprosy upravleniya. – 2009. – № 9 [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2009/04/04.
3. Mashin A.A. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. – M.: Yustitsinform, 2010. – C. 10.

Московская городская коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов»

Moscow city Bar Collegium's «Moscow Guild of lawyer and legal advisers»

осуществляет квалифицированную юридическую помощь по следующим направлениям:

– правовое обслуживание бизнеса (представление интересов предпринимателей в арбитражных судах всех инстанций; защита чести, достоинства и деловой репутации; защита права собственности, владения; арендные отношения с федеральными и муниципальными органами власти; претензионное производство; досудебное урегулирование споров на этапе переговоров; правовое сопровождение антикризисных процедур);

– уголовное право, ведение уголовных дел различной категории, защита на предварительном расследовании и в суде (более 100 успешно проведенных дел: прекращение на стадии расследования, условное осуждение, мировые соглашения), защита прав потерпевших от преступлений; условно-досрочное освобождение (неоднократно добивались положительных результатов);

– гражданское право (бракоразводные процессы, раздел имущества, определение порядка общения с ребенком; признание права собственности на квартиру, долю в квартире, выселение; споры с ТСЖ; споры со страховыми компаниями (ОСАГО, КАСКО).

Вы можете обратиться к нам по адресу:
Юридический адрес: 115404, Россия, г. Москва, ул. Бирюлевская, д. 5, корп. 2, оф. 402.
Адрес для корреспонденции: 121601, г. Москва, Филевский бул., д. 37, оф. 88.
Телефоны: +7(926) 189-50-90, +7(903) 125-28-55
Веб-сайт коллегии: www.mos-guild.com

ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ АСТРАТОВОЙ СТАНИСЛАВЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ПО ТЕМЕ «КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 12.00.02 – «КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО» (ЕКАТЕРИНБУРГ, 2013)

RESPONSE ON THE ABSTRACT OF THE THESIS OF ASTRATOVA STANISLAVA VLADIMIROVNA ON THE SUBJECT «CONSTITUTIONAL LAW ON JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE PERSON AND THE CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION» PRESENTED ON COMPETITION OF THE SCIENTIFIC DEGREE OF THE CANDIDATE OF JURISPRUDENCE IN THE SPECIALTY 12.00.02 – «THE CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL TRIAL; MUNICIPAL RIGHT» (EKATERINBURG, 2013)

Актуальность и значимость проведённого С.В. Астратовой диссертационного исследования обусловлена не только тем, что 12 декабря 2013 года исполнилось 20 лет Конституции РФ, в которой предусмотрено, в том числе, и конституционное право на судебную защиту (ст. 46), но и тем, что судебная защита является действенным, эффективным и характерным для любого демократического правового государства элементом государственной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Чем эффективнее реализуется конституционное право на судебную защиту, тем более защищён человек и гражданин в государстве.

Но такое бывает не всегда, поскольку всё ещё встречаются проблемы как на законодательном, так и правоприменительном уровне, не дающие человеку и гражданину реализовать своё конституционное право на судебную защиту в полном объёме.

И это несмотря на то, что ни законодательство, ни правоприменительная практика в сфере конституционного права на судебную защиту не стоят на месте, а постоянно совершенствуются на основе достижений различных наук и, прежде всего, науки конституционного права.

Данная наука также должна постоянно совершенствовать свои достижения в области конституционного права на судебную защиту с тем, чтобы не только отвечать реалиям жизни, но и опережать их, предлагая свои решения насущных проблем правового феномена конституционного права на судебную защиту человека и гражданина в Российской Федерации.

Именно этому и посвящена данная работа.

Актуальность и значимость тематики исследования диссертанта в определённой степени подтверждается и тем, что в декабре 2013 года на защиту вышли три, в том числе и рецензируемая, кандидатских работы по специальности 12.00.02, каждая из которых имеет право на существование, поскольку затрагивает под тем или иным углом зрения конституционное право на судебную защиту как проблему сложную, многоплановую и постоянно требующую своего решения.

Вот эти работы:

Астратова С.В. Конституционное право на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Автореф. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 23 с. (защита 19 декабря 2013 г.);

Мусаева Анна Гамет кызы. Судопроизводство в разумный срок как гарантия конституционного права граждан на судебную защиту: Автореф. … канд. юрид. наук. – М., 2013. – 24 с. (защита 19 декабря 2013 г.);

Аль-Мухамед Гани Зкаер Атия. Конституционное право на судебную защиту и гарантии эффективной реализации в России и Республике Ирак: Автореф. … канд. юрид. наук. – М., 2013. – 24 с. (защита 25 декабря 2013 г.).

На основании всего изложенного выше можно прийти к выводу, что исследование, посвящённое конституционному праву на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, актуально, значимо как для науки, так и практики.

Кроме того, работа отличается и определённой новизной в силу того, что представляет собой комплексное исследование теоретических и практических аспектов конституционного права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина с учетом истории развития его конституционно-правового регулирования и динамики развития в настоящее время.

К положительным моментам исследования следует отнести, в частности, то, что:

– даётся авторское определение конституционного права на судебную защиту (с. 7, 17–18);

– указывается, что право на судебную защиту возникает и у объединений (с. 8), и у коллективных образований (с. 16). Данный вывод диссертанта правомерен и следует из правовых позиций Конституционного Суда РФ. Так, в частности, в

п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» отражено, что «Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2). Одним из таких способов является судебная защита, которая согласно статье 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации гарантируется каждому. Право на судебную защиту, как следует из данной нормы во взаимосвязи со статьей 17 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и гражданина. Равным образом оно распространяется и на организации как объединения граждан, выступая одновременно в силу статьи 18 Конституции Российской Федерации гарантией всех других принадлежащих им прав и свобод» [1];

– аргументируется необходимость совершенствования законодательства с целью установления эффективности гарантий конституционного права на судебную защиту (с. 9);

– анализируются точки зрения на содержание конституционного права на судебную защиту, и делается вывод, что можно «охарактеризовать конституционное право на судебную защиту в целом как право на: обращение в суд; восстановление нарушенных и оспариваемых прав, свобод, законных интересов; рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом; быть выслушанным в суде; справедливое, публичное и компетентное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом с соблюдением принципов состязательности и равноправия сторон; рассмотрение дела в разумный срок; на обжалование судебного акта в вышестоящую судебную инстанцию и исправление судебной ошибки; исполнение судебного решения» (с. 17).

И, наконец, следует признать совершенно справедливым, правильным и значимым включение в диссертационное исследование в качестве структурных элементов содержания работы, прежде всего, параграфа 2 главы 1 «Закрепление права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина в международных актах и конституциях зарубежных стран» (с. 12–13), а также параграфа 2 Главы 3 «Ограничения конституционного права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина» (с. 19–21).

Работа в целом характеризуется внутренним единством, обусловленным темой исследования.

В ходе проведённого исследования диссертантом были проанализированы Конституция РФ 1993 г., различные международные акты и нормы международного права, решения Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного Суда РФ, нормативные правовые акты федерального уровня, постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, законодательство субъектов Российской Федерации, в работе использовались исторические источники, в том числе законодательство советского периода, а также конституции зарубежных стран.

Кроме того, соискателем были изучены труды ученых по теории права, истории государства и права, конституционному праву, международному праву, теории и истории прав человека в части, касающейся, прежде всего, судебной защиты прав и свобод человека и гражданина.

При этом применялись общенаучные (восхождение от абстрактного к конкретному, анализ, синтез, индукция, дедукция, логический, системный) и частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы познания.

Всё это позволяет говорить о достаточной степени обоснованности и достоверности научных положений, выводов и рекомендаций, предложенных соискателем.

Вместе с тем, в работе высказаны некоторые спорные суждения, в частности:

1. Вызывает сомнение необходимость предложения, изложенного на с. 9 автореферата, по совершенствованию законодательства, согласно которому «для обеспечения беспристрастности суда необходимо внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, установив запрет участия в рассмотрении дела в отношении судьи, который принимал решение в ходе досудебного производства о применении к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо продлении срока содержания обвиняемого под стражей».

Данное законодательное предложение противоречит последовательному ряду правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Так, в частности, в абз. 5 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 01.11.2007 № 800-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы

гражданина Самаева Андрея Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» отражено, что «вместе с тем в Постановлении от 2 июля 1998 года № 20-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что беспристрастность и независимость суда не нарушаются вследствие того, что в ходе предшествующего производства по данному делу этим же или вышестоящим судом принимались решения по тем или иным процессуальным вопросам, не касающимся существа рассматриваемого дела и не находящимся в прямой связи с подлежащими отражению в приговоре или ином итоговом решении выводами о фактических обстоятельствах дела, оценке достоверности и достаточности доказательств, квалификации деяния, наказании осужденного и т. д. К числу решений, участие в вынесении которых не препятствует судье впоследствии участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу, может быть отнесено определение (постановление) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока ее действия, поскольку фактическую основу для такого рода решений составляют материалы, подтверждающие наличие оснований и условий для применения конкретной меры пресечения, но никак не виновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления, подлежащую установлению в приговоре суда».

2. На с. 12 автореферата соискатель указывает, что «в отношении реформы по объединению Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ представляется, что необходимо проведение общественного обсуждения в профессиональном сообществе данной инициативы, так как ее реализация связана со значительными бюджетными расходами для государства, а также внесением изменений в Конституцию РФ».

Сегодня это уже не проблема общественного обсуждения, а в ближайшее время это станет свершившимся юридическим фактом.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ № 352924-6 «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» быстро прошел почти все этапы законодательного процесса, поэтому с большой долей вероятности он пройдет остальные стадии одобрения и вступит в силу в ближайшее время. В настоящее время Закон РФ о поправке к Конституции РФ одобрен Советом Федерации.

В связи с изложенным хотелось бы услышать мнение диссертанта по поводу того, будет ли объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ способствовать повышению эффективности реализации конституционного права на судебную защиту? Если да, то каким образом? Если нет, то почему?

3. На с. 19 автореферата отражено, что «… практика последних лет изменилась. Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно прямо указывал на возможность ограничения конституционного права на судебную защиту в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ».

В автореферате, к сожалению, не указываются требования, которые могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, в том числе и права на судебную защиту, осуществляемые в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а также должно ли это ограничение затрагивать само существо конституционного права.

В связи с изложенным хотелось бы задать диссертанту два вопроса: какие требования, исходя из правовых позиций Конституционного Суда РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, в том числе и права на судебную защиту, осуществляемые в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а также должно ли это ограничение, исходя из правовых позиций Конституционного Суда РФ, затрагивать само существо конституционного права?

4. Вызывает сомнение правомерность включения в число законных ограничений, устанавливаемых решениями Конституционного Суда РФ, как конституционного права на судебную защиту, так и тесно связанных с ним гарантий, изложенных на с. 20 автореферата, а именно: «Ко второй – в отношении положений Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), исключающих из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 «Террористический акт», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и 279 «Вооруженный мятеж» Уголовного кодекса РФ, и, соответственно, передающей такие дела на рассмотрение суда в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции».

В решении Конституционного Суда РФ, о котором идёт здесь речь, как раз говорится об обратном. Так, в абз. 2 п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан

Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» указывается, что «изменение подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей не может рассматриваться как ограничение права на судебную защиту: дифференциация процессуальных форм судебной защиты обусловливается обязанностью государства обеспечивать эффективность способов правовой защиты, а не указанными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации конституционно значимыми целями охраны основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [2].

Высказанные замечания во многом носят дискуссионный характер и не снижают в целом положительной оценки исследования.

Подготовленная работа является научно-квалификационной, в ней содержится решение задачи, имеющей существенное значение для науки конституционного права, и она соответствует всем требованиям, предъявляемым к данному виду работ (абз. 2 п. 7, п. 8 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 30.01.2002 года № 74 (в ред. от 20.06.2011)).

Полагаю, что всё вышеизложенное даёт основание для присуждения С.В. Астратовой учёной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.02 – «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право».

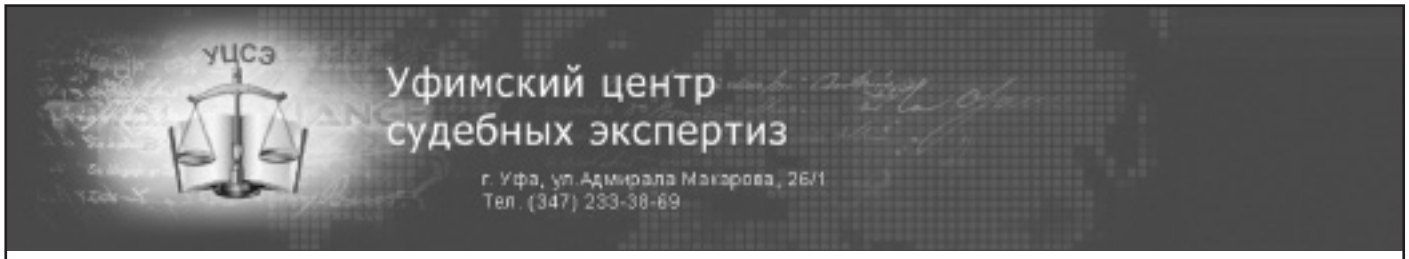
Доктор юридических наук, профессор ЮУПИ
В.Л. Кудрявцев

Пристатейный библиографический список

1. Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 6.
2. Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 3.

References

1. Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. – 2004. – № 6.
2. Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. – 2010. – № 3.



С радостью сообщаем вам, что начал работу Уфимский центр судебных экспертиз, являющийся членом Палаты судебных экспертов Российской Федерации. Наш центр обладает уникальным оборудованием и современными методиками производства различных судебных экспертиз, что подтверждается Сертификатом соответствия требованиям системы добровольной сертификации негосударственных судебно-экспертных лабораторий. Все это позволяет в кратчайшие сроки проводить следующие виды экспертиз и исследований любой сложности: судебно-почерковедческая экспертиза, технико-криминалистическая экспертиза документов, экспертиза определения давности изготовления документов, судебно-трасологическая экспертиза, судебно-автотехническая экспертиза, исследование холодного оружия, экспертиза материалов, веществ, изделий, строительно-техническая экспертиза, исследование объектов с составлением отчета об оценке их стоимости, психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа, другие виды экспертиз и исследований.

Кроме того, проводятся устные и письменные консультации, экспертное сопровождение юридических и физических лиц по гражданским, уголовным и арбитражным делам.

Директор Уфимского центра судебных экспертиз, кандидат юридических наук, доцент Ф.Г. Аминев

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т.п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т.е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость, а также теоретическую и практическую ценность для представителей адвокатского сообщества.

2. Статьи представляются в электронном виде (на адрес ragulin88@yandex.ru, eurasian-advocacy@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на компакт-диске.

3. Объем публикации – до 0,7 а.л. (28 000 знаков с пробелами). При необходимости редакция оставляет за собой право сократить материал или возвратить его автору для сокращения. Увеличение объема работы может быть согласовано с редакцией.

4. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указываются фамилия и инициалы автора. Название статьи печатается после фамилии, имени и отчества автора. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке и ключевые слова (3–10 слов). Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке, далее – аннотацию и ключевые слова на английском языке. Статья также может быть представлена на английском языке, при этом требуется перевод названия на русский язык, а также аннотация и ключевые слова на русском языке.

5. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ». Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть оформлены в текстовом редакторе Word.

6. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и дату последнего посещения веб-страницы(в круглых скобках).

7. После завершения статьи необходимо привести пристатейный библиографический список, т.е. список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале. В список не включаются Интернет-источники, нормативные акты, материалы судебной и следственной практики.

8. В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также полный почтовый адрес места работы. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, e-mail. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с автором статьи.

9. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

10. Настоятельно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы – на отсутствие вирусов.

11. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета или редакционной коллегии журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей. Редакция по электронной почте сообщает автору о результатах рецензирования, по его просьбе отсылает текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы. Рецензии представляются редакцией по запросам авторов и экспертных советов ВАК Минобрнауки России.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автору предоставляется возможность получить бесплатный электронный вариант экземпляра журнала, а также печатный вариант журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

14. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. При направлении статьи в редакцию автор вправе предварительно оговаривать исключительные (специальные) условия использования предоставляемого им произведения. Автор вправе отказаться от публикации предоставленных им материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать.

15. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отказаться публиковать представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

Сведения об авторах

АЗИЗЯН Виген Гарникович – аспирант Башкирского государственного университета, Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

АНЦУПОВА Татьяна Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской части Национального университета «Одесская юридическая академия», Украина, 65009, г. Одесса, ул. Фонтанская дорога, д. 23.

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Воронежского государственного университета, Российская Федерация, 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10а.

ВЕЛИЧКО Дмитрий Сергеевич – аспирант Института законодательства Верховной Рады Украины, Украина, 04053, г. Киев, пер. Нестеровский, д. 4.

ВОРОБЬЕВ Максим Васильевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Курского государственного университета, Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.

ДУБРОВИН Олег Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета, Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 76.

ЕМЕЦ Сергей Иванович – адвокат, учредитель и директор юридической фирмы «Емец и Компания», Украина, 65045, г. Одесса, ул. Еврейская, д. 53/7, а/я 131.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры информационной безопасности Института права и управления Башкирского государственного университета, Российская Федерация, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

ЗАКОМОЛДИН Алексей Валериевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по науке филиала ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» в г. Тольятти, Российская Федерация, 445057, Самарская обл., г. Тольятти, пр-т Степана Разина, д. 78.

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор Южно-Уральского профессионального института, Российская Федерация, 454112, г. Челябинск, пр-т Победы, д. 290в.

МАЛИКОВ Марат Файзелкадирович – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела исследования проблем конституционного и муниципального права Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Российская Федерация, 450059, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

ПОМИНОВ Андрей Викторович – кандидат педагогических наук, консультант отдела специальных экспертиз Главного экспертного управления Челябинской области, государственный судебный эксперт, эксперт по специальности «Психология и психофизиология», Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 59.

РАГУЛИН Андрей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура», Россия, 450059, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

САМЕДОВ Раван Тогид оглы – советник государственной службы, докторант Университета Бристоль, магистр права (Университет Лидс), магистр права (Бакинский Государственный Университет), бакалавр права (Бакинский Государственный Университет), член Британской Ассоциации социально-правовых исследований, заведующий сектором правового анализа и отчётов отдела по предотвращению пыток аппарата уполномоченного (омбудсмена) по правам человека Азербайджанской Республики, член Национальной превентивной группы по предотвращению пыток, United Kingdom, Bristol, Tyndall Avenue, BS8 1TH.

СИБИРЦЕВ Георгий Ильич – аспирант кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Воронежского государственного университета, Российская Федерация, 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10а.

ШАЙХУЛЛИН Марат Селирович – кандидат юридических наук, доцент, директор Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Россия, 450059, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

ANTSUPOVA Tatyana Aleksandrovna – candidate of juridical sciences, associate professor, leading researcher of research part of National university "Odessa Legal Academy", Ukraine, 65009, Odessa, Fontanskaya St., 23.

AZIZYAN Vigen Garnikovich – post-graduate student of the Bashkir state university, the Russian Federation, 450076, Ufa, Z. Validi St., 32.

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – doctor of juridical sciences,, professor, head of the chair of International and European law of law faculty of the Voronezh state university, Russian Federation, 394006, Voronezh, Lenin Sq., 10a.

DUBROVIN Oleg Vladimirovich – candidate of juridical sciences, associate professor of the constitutional and administrative law chair of the Southern Ural state university, Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76.

EMETS Sergey Ivanovich – advocate, the founder and the director of law firm "Emets and Kompaniya", Ukraine, 65045, Odessa, Evreyskaya St., 53/7, p.o. box 131.

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – doctor of juridical sciences, professor of the Southern Ural Professional institute, Russian Federation, 454112, Chelyabinsk, Pobedy Avenue, 290в.

MALIKOV Marat Fayzelkadirovich – doctor of juridical sciences, professor, the head of Center of research of problems of the constitutional and municipal law of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Russian Federation, 450059, Ufa, R. Zorge St., 20, office 7.

POMINOV Andrey Viktorovich – candidate of pedagogical sciences, consultant of department of special examinations of the Head expert department of Chelyabinsk region, the state Forensic expert, Russian Federation, 454091, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 59.

RAGULIN Andrey Viktorovich – candidate of juridical sciences, associate professor, advocate, head of the Center of research of problems of organization and activity of legal profession of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Russian Federation, 450059, Ufa, R. Zorge St., 20, office 7.

SAMEDOV Ravan Tohid Oglu – advisor of public service, PhD Researcher at the University of Bristol, LLM (University of Leeds), LLM (Baku State University), LLB (Baku State University) Member of the British Socio-Legal Studies Association, Head of Legal Analysis and Reports Division of the Department on Prevention of Torture of the Office of the Commissioner for Human Rights (Ombudsman) of the Republic of Azerbaijan, Member of the National Preventive Group on Prevention of Torture, United Kingdom, Bristol, Tyndall Avenue, BS8 1TH.

SHAYKHULLIN Marat Selirovich – candidate of juridical sciences, associate professor, Director of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Russian Federation, 450059, Ufa, R. Zorge St., 20, office 7.

SIBIRTSEV Georgy Ilyich – post-graduate student of chair of the organization of judicial authority and law-enforcement activity, law department of the Voronezh state university, Russian Federation, 394006, Voronezh, Lenin Sq., 10a.

VELICHKO Dmitry Sergeyevich – post-graduate student of Institute of the legislation of the Verkhovna Rada of Ukraine, Ukraine, 04053, Kiev, Nesterovsky Lane, 4.

VOROBYOV Maxim Vasilyevich – candidate of juridical sciences, the head of the department of civil and arbitral procedure of Kursk state university, Russian Federation, 305000, Kursk, Radishchev St., 33.

ZAKOMOLDIN Alexey Valeriyevich – candidate of juridical sciences, associate professor, Deputy director of branch of Russian State Social University in Tolyatti, Russian Federation, 445057, Tolyatti, Stepan Razin Ave, 78.

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich – candidate of juridical sciences, associate professor, associate professor of Institute of management and safety of business of the Bashkir state university, Russian Federation, 450076, Ufa, Z. Validi St., 32.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Jus est ars boni et aequi

www.eurasniipp.ru info@eurasniipp.ru +7-903-31-257-90